
802-11
97
РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Старорусская, 16.
XVII 36/6
КОНТОРА.
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.
ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ
и продажа номеровъ „ВЕСНЫ" въ книжномъ магазинѣ б. Попова, Невскій, угол. Фонтанки.
ВЕСНА
ОРГАН НЕЗАВИСИМЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ
ПОД РЕДАКЦІЕЙ
Н. Г. ШЕБУЕВА
№ 1.
СПБ.
1914

Н. Шебуевъ

Шутъ

32 разсказа Н. Шебуева.

Шутъ.— Perpetuum mobile.—Три запятыхъ.— Онъ, она и всѣ.— Торгъ.—Костюмъ Таисы.—Убійца.—Царица жестовъ.—Семь.— Чайная роза.— Поросенокъ.— Лѣта.—Творчество.—Голова.— Вампиръ.—Духи Юліи.—Ея и мои письма.—Женщина и дѣло.— Первый.—Дань.—Старая пѣсня. —Іероглифы.— Счастливецъ.— Радость бытія.— Спальня.— Институтка.—Первый крикъ.— Искусство смерти.—Глухонѣмой.—Идіотъ.— Танецъ семи покрываль.—Легенды Титаника. Многіе изъ этихъ разсказовъ переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ журналѣ «Jugend». Цѣна 20 коп.

НИКОЛАЙ ШЕБУЕВЪ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВТОРОЙ
ЛѢСТНИЦА ЖИЗНИ

НИКОЛАЙ ШЕБУЕВЪ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
РАЗСКАЗЫ

ВЕРСИФИКАЦІЯ

„Искусство писать стихи" Н. Шебуева.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ Н. ШЕБУЕВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АЛЕКСАНДРИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ, 5, МАГАЗИНЪ „ЛУЧЪ".

„ЧУДАКИ",

большой романъ кн. О. БЕБУТОВОЙ, изъ петербургской свѣтской и театральной жизни.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" и Вольфа, въ конторѣ „Петербургскаго Листка" (Екатерининскій каналъ, № 31) и у автора—гр. О. Г. Сологубъ (Екатер. каналъ № 31 кв. 5. Телефонъ 444—25).

Цѣна 2 рубля.

Рисунокъ *Н. Н. Крауге*, получившій премію навторомъ конкурсѣ „Весны“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб., на 6 мѣсяцевъ 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книжки 50 коп. Преміи получаютъ только годовые подписчики

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Лиговская 86, кв. 24. Телефонъ 655-96.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Невскій 66, книжный магазинъ б. М. В. Попова. Подписка и розница.

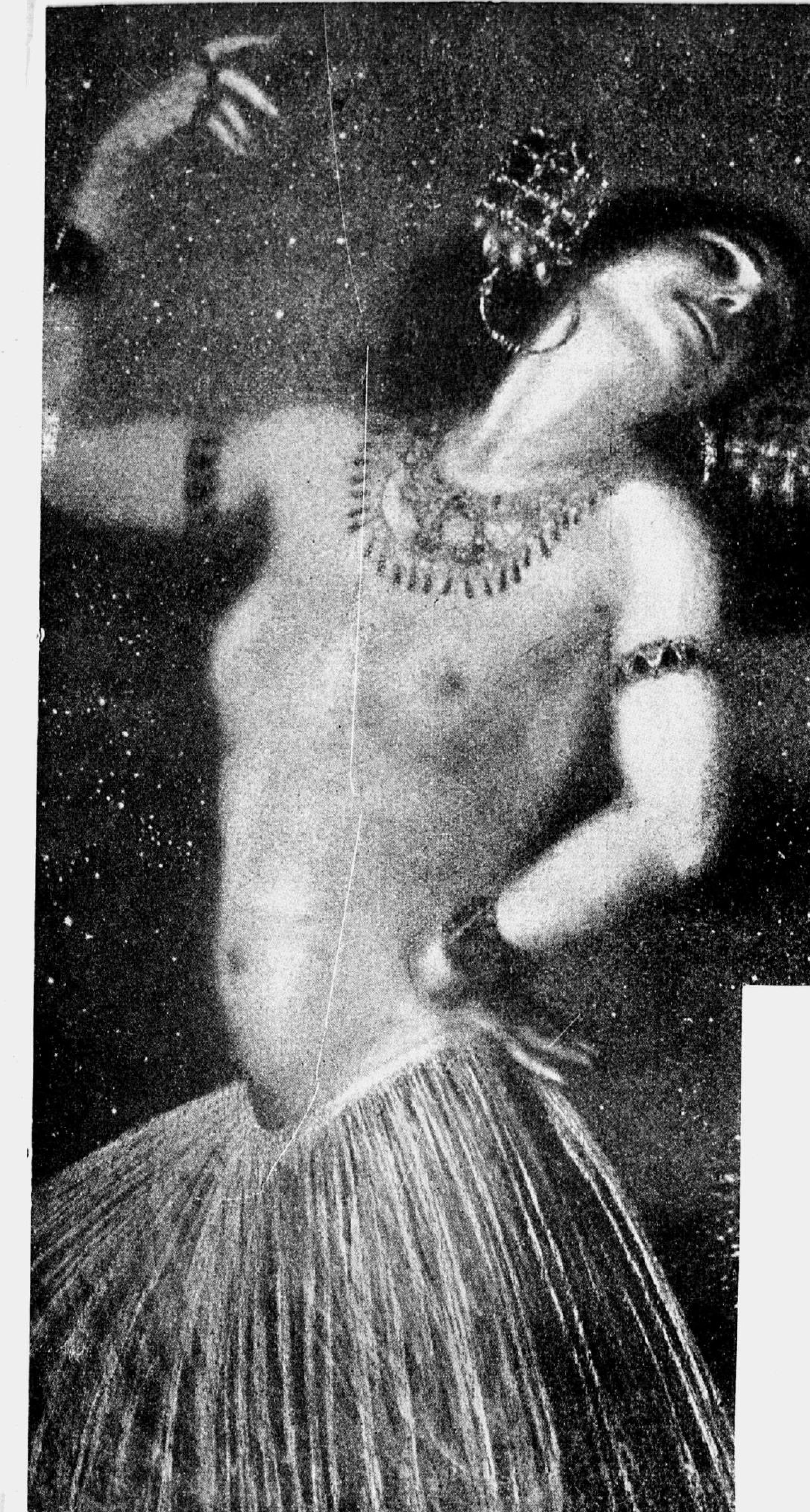
Содержаніе № 1 „ВЕСНЫ“.

Годовымъ подписчикамъ при этомъ номерѣ разсылается:

Первая премія—„Версификація“ Н. Шебуева.

Вторая премія — „Альбомъ Саломея“ (первый листъ).

Третья премія — „Альбомъ нотъ“ (первый листъ): *Лео Гебенъ.* Колыбельная пѣсенка.—*Н. Н. Евреиновъ* Полька на секундахъ.—*Георгій Лампси.* Прелюдія. *А. Вилинскій.* Цыганскій романсъ.

Францъ Штукъ.

Саломея.

САЛОМЕЯ.

ПОЭМА Н. ШЕБУЕВА.

Посвящена памяти Флобера и Тургенева.

1. Оглянись, оглянись, Суламита! Оглянись, оглянись,—и мы посмотримъ на тебя. Что вамъ смотрѣть на Суламиту, какъ на хороводъ Монаимскій?

2. О, какъ прекрасны ноги твои въ сандаліяхъ, дщерь именитая! Округленіе бедръ твоихъ—какъ ожерелье, дѣло рукъ искуснаго художника.

3. Животъ твой—круглая чаша, въ которой не истощается ароматное вино; чрево твое—ворохъ пшеницы, обставленный лиліями.

4. Два сосца твои, какъ два козленка, двойни серны.

5. Шея твоя—столпъ изъ слоновой кости; глаза твои—озерки Евсевонскія, что у воротъ Батраббима; носъ твой—башня Ливанская, обращенная къ Дамаску.

6. Голова твоя на тебѣ, какъ кармилъ, и волосы на головѣ, какъ пурпуръ; царь увлеченъ твоими кудрями.

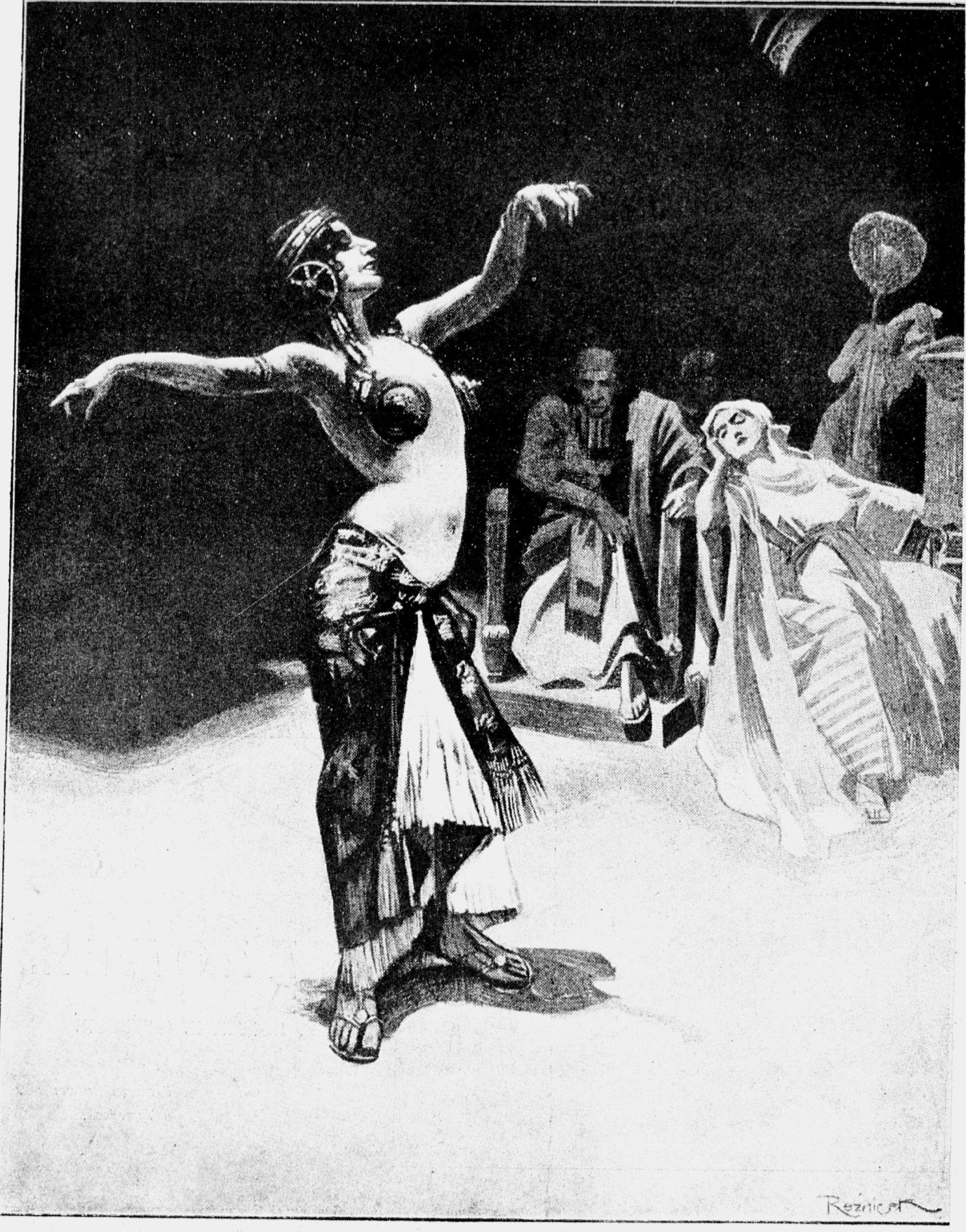
7. Какъ ты прекрасна, какъ ты привлекательна, возлюбленная твоею миловидностью.

8. Этотъ станъ твой похожъ на пальму и груди твои на виноградныя кисти.

9. Подумалъ я: влѣзъ бы на пальму, ухватился бы за вѣтви ея; и сосцы твои были бы вмѣсто кистей винограда и запахъ отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ.

10. Уста твои, какъ отличное вино.

„Пѣснь пѣсней“ Соломона.

Саломея. Ф. Резничекъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Занялась заря востока и разсѣяла туманъ,
И предъ Иродомъ Антипой Іудеи встали горы:
И Эброна мрачный куполъ, и Эсколь покрытъ гранатами...
Виноградники Сорэка... И холодный Іорданъ...
Море Мертвое. Пустыня... Все, куда хватаютъ взоры,
Все затеплилось, зардѣлось подъ лучами красноватыми.

Саломея. Артуръ Дэквальдъ.

2.

Занялась заря. На крышѣ неприступнаго дворца,
Средь бойничныхъ стѣнъ и башенъ Махерузской цитадели,
Этой выросшей надъ бездной на скалѣ твердыни каменной,
Онъ стоялъ, тетрархъ Антипа. И черты его лица
Нынче кажутся угрюмѣй. Очи звѣря въ даль глядѣли
Съ нескрываемой тревогой и съ надеждой хищнопламенной...

Саломея. Шмуцлеръ.

Саломея. Шмуцлеръ.

3.

Тамъ, у моря, станъ раскинутъ аравійскаго царя,—
Дочь его была женою, но тетрархъ ее отринулъ,
Чтобы жить съ женою брата своего, Иродіадою,—
Оскорбленный грозный деспотъ, жаждой мщенія горя,
Вотъ ужъ девять лѣтъ изъ ноженъ мечъ отравленный свой вынулъ,—
Девять лѣтъ война ведется съ аравійскою номадою.

Саломея. Рено.

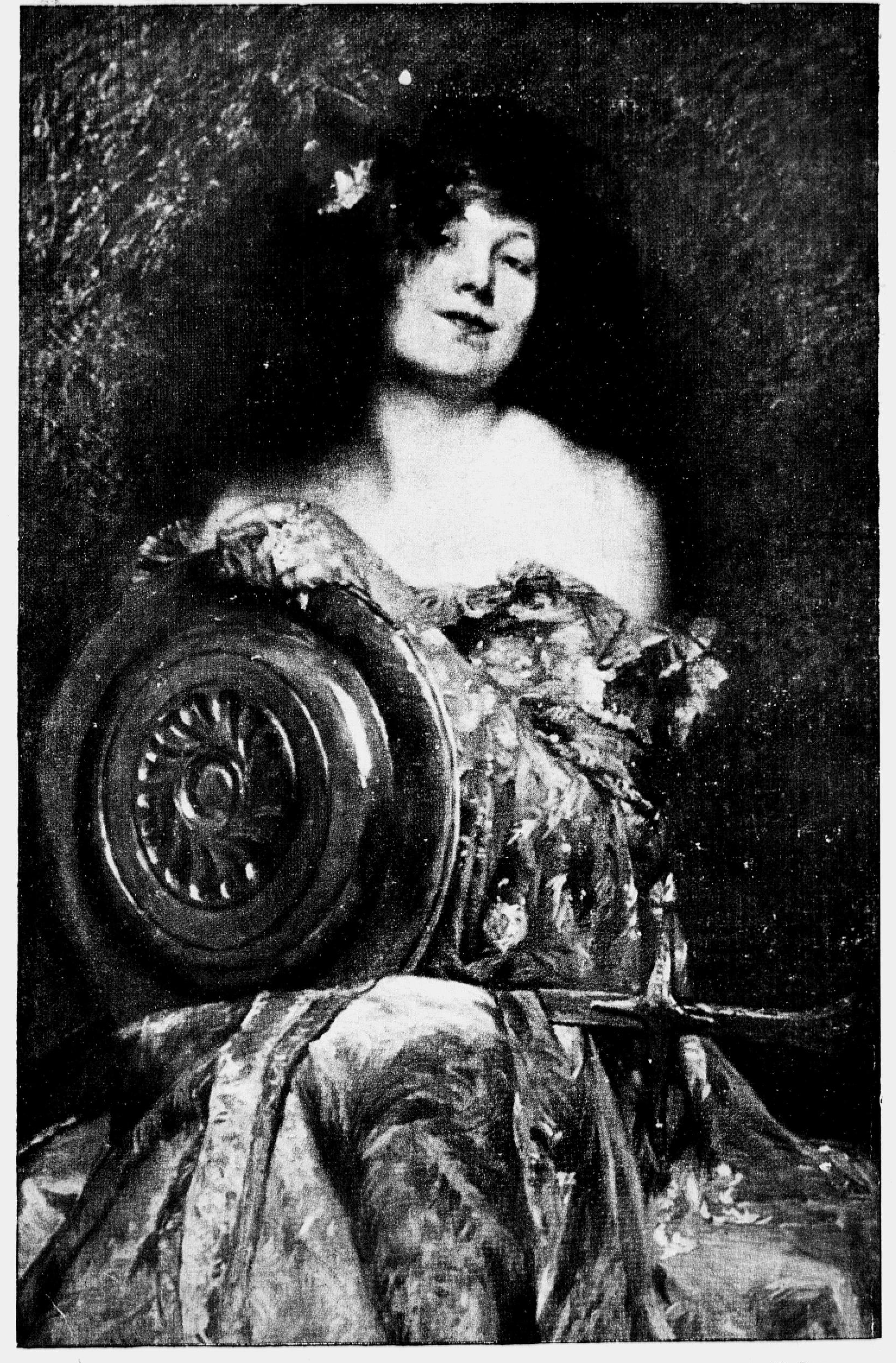
Саломея. К. Паузингеръ.

4.

Все вокругъ грозитъ возстаньемъ, если не поможетъ Римъ
И Вителлій не поспѣетъ. Ждетъ его со дня онъ на день.
Почему проконсулъ медлитъ? Можетъ, тутъ коварство скрытое?
Можетъ, Ирода Тиверій хочетъ замѣнить другимъ?..
И впивается въ дорогу взоръ тетрарха, безотраденъ,
И въ душѣ его проснулось предсказанье позабытое...

5.

Предсказанье Іоанна—іудейскаго волхва.
Помнитъ онъ, въ какой тревогѣ и въ какомъ смущеньи странномъ
Онъ послушалъ въ Галаадѣ эти крики изступленные,
Эти рѣжущія рѣчи, эти жгучія слова.
Помнитъ онъ, въ какомъ безсильи онъ стоялъ предъ Іоанномъ,
Онъ—тетрархъ, Иродіада, и рабы, и приближенные...

Саломея. Ж. Романи.

Ежемѣсячное изданіе

ВЕСНА

орган независимых писателей и художников
под редакцией
Н. Г. Шебуева

В политикѣ — внѣ партій
В литературѣ — внѣ кружков
В искусствѣ — внѣ направленій

Цѣль „Весны“ — прежняя: находить красоту въ юныхъ побѣгахъ души.

Въ каждой семьѣ есть юноша или дѣвушка, которые тяготятся пошлыми рамками скучной обыденки.

Сегодня, какъ вчера, завтра какъ сегодня, все такъ тускло, прѣсно, банально, сѣро.

А душа рвется къ празднику, къ яркимъ краскамъ, къ сказкѣ, къ бодрымъ разсвѣтамъ и расцвѣтамъ, къ красотѣ, красотѣ, красотѣ

И вотъ уходятъ эти чуткіе юные протестанты къ себѣ, замыкаются въ себѣ, запираются ото всѣхъ и тамъ въ святая святыхъ своего одиночества, втихомолку робко и радостно творятъ красоту.

Въ чемъ выражается она: въ звукахъ ли мелодіи, въ риѳмахъ ли стихотворенія, въ линіяхъ ли рисунка, въ образахъ ли разсказа,—но она дорога имъ эта красота первоцвѣтная, стыдливо и робко любующаяся сама собою.

Выглянулъ цвѣтокъ изъ подъ снѣга, тянется къ солнцу, а солнце отъ него... отворачивается...

Красоту нельзя держать подъ спудомъ, красота требуетъ, чтобы ей поклонялись. Хочетъ подѣлиться красотой добытой со дна своего святая святыхъ юный авторъ и — не знаетъ что дѣлать.

Журналы завалены рукописями начинающихъ, — отъ нихъ отмахиваются, какъ лѣтомъ отъ назойливыхъ мошекъ и комаровъ.

Никому нѣтъ дѣла, что изъ нѣкоторыхъ мошекъ порой слоны могутъ вырости.

Нѣтъ фактически времени, нѣтъ физической возможности у редактора общаго журнала отдаться дѣлу разысканія молодыхъ талантовъ, — или даже просто дѣлу помоганія юнымъ дебютантамъ дѣльнымъ совѣтомъ.

Такая задача по плечу и силамъ только журналу спеціально обрекшему себя на подвигъ служенія молодежи

Такимъ спеціальнымъ журналомъ былъ, есть и будетъ „Весна“.

Любовью къ молодой красотѣ и вниманіемъ къ начинающимъ будетъ проникнута каждая страница каждый клочекъ „Весны“.

Такъ нѣкогда начиналъ свою жизнь съ поощренія молодежи „Jugend“.

А теперь это одинъ изъ лучшихъ журналовъ въ мірѣ, журналъ сотрудничать въ которомъ я считаю для себя за великую честь и радость.

„Весна“ никогда не гналась за именами, хотя произведенія самыхъ видныхъ писателей и художниковъ русскихъ и и украшали ея столбцы.

Писатели: Леонидъ Андреевъ, Аркадій Аверченко, Н. Агнивцевъ, Сергѣй Ауслендеръ, Шоломъ Ашъ, Э. Бескинъ Б. Бентовинъ, Аркадій Буховъ, Юрій Бѣляевъ. Ѳедоръ Благовъ, Сергѣй Городецкій, Н. Гумилевъ, Изабелла Гриневская, Н. Гурвичъ, Сергѣй Горный, Осипъ Дымовъ, О. Л. Д'Оръ, А. Р. Кугель, А. И. Косоротовъ, А. И Купринъ, М Кузминъ, Кн Ф. Касаткинъ-Ростовскій, Н. А. Крашенинниковъ Л. Лебедевъ, Петръ Потемкинъ, Петръ Пильскій, В. Пекарскій, Михаилъ Пустынинъ, Алексѣй Ремизовъ, Иванъ Рукавишниковъ, А. Свирскій, Игорь Сѣверянинъ И. Тенеремо, Фрицхенъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный,и др. Художники: И. Бродскій, И. М. Грабовскій. Н Н. Герардовъ А. М Любимовъ, Д. И. Мельниковъ, Н. В. Ремизовъ, А А. Радаковъ, Э Спандиковъ Музыканты: А. Канкаровичъ В. Сениловъ.

„Весна“ понимаетъ что центръ тяжести не въ украшеніяхъ, не въ именахъ, а въ томъ, чтобы дать молодымъ талантамъ эстраду — высказаться. арену — бороться и выбиться въ люди (какъ выбились въ писатели изъ весеннихъ Н. Агнивцевъ, Арк Буховъ, Пименъ Карповъ, Георгій Ивановъ, Н. Вавулинъ и др.) и оппонентовъ поспорить.

Не однимъ печатаніемъ своихъ произведеній можетъ выдвинуться въ „Веснѣ“ молодой талантъ.

Онъ можетъ помѣрять свои силы въ конкурсахъ „Весны", можетъ сверкнуть своимъ остроуміемъ и находчивостью въ играхъ ума „Весны"—(напримѣръ, буриме) или въ отдѣлѣ „Disputandum est", предназначенномъ для споровъ по вопросамъ искусства.

Какъ и прежде „Весна" не занимается политикой.

Въ настоящей политикѣ есть своеобразная красота,—красота взмаховъ крыла, взлетовъ, паденій, высокихъ достиженій и глубокихъ разочарованій.

Но въ Россіи нѣтъ такой настоящей большой политики, а съ мелкой будничной, вермишельной „Весна" не хочетъ имѣть дѣла.

Да кромѣ того—„Весна" журналъ спеціальный,—спеціально искусству посвященный.

По прежнему „Весна" *въ политикѣ—внѣ партій, въ литературѣ-внѣ кружковъ, въ искусствѣ-внѣ направленій.*

Этотъ девизъ „Весны" въ свое время осуждался многими,—но теперь кажется даже самые горячіе спорщики угомонились: *въ храмѣ искусства нѣсть эллинъ, ни іудей—всяческая и для всѣхъ красота.*

Все, кромѣ политики, порнографіи, пошлости и скуки привѣтствуетъ „Весна".

Но въ особенности „Весна" привѣтствуетъ молодость, бодрость, искренность исканій и радость нахожденій.

Я попросилъ А. С. Бухова дать мнѣ статейку о начинающихъ писателяхъ.

То, что онъ прислалъ мнѣ идетъ въ разрѣзъ съ моими ожиданіями, наблюденіями и впечатлѣніями.

Но я все же помѣщаю эту рѣзкую статью противъ начинающихъ въ „Веснѣ" именно для того, чтобы показать, какими враждебными глазами большинство редакторовъ смотрить на дебютантовъ.

Три-четыре нахала изъ числа неудачниковъ, обивающихъ пороги всѣхъ редакцій, терроризируютъ господъ завѣдующихъ редакціями и послѣдніе съ нихъ переносятъ озлобленіе на всѣхъ начинающихъ. Мои же личныя наблюденія таковы: настоящій талантъ застѣнчиво, робко и безкорыстно дѣлаетъ свои первые шаги—(вѣдь „Весна" печатаетъ всѣхъ безплатно!) Лишь бездарность навязчива, нахальна, жадна и криклива, какъ футуристъ.

Въ интересахъ полнаго безпристрастія и нелицепріятія я прошу лицъ, желающихъ помѣщать свои произведенія посылать ихъ по почтѣ, а не заносить въ редакцію лично.

Вообще отъ устныхъ отвѣтовъ о судьбѣ произведеній, хотя бы и по телефону, редакція „Весны" отказывается безусловно.

Всѣ отвѣты и совѣты помѣщаются только въ „Почтовомъ ящикѣ Весны"—отдѣлъ, на веденіе котораго будетъ обращено особое вниманіе.

Въ любой библіотекѣ, спросивъ послѣднюю книгу „Весны" вы узнаете судьбу посланной вами рукописи.

Покупать въ розницу номера „Весны", тратить полтиникъ—не по карману молодежи.

Лучше требуйте въ интересахъ журнала, молодыхъ писателей и библіотеки, чтобы послѣдняя выписала „Весну".

Я вынужденъ сдѣлать „Весну" ежемѣсячной только изъ за недостатка средствъ

Вѣдь еженедѣльникъ обходится вдвое дороже ежемѣсячника, т. к. для розницы приходится печатать вдвое больше чѣмъ требуетъ спросъ

Въ ежемѣсячномъ же видѣ „Весна" обезпечена на годъ и надѣется за это время прочно встать на ноги.

Говорю я съ моими читателями объ этихъ „семейныхъ дѣлахъ" только потому, что во первыхъ у меня отъ друзей нѣтъ секретовъ; во вторыхъ, чтобы отпарировать вопросъ, почему „Весна" перестала быть еженедѣльникомъ; въ третьихъ, чтобы попросить молодежь помочь мнѣ не подпиской, не розничными полтинниками, а единственно требованіемъ отъ библіотекъ „Весны".

Если половина библіотекъ Россіи подпишется на „Весну" ея дѣло обезпечено.

Итакъ, „Весна" возродилась!

„Весна" идетъ! „весна" идетъ!

Будемъ молоды, бодры и радостны!

Н. Шебуевъ.

Въ этомъ номерѣ начата печатаніемъ поэма Н. Шебуева «Саломея» съ иллюстраціями лучшихъ художниковъ міра. Эта поэма будетъ помѣщена въ первыхъ четырехъ номерахъ «Весны» на мѣловой бумагѣ съ особою номераціею страницъ и составитъ особый альбомъ, который поступитъ и въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ. Со второго номера съ отдѣльной нумераціей страницъ будетъ печататься романъ-утопія Н. Шебуева «Идіоты».

Шеурихъ.

КОНКУРСЫ ВЕСНЫ.

Первый конкурсъ „Весны".

(Буриме).

Даны слѣдующія концы строкъ стихотворенія:

. . . . танго
. . . . лишай
. . . . орангутанга
. . . . потѣшай
. . . . мадонна
. . . . пирогъ
. . . . бездонна
. . . . продрогъ

Требуется присочинить начала строкъ. Срокъ подачи отвѣтовъ—15 февраля. На каждомъ конвертѣ должны стоять слова: „Конкурсъ № 1". Лучшія буриме будутъ напечатаны въ № 2 „Весны".

Второй конкурсъ „Весны".

(Художественный).

Тема—„Саломея". Картина можетъ быть исполнена масляными красками, акварелью, перомъ, карандашомъ, соусомъ,—словомъ чѣмъ угодно. Размѣръ и отношеніе сторонъ—безразличны. Выборъ момента предоставляется всецѣло художнику. За лучшую изъ присланныхъ „Саломей" будетъ выдано 50 рублей. Картины и рисунки признанные достойными будутъ печататься въ „Веснѣ" на мѣловой бумагѣ въ теченіе этого года. Картина должна быть подписана псевдонимомъ или фамиліей художника безразлично Не забудьте указать адресъ автора. Срокъ подачи—1 мая 1914 года. Присужденіе преміи будетъ опубликовано въ № 5 „Весны".

Третій конкурсъ „Весны".

(Литературный).

Написать разсказъ въ 100 строкъ на тему „Шутъ". За лучшій разсказъ премія 25 рублей. Срокъ подачи—1 марта 1914 г. Лучшіе разсказы будутъ напечатаны въ первыхъ номерахъ „Весны". Присужденіе преміи въ № 3 „Весны".

Четвертый конкурсъ „Весны".

(Музыкальный).

Написать для рояля піесу въ 100 тактовъ на тему „Радость". За лучшее сочиненіе премія въ 25 руб. Произведенія признанныя достойными будутъ напечатаны въ „Веснѣ". Подъ романсомъ—подпись или псевдонимъ. Срокъ подачи 1-го апрѣля 1914 г. Результатъ конкурса будетъ объявленъ въ № 6 „Весны".

Пятый конкурсъ „Весны".

(Графика).

Желая поощрить графическое искусство, находящееся у насъ въ такомъ загонѣ, „Весна" предлагаетъ художникамъ присылать рисунки, исполненные перомъ или итальянскимъ карандашомъ, назначеніемъ которыхъ было бы украшеніе страницъ журнала. Достойные будутъ напечатаны, а за лучшій—премія 25 р. Чѣмъ скорѣе начнется присылка этого матеріала въ „Весну", тѣмъ лучше. Послѣдній срокъ преміи на конкурсъ—1 іюня 1914 г. Премія будетъ назначена въ № 6 „Весны".

КНИГА СТИХОВЪ

ПРЕДГРОЗЯ.

Хороша кума Матреша:
Глазки--огоньки,
Зубки—жемчугъ, косы—русы,
Губки—лепестки.
Что ни шагъ,—совсѣмъ лебедка,
Взглянетъ,—что весна!
Я зову ее „Предгрозей"—
Такъ томитъ она.
Но строга она для парней,
На нее не дунь...
А какая ужъ тамъ строгость,
Коль запѣлъ іюнь!
Полдень дышетъ—полдень душитъ.
Выйдешь на балконъ,
Да „запустишь" ради скуки,
Старый граммофонъ.
Понесутся на деревню
„Фаустъ", „Трубадуръ",
Защекочетъ сердце дѣвкѣ
Крылышкомъ амуръ...
Глядь, идетъ ко мнѣ Предгрозя,
Въ паркъ идетъ ко мнѣ.
Тѣло вдругъ захолодѣетъ,
Голова—въ огнѣ.
„Милый кумъ"..—Предгрозя... ластка!..—
Спазмы душатъ рѣчь..
О, и что это за радость,
Радость нашихъ встрѣчъ!
Сядетъ дѣвушка, смѣется,
Взоръ мой жадно пьетъ.
О любви, о жгучей страсти
Намъ іюнь поетъ.
И поетъ ея сердечко,
И поютъ глаза;
Грудь колышется волною,
А въ груди—гроза!
Развѣ тутъ до граммофона
Глупой болтовни?
И усядемся мы рядомъ
Въ липовой тѣни.
И молчимъ, молчимъ въ истомѣ,
Слушая, какъ лѣсъ
Намъ поетъ о счастьи жизни
Призрачныхъ чудесъ.
Мнится намъ, что въ этомъ небѣ
Намъ блестятъ лучи;
Грезимъ мы, что въ этихъ ивахъ
Намъ журчатъ ключи.
Счастливъ я, внимая струямъ
Голубой рѣки,
Гладя пальцы загорѣлой,
Милой мнѣ руки.
Хорошо и любо,—вижу,
Вижу по глазамъ,
Что нашептываютъ сказки
Вѣрящимъ цвѣтамъ...
И склоняется головка
Дѣвушки моей
Ближе все ко мнѣ; и жарче
Пѣснь ея очей.
Ручкой теплою любовно
Голову мою
Гладитъ долго, повѣряя
Мнѣ бѣду свою:
„Бѣдность точитъ, бѣдность губитъ;
Полонъ ротъ заботъ;
Развѣ тутъ похорошѣешь
Отъ ярма работъ?
Лѣтомъ все-же перебьешься,
А зимой что ѣсть?
По нуждѣ идешь на мѣсто,—
То-то вотъ и есть!"
Мнѣ взгрустнется поневолѣ,
Но безсиленъ я:
Ничего я не имѣю,
Бѣдная моя.
Любишь ты свою деревню,—
Вѣрю я тебѣ...
Дочь природы, дочь простора,
Покорись судьбѣ!
А она уже смѣется,
Слезку съ глазъ смахнувъ,
И ласкается, улыбкой
Сердце обманувъ.
Я прижмусь къ ней,—затрепещетъ,
Нѣжитъ и пьянитъ,
И губами ищетъ губы,
И томитъ, томитъ...
Расцѣлую губки, глазки,
Шейку, волоса,—
И ищи потомъ гребенки
Цѣлыхъ два часа.
Солнце сѣло, и туманы
Грезятъ надъ рѣкой...
И бѣжитъ Предгрозя паркомъ,
Что есть силъ, домой,
И бѣжитъ мелькая въ липахъ,
Съ крикомъ: „не скучай,—
Я приду къ тебѣ по-утру,
А пока—прощай!.."

Игорь Сѣверянинъ.

1. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Смѣйся, паяцъ!

Смѣйся, дитя, ты надъ сказкой и бытомъ.
Смѣйся! Не хмурь философски свой лобъ!
Смѣйся, дитя, надъ разбитымъ корытомъ,
Имя которому—гробъ...

2. МАРИНА

Бродилъ по пустынному берегу,
По мокрому пляжу отлива я.

Смотрѣлъ какъ волна похотливая
Лизала, ласкаючись, отмели...
Все думалъ: „Придетъ ли та дѣвушка,
Которую видѣлъ намедни я?.."
Лучи догорали послѣдніе
Спокойнаго яснаго вечера.
Все ждалъ. Смаковалъ одиночество.
Все ждалъ. Въ счастьи ждать столько прелести,
Какъ въ волнъ неразгаданномъ шелестѣ...
Она не пришла, эта дѣвушка...

3. ЦЫГАНСКОЕ.

Поцѣлуй меня, приголубь-пригубь,
Не входи душой въ мою душу вглубь:
Лишь коснись слегка, лишь скользи, скользи...
Лишь вотъ такъ, вотъ тутъ, лишь вотъ здѣсь
вблизи...
Ахъ, не надо бурь—все смететъ бурранъ!—
Ни большихъ страстей, ни глубокихъ ранъ..
Безъ любви люби, безъ страстей дерзай..
Приголубь-пригубь... Не терзай...

4. СЫЧЪ.

Мы пошли лѣсною чащей
Въ лѣса празелень вошли
Ночью темной и молчащей,
Ой дидъ-ладо, лель-люли...
— „Что бродить безъ толку Лада?
Тамъ сосна, тамъ дубъ, тутъ ель,—
Всюду томная прохлада
Лягъ на мшистую постель...
Мы закроемся шугаемъ [1]),
Запахнемся тѣльникомъ [2])..."
— „Я боюсь, что расшугаемъ
Птицъ, примолкнувшихъ кругомъ"..
— „Что болтать... Какія птицы?
Птицы спятъ давно, повѣрь,
Даже глупой трясовицы [3])
Не увидишь ты теперь!.."
— „Я боюсь, мы ихъ разбудимъ...
Крикнетъ филинъ.. Коростель..."
— „Мы съ тобой тихонько будемъ...
Лягъ на мшистую постель"...
Только пить восторги рая
Началъ я, ой лели-лель,
Трепеща весь и сгорая,
Сычъ съ сосны шарахъ на ель...
— „Почему ты оглянулась,
Поцѣлуемъ не дожгла?"
— „Я боюсь... Тамъ встрепенулась,
Тамъ шумитъ надъ нами мгла"...
— „Этотъ сычъ—лунатикъ видно,—
Путешествуетъ во снѣ...
Позабудь о немъ!.." Обидно:
Сычъ опять летитъ къ соснѣ.
Вновь лобзаніе завязло
На устахъ, ой лели-лель...
— „Глупый сычъ!" А онъ мнѣ на зло
Вновь съ сосны шарахъ на ель,—
Словно такъ ему и надо!
И замретъ среди вѣтвей.
Вся дрожитъ отъ страха Лада.
Я шепчу на ухо ей...
Успокою. Вдругъ шарахнетъ
Подлый сычъ съ сосны на дубъ.
Лада снова такъ и ахнетъ,—
Не могу найти я губъ,
А когда найду, въ лобзанье
Вновь сольемся, лели лель!
— „Сычъ опять"!..—„Ахъ, наказанье!"
Смята мшистая постель
Чуть прикрыты мы шугаемъ
И тѣльникъ упалъ съ плеча..
И шугаемъ, все шугаемъ
Угорѣлаго сыча...

. . . .

Наконецъ мнѣ шепчетъ Лада;
— „Будетъ.. Больше не хочу...
Не могу... Не въ силахъ... Надо,
Надо дать покой сычу!.."

Н. Шебуевъ.

Я.

Любить сегодня—завтра разлюбить.
Построить храмы съ тѣмъ, чтобъ ихъ разрушить.
Все узнавать, чтобъ все легко забыть.
Все видѣть, понимать, все чутко слушать,—
И все отбросить—властно и шутя,
Всему сказать спокойно: „отрицаю".
Жить такъ, какъ солнце—празднично свѣтя,
А не лампадкой тусклою мерцая.
Люблю скользить въ опасностяхъ игры
И знать, что я въ рукахъ судьбы—былинка,
Всѣмъ рисковать, чтобы выиграть пылинку,
А проиграть міры.

Лидія Лѣсная.

ВЪ БЕЗДНѢ.

Мы такъ сладко, такъ дико вдвоемъ наслажда-
лись—
Сняли съ пальца твое золотое кольцо,
И надъ этимъ кольцомъ такъ смѣялись, смѣя-
лись,
И горѣло грѣхомъ молодое лицо.
Было что то звѣриное въ страсти мятежной,
Въ ней дышали дорогъ запрещенныхъ цвѣты,
Въ ней дрожали въ снѣжинкахъ зимы бѣлоснѣж-
ной
Изступленнаго, знойнаго лѣта мечты.
Было сладко забыться въ огнѣ преступленья,
И, вѣнчая короной грѣха нашу страсть,
Въ безпокойныхъ волнахъ, въ ненасытномъ го-
рѣньи
Въ безконечную бездну страданій упасть.
Умирали цвѣты на измятой постели
Мы вдыхали горячій, волнующій ядъ,
И уже не могли, и уже не хотѣли
Изъ отравленной бездны вернуться назадъ...

Ю. И. Кось.

КОРРИДОРЪ.

Наша жизнь—угрюмый корридоръ:
Входъ изъ тьмы, а выходъ также къ ночи.
Прячутъ, прячутъ ярко-свѣтлый взоръ
Золотыя солнечныя очи.
Давитъ насъ молчаніе громадъ
И слѣпые ощупью мы бродимъ...
Ищемъ благъ, веселья и оградъ,
Ну, а что находимъ?

Ефимъ Садовичъ.

---

[1]) *Шугай*—старорусская теплая одежда вродѣ тальмы.
[2]) *Тѣльникъ*—тоже вѣроятно старорусскій женскій нарядъ.
[3]) *Трясовица*—старорусская птица по всей вѣроятности прародительница нашей трясогузки.

1. ВЪ ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Ко мнѣ довѣрчиво прильнула,
Дышала хмѣльною весной,
Въ чаду вечерняго разгула
Бѣжала радостно со мной,
Посеребренныя панели
Сверкали въ краскахъ, какъ роса;
И возбужденные звенѣли
Въ морозный вечеръ голоса,
Клубилась даль и розовѣла.
Къ тебѣ влюбленно я приникъ
И такъ по—дѣтски такъ несмѣло
Щекой ласкалъ твой воротникъ.
И чувствуя твое дыханье
И стукъ въ груди и трепетъ рукъ,
Весеннихъ дней благоуханье,
Казалось, слышу я вокругъ.
Морозный вечеръ свѣтло-синій
Казался мнѣ весеннимъ днемъ,
А на мѣхахъ застывшій иней—
Янтарнымъ солнечнымъ, лучемъ.

2. НА БЕРЕГУ.

Сѣдой изломъ волны чеканенъ
И словно литъ изъ серебра,
Въ своей красѣ онъ дикъ и страненъ,
И грань его, какъ мечъ, остра.
Его игрой я зачарованъ,
Гляжу, любуюсь. Вновь гляжу,
Какъ онъ подъ тюлевымъ покровомъ
Жемчужитъ алую межу.
Шумитъ прибой. Блестятъ изломы.
И въ каждомъ встрепетѣ волны
Я вижу бури, слышу громы
Родной, далекой стороны.
Вдали утесъ. Огонь маячитъ.
Пустыненъ берегъ. Ни души.
Лишь одинокій вѣтеръ скачетъ
И будитъ ночью камыши.

Викторъ Надель.

Дебютъ Вѣры Инберъ.

1. ВЪ УБОРНОЙ.

Приливъ толпы былъ слышенъ ясно
Въ уборной маленькихъ актрисъ.
Я завязала бантъ атласный
На парикѣ англійской миссъ.
Запѣла радостно и полно
Въ оркестрѣ мѣдная труба.
Въ какія трепетныя волны
Меня забросила судьба?..
Сейчасъ себя я не узнала-бъ
Въ короткомъ платьѣ travesti,
Но не хочу я позднихъ жалобъ,
И не могу себя спасти.

2. ЦЫГАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Все забуду. Всѣхъ покину.
Сахаръ спрячу для коня.
Въ мѣховую пелерину
Ты закутаешь меня.
И сквозь рыжій мѣхъ лисицы,
Какъ русалка сквозь траву,
Отыщу твои рѣсницы,
Сдую снѣжную канву.
О сукно твоей шинели
Трется лѣвая щека.
Глубже ночь, и снѣгъ тяжеле,
И дорога далека.
Что-то будетъ? Утро встанетъ,
Гдѣ-то насъ найдетъ оно?..
Чья рука меня поранитъ?
Чей бокалъ прольетъ вино?

3. ВЪ ОДЕССѢ.

У Васъ якоря на ладоняхъ,
Вы морякъ, и живете въ порту.
Я лишь разъ была на тоняхъ,
Въ прошломъ Великомъ Посту.
Но все время фрейлейнъ Дора
Шептала: „Bleib ruhig, Du!“
И этой весною, скоро,
Я къ морю опять приду.
Я приду одна, на разсвѣтѣ,
Когда всѣ еще будутъ спать.
Какъ у папы въ его эполетѣ,
Будетъ въ небѣ звѣзда лежать.
И всю рыбу у Васъ куплю я,
Чтобъ Вы остались у корабля.
Солнце скажетъ всѣмъ: Аллилуйя!
„Аллилуйя“, отвѣтитъ земля.
Сколько будетъ людей и лодокъ,
И, навѣрное, шумъ и смѣхъ!
Я возьму съ собою свой кодакъ,
И сниму и море, и всѣхъ.

4. ЗОЛОТЫЕ ОГНИ.

Золотыя огни растекаются, никнутъ и таютъ.
О, увы! я зажечь ихъ опять не могу.
Если мысли твои отъ холодныхъ вѣтровъ умираютъ,
То мои разгораются лучше на дикомъ снѣгу.
Если милыя мысли твои—средиземныя розы,
И отъ южнаго солнца горятъ, какъ персидскій коверъ,
То мои, то мои—только ломкія вѣтви березы.
Имъ нужны и пороша, и буря, и льдистыя слезы,
И лѣсной темно-красный костеръ.
Я должна ихъ зажечь, но не солнцемъ,—его я не знаю,—
А рождественскимъ свѣтомъ въ заснѣженномъ старомъ бору.
Здѣсь, отъ этой весны не весной, я почти погибаю,
И, среди аккуратныхъ садовъ, я боюсь, я боюсь, что умру!

Парижъ.

Вѣра Инберъ.

Дебютъ Г. Сеферова.

1. БУДЬ СОБОЙ!

Ты видишь, зарница сверкнула вдали,
Мечты твои были, мечты отцвѣли,
Но огненный слѣдъ не сотрешь никогда
И то, что горѣло, то будетъ всегда.
Расцвѣтъ твой недологъ, какъ трепетъ волны,
А сѣрые будни безмѣрно длинны
Пусть мигъ, только мигъ—но ты будешь собой,
Какъ птица на волѣ, какъ вѣтеръ степной.
Для дерзкихъ и смѣлыхъ одинъ только путь

Въ безумномъ порывѣ сгорѣть, утонуть
И съ буйнымъ напѣвомъ приливной волны,
Отдать свою жизнь за красивые сны.

2. ТЫ ПРИДЕШЬ.

Буду ждать за садовой рѣшеткой,
Ты придешь, обѣщала на дняхъ!
Своей дѣвичьей, робкой походкой
Съ тихимъ смѣхомъ на алыхъ губахъ.
Въ глубь, гдѣ пахнетъ черемухой бѣлой.
Какъ ребенка тебя унесу,
Обнимая рукою несмѣлой
Расплету золотую косу.
И въ твоемъ затуманенномъ взорѣ
Я прочту, какъ волнуется кровь,
Не сверкайте разсвѣтныя зори,
Не будите любовь!

3. ЗА ТОБОЙ!

Мы въ старой залѣ, темной залѣ,
Гдѣ ты такъ призрачно свѣтла...
Не слышно подошла къ роялю,
Взяла аккордъ и отошла.
Здѣсь все ненужно, сумракъ тѣсный
Обвѣянъ мертвою тоской.
Ты все скользишь съ веселой пѣсней
И я вдогонку за тобой.
Весенній дождь шумитъ въ березахъ.
Неслышно въ чащѣ звонкихъ птицъ,
Темнѣетъ небо въ буйныхъ грозахъ,
Сверкая трепетомъ зарницъ.
Смѣясь ты косы разметала
Весна намочитъ ихъ дождемъ...
Какъ хорошо изъ грусти зала
Къ березамъ убѣжать вдвоемъ.

4. КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Зазвенѣли колокольчики вдали,
Звонъ все ближе, вотъ смолкаетъ у воротъ,
Алымъ макомъ ярко щеки расцвѣли,
Сердце дѣвичье поетъ.
Скрипнетъ дверь, задорный, буйный, молодой,
Подкрадется онъ, какъ вешняя гроза,
Подойдетъ, обниметъ нѣжною рукой
И заглянетъ ласково въ глаза.
Станетъ былью, что приснилося давно,
А на утро, кони снова унесли,
Только слышно ей въ открытое окно,
Какъ смѣются колольчики вдали.

5. ОТЧЕГО?..

Ты пришла ко мнѣ ласковой, тихой, несмѣлой,
Какъ приходитъ задумчивый вечеръ весной
Милой, нѣжной невѣстой, невѣстою бѣлой
Съ дѣтскимъ взглядомъ, горящимъ мечтой.
Но меня увлекаютъ другіе призывы,
Бѣлый трепетъ плывущихъ вдали парусовъ
И тебѣ ли съ душою такою пугливой
Уловить прелесть буйныхъ сверкающихъ словъ.
Я не тотъ, о которомъ ты въ грезахъ мечтаешь голубкой.
Я ищу свое счастье въ тревожной борьбѣ,
Но скажи, я не знаю, быть можетъ ты знаешь?
Отчего я такъ часто грущу о тебѣ?

Г. Сеферовъ.

Дебютъ Василія Пахомова.

1. НОЧНАЯ ТАЙНА

Черная ночь за окномъ притаилась...
Черныя мысли ползутъ неспѣша...
Что-то знакомое ярко проснулось—
Не разгадаетъ нѣмая душа.
—Бѣлыя тѣни небесныхъ видѣній
Рѣяли звѣздно въ открытомъ окнѣ;—
Мысли горѣли въ чаду пробужденій,
Плакало сердце въ пророческомъ снѣ...
Чѣмъ-то весеннимъ дохнуло случайно
Въ черную тучу—и стало свѣтло,
И, разрѣшенная черняя тайна
Строгой морщиной легла на чело...

2. СЛѢПЦЫ

Мы—слѣпцы бредемъ въ пустынѣ
Зноемъ солнечнымъ палимы;—
Ищемъ праведной святыни,
А найдемъ—проходимъ мимо.
Наше сердце зачерствѣло
Отъ болѣзни и застоя,
Истрадавшееся тѣло
Въ струпьяхъ все, горитъ отъ зноя.
Суховей дымящей тучей
Обвиваетъ насъ истомой;
Ноги жжетъ песокъ горючій
Больно, тягостно знакомой...
Мы бредемъ, бредемъ какъ тѣни
Полуночнаго изгнанья,
То бѣжимъ, то на колѣни
Встанемъ въ скорбя покаянья.
Но молчитъ долина смерти,
Полуденнымъ дышетъ жаромъ,
Отъ земли до самой тверди
Раскаленная пожаромъ...

3. БЛАГОВѢСТЪ.

Весной навѣянная тишь
Дремала въ вѣткахъ лозняка.
И,—отразивши облака
Ласкала стынущій камышъ,
Какъ сталь блестѣвшая рѣка ..
Сгущались тѣни... За рѣкой
Далекій благовѣстъ гудѣлъ...
Душа повѣрила покою,
А я повѣрить не умѣлъ..

4. МГНОВЕНЬЕ

Сегодня озеро спокойно,
Безмолвна ласковая тишь.
О чемъ-то думу вѣковую
Рѣшаетъ дремлющій камышъ.
И—облака на синей дали,
Блѣднѣя снѣжныя, молчатъ...
Кто Ты, Всевластный, что нарушишь
Молчанье царственныхъ громадъ?..

5. ГРУСТЬ.

Весельемъ праздничнымъ и шумомъ
Гудѣлъ нарядно-пестрый балъ
Я въ уголкѣ, отдавшись думамъ
Сидѣлъ тоскуя и молчалъ.

Волной мятежной и холодной
Рыдалъ таинственно рояль,
Будя въ душѣ моей безплодной
Давно истлѣвшую печаль...

6, КОМУ?

Одинъ, безъ цѣли, безъ желанiй,
Безъ упованiй дни влачу.
Душа устала отъ рыданiй
И я, невѣдомый молчу.
Кому слезу своей печали
Я съ тихой радостью пролью?..
Кому шепну, чтобъ услыхали
Какъ безпредѣльно я люблю? .
Одинъ невѣдомый отъ вѣка,
Живу, какъ будто не живу,—
Я блѣдный призракъ человѣка,
Я—сонъ разсвѣтный на яву.

7. ВЪ ЗОЛОТѢ ПОЛДНЯ.

Заиграли Божьи, пчелки, пряжу солнца расплели—
Золотыя стрѣлы—нити золотятъ колокола...
Солнцемъ вытканы полотна золотящейся пыли
Отъ лазури до погоста, отъ погоста до села.
Небо сине... Въ дали синей тѣнь весенняя свѣтла ..
Опрокинуты въ затонѣ золотые купола...
Въ ясный полдень тиховѣйно золотится поле ржи.
Отъ лучей, дробящихъ солнце, отъ прозрачныхъ облаковъ,
Прячась въ стбели ржи высокой у неспаханной межи
Жмурятъ темныя рѣсницы глазки синихъ васильковъ.
Полдень зноенъ Божьи пчелки пряжу сонца расплели—
Нити спутали въ клубочки золотящейся пыли...
Небо сине... Въ дали синей тишь хрустальна свѣтла...
Опрокинуты въ затонѣ золотыя купола...

8. СКАЗКА.

Облака какъ стрѣлы.
Не поетъ заливъ.
Дремлетъ онѣмѣлый
Камышей извивъ.
Бѣлыя туманы
Встали за рѣкой.
Рощи и поляны
Стерегутъ покой...
Въ камышахъ у плеса,
Въ чуткой тишинѣ
Заплетая косы
Пересядь ко мнѣ.
Про печаль былую
Надо позабыть...
Хочешь поцѣлую?—
Или—дальше плыть?..

9. СЧАСТЬЕ

Раньше пламенныхъ зорь просыпаешься ты—
Окрылять и ловить заревыя мечты
Раньше гномовъ лѣсныхъ перекличку ведешь
Многогрустную пѣснь о печали поешь...
Раньше звѣздъ огневыхъ что горятъ въ вышинѣ—
Ты блѣднѣешь дитя въ не закрытомъ окнѣ.
Призываешь меня похудѣвшей рукой—
Приходи подѣлиться земною тоской...
Приходи молодой, приходи поскорѣй,
Обойму, обовью шелкомъчерныхъ кудрей
Отгадаетъ-ли кто, что со мною ты былъ,
Какъ меня цѣловалъ и цѣлуя, любилъ?
Отгадаетъ ли кто, какъ любила тебя?—
Не услышитъ никто, какъ отдамся, любя ..
Я къ окну подойду на призывъ твой больно й
И хмѣльной, я упьюсь голубой тишиной.
Поцѣлую тебя, поклонюсь соловью,
Шелковистую косу-змѣю обовью,
Зачарую тебя, заласкаю какъ другъ
Нѣжной грезой сожгу мимолетный испугъ
Поблѣднѣвъ, зарыдавъ, поглядишь мнѣ въ лицо
Снимешь съ пальца свое золотое кольцо,—
И томясь, и горя, мы уйдемъ отъ окна
Въ молчаливую сѣнь гдѣ насъ встрѣтитъ Весна.
Раньше пламенныхъ зорь мы проснемся съ тобой—
Запоемъ про любовь въ тишинѣ голубой...
Раньше звѣздъ, золотыхъ что померкнутъ во мглѣ
Мы раскажемъ о счастьи усталой землѣ...

10. СМОТРИТСЯ МѢСЯЦЪ

Смотрится мѣсяцъ въ окошко узорное
Бѣлою ночью... Синѣетъ морозъ
Смотритъ серебрянно око дозорное
Въ душу святую, гдѣ таинство грезъ
Гдѣ предзакатная месса свершается .
Въ быстромь движеньи вечернихъ тѣней.
Гдѣ вся земная тоска завершается
Позднею жалобой вянущихъ дней...

11. ЛУННАЯ ТИШИНА

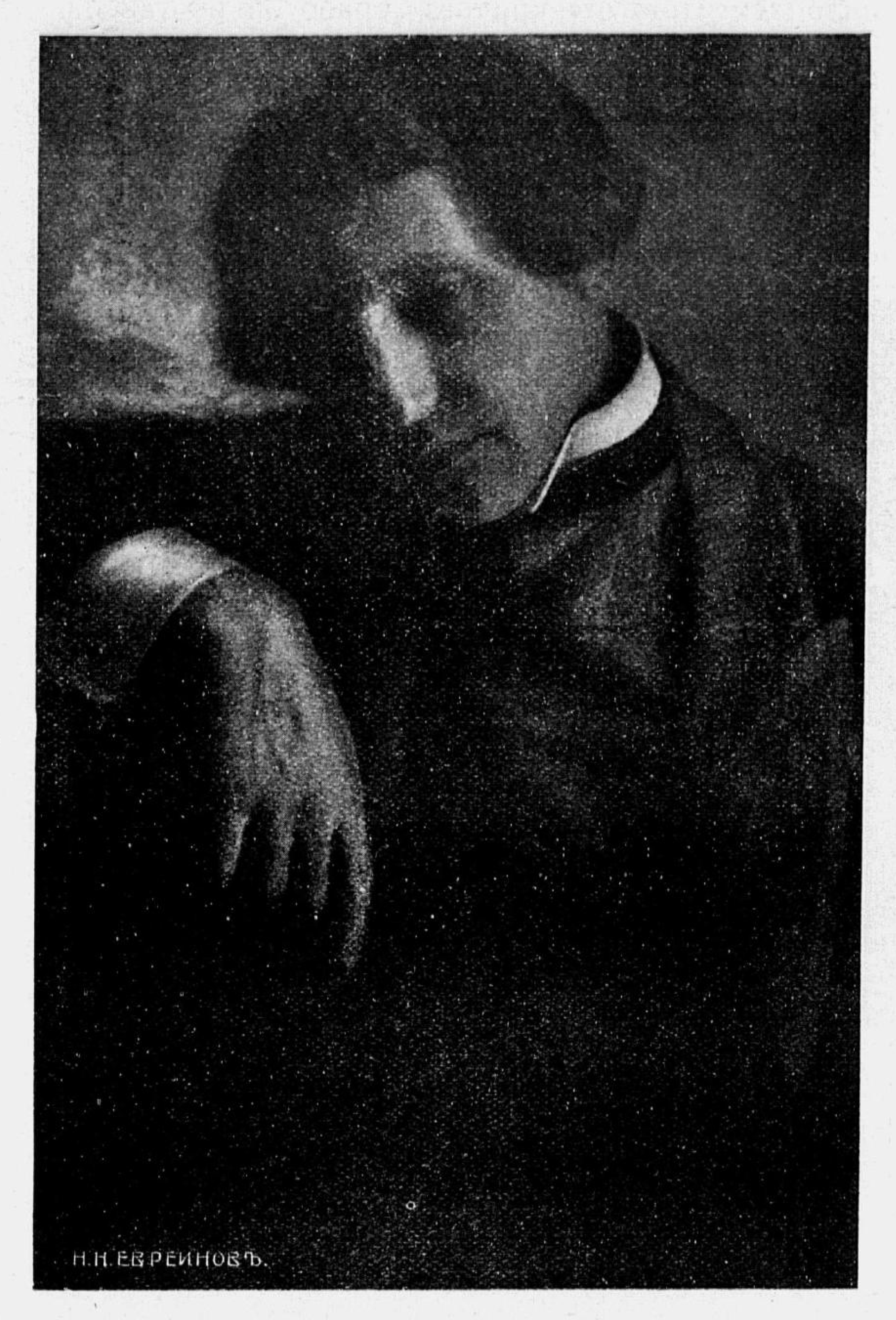
Бѣлизна серебристая крышъ.
Непонятная молвь наяву...
Я влюбленъ въ эту лунную тишь
И кого-то ищу и зову.
Я не помню мучительныхъ словъ,
Обо всемъ позабытомъ молчу,—
Но въ безмолвьи жемчужныхъ снѣговъ
Я чего-то молю и хочу.
Жемчуга многоцвѣтныя ткутъ
По карнизамъ свою бахрому...
Далеко колокольцы поютъ
И о чемъ-то грустятъ—не пойму...
Я влюбленъ въ эту лунную тишь,
Я кого-то ищу и зову...
Бѣлизна серебристая крышъ,—
Непонятная молвь на яву...

12. МЫ.

Насъ съ тобой никто не знаетъ,
Въ этой жизни мы одни.
Жизнь сама насъ охраняетъ
И считаетъ нашн дни.
Мы безвольные на волѣ
Съ ясной радугой взошли,
Въ ароматномъ, знойномъ полѣ
Василькамм зацвѣли ...
Въ тепломъ ласковомъ просторѣ
Вѣтерокъ насъ покачнетъ
И слезу, что въ нашемъ взорѣ
Безпечальную смигнетъ.
Мы не знаемъ жизни краше,
Сказки—радостнѣй, яснѣй,
Чѣмъ лазоревое наше
Счастье бѣлыхъ свѣтлыхъ дней.

Василiй Пахомовъ.

Фот. М. А. Шерлинга.

Мой любимый театръ.

Н. Евреинова.

Помню, по прiѣздѣ въ Морокко, еле отдохнувъ отъ утомительнаго пути въ первой попавшейся Танжерской гостиницѣ, я сейчасъ-же побѣжалъ съ проводникомъ на улицы Казбы, мучимый острымъ любопытствомъ театральнаго зрителя, боящагося пропустить начало представленiя.

Черезъ полъ-часа зайдя въ кофейню на перекресткѣ пяти кривыхъ проулковъ и подкрѣпившись тамъ козьимъ молокомъ, мучными лепешками и сушеными фруктами я усѣлся покомфортабельнѣй и съ наслажденiемъ отдался тревогѣ впечатлѣнiй.

Передо мною мелькали въ безпорядкѣ, часто останавливаясь, топчась на мѣстѣ, смѣясь, крича, бранясь и поминутно понукая своихъ муловъ и осликовъ, — арабы, суданскiе негры, кабиллы, берберы, бедуины, евреи въ патрiархальныхъ „восточныхъ“ одеждахъ, женщины съ закрытыми лицами и обнаженными ногами, полуголыя дѣти, марокканскiе „дозорные“, водоноши со звонками, нищiе съ вытекшими глазами, какой-то черный шутъ въ несуразномъ тряпьѣ и съ желѣзными кастаньетами, два-три „знатныхъ испанца“, чалмы, чадры, фески, ручныя запястья и ножные браслеты, дикiе оттѣнки одеждъ, всевозможные цвѣта кожи, начиная съ сажи и кончая терракотой, а надъ всѣмъ этимъ потопомъ звенящихъ, орущихъ и колющихъ красокъ—изсиня—синее небо, въ рамкѣ полосатыхъ навѣсовъ, торчокъ минарета и приморскiя чайки.

Черезъ часъ я поймалъ себя на мысли, что для меня вся эта дѣйствительноеть не дѣйствительность, не „всамдѣлишность“, а самый настоящiй театръ, гдѣ режиссеръ, увлекшись „народной сценой“, затянулъ ее дольше всякой мѣры.

Казалось, вотъ—вотъ вся эта толпа куда-то смоется, стихнетъ, и еще неизвѣстные мнѣ главные персонажи поведутъ дiалогъ въ возвышенно-площадномъ тонѣ, который такъ-бы подошелъ ко всей этой обстановкѣ, ко всѣмъ этимъ декорацiямъ.

Но этого не случилось. И то, что этого не случилось, когда, согласно здравому сценическому смыслу, „оно“ должно было случиться, подѣйствовало отрезвляюще, возвративъ дѣйствительности ея дѣйствительный характеръ.

И стало жаль... Дальше повторенье, видѣнное, слышанное... Декорацiи не мѣняются, главные персонажи застряли въ кулисахъ... Пора домой или въ другой театръ.

Да, да!—это былъ театръ, самый настоящiй театръ, да еще такой, гдѣ я самъ-же очутился актеромъ! Первый разъ въ жизни я такъ ясно, такъ полно, такъ остро ощутилъ чары сбывшейся возможности обращенiя жизни въ театръ безъ помощи подмостковъ, суфлерскаго экземпляра, репетицiй, режиссера, наконецъ... цензуры.

И виновникомъ полученнаго наслажденiя, его сценичности, его чистѣйшей театральности, свободнымъ авторомъ всей этой радостной метаморфозы настоящаго въ ненастоящее, творцомъ—преобразителемъ, художникомъ—поэтомъ, настоящимъ чародѣемъ перекрестка пяти кривыхъ проулковъ,—былъ я, я, я, не прiявшiй жизни въ ея обычной формѣ, а въ моей, произвольной лучшей.

Поистинѣ я—Заратустра, кипятящiй случай въ собственномъ котлѣ!—Самъ себѣ устраиваю театръ, самъ себѣ выбираю „точку зрѣнiя“, самъ себѣ авторъ, антрепренеръ и зритель, я властно обращаю перваго проходимца въ тѣшащаго меня актера, любуясь имъ, жалѣю его, смѣюсь надъ нимъ, а надоѣстъ,—ухожу, не заплативъ ни копѣйки за мѣсто.

Да,—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ,—а съ тѣхъ поръ я все рѣже и рѣже бываю въ настоящемъ театрѣ, предпочитая ему такой ненастоящiй.

Раньше, напримѣръ, я не любилъ дѣлать то, что называется „ходить въ гости“.—Теперь для меня это первѣйшее удовольствiе. Обожаю.

Сядешь себѣ гдѣ-нибудь съ краюшку, скажешь для приличiя два-три слова и смотришь, слушаешь, наслаждаешься. А они-то стараются, они-то пыжатся!

Вѣдь я ихъ хорошо знаю! Когда они не на сценѣ, „не на людяхъ“, не актеры, не „разыгрывающiе изъ себя“, не „представляющiеся“, вѣдь это такiе скучные люди, что не подходи“!—некрасивые, несмѣшные, не „одѣтые“, себѣ въ тягость и другимъ мука. Повторяютъ слова „самые обыкновенные“, слова голода, похоти, молитвы, работаютъ до одуренiя, или лѣнятся до одуренiя, или напиваются до одуренiя.. Всѣ ждутъ чего-то. Всю жизнь ждутъ чего-то..

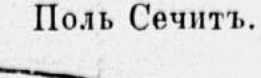
Я знаю, чего они ждутъ! Они ждутъ часа, когда, смывъ съ себя скуку и нудную обычность. они надѣнутъ маски мечтательности, дѣловитости, глубокомыслiя, идейности, остроумiя, изощрен-

ности, смѣлости, примиренности, непонятности и соберутся всѣ вмѣстѣ, чтобы тѣшить меня весь вечеръ полусвѣтскимъ, свѣтскимъ или даже великосвѣтскимъ спектаклемъ.

Они будутъ тонировать, они будутъ жеманничать, они будутъ „такими простыми и милыми", добрыми, граціозными, значительными, „немножко сорви головы", немножко Донъ-Жуаны, Гамлеты, Джульеты, „Дамы съ камеліями"...

Ахъ, мнѣ тогда такъ трудно удержаться отъ аплодисментовъ отъ криковъ „браво", а иногда и отъ шиканья, потому, что (съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ!) случается, что и лучшіе актеры среди нихъ вдругъ позабудутъ роль или дадутъ реплику такъ фальшиво, такъ бездушно, такъ грубо, какъ будто это въ жизни, а не на сценѣ.

Н. Евреиновъ.

Поль Сечитъ.

Миніатюры.

1. ВЪ ГОРОДСКОМЪ САДУ.

Городской садъ.

Жгучій, душистый лѣтній вечеръ.

На небѣ переливаются и млѣютъ далекія звѣзды.

Изъ-за утопающихъ въ полумракѣ деревьевъ доносятся какіе-то манящіе, таинственные шорохи.

Томительно-страстно льются бархатные звуки скрипичнаго оркестра.

Темпъ музыки то горячечно-ускоренный, то исполненный, щемящихъ за сердце, тягучихъ, нѣжныхъ чаръ.

По аллеямъ сада, озаренные призрачно-мертвеннымъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ, точно фантастическія тѣни, рѣютъ фигуры гуляющихъ.

Все болѣе молодежь: военные, юные чиновники, студенты, гимназисты, гимназистки.

Взгляды юношей и дѣвъ встрѣчаются... Загораются... Приростаютъ другъ къ другу.

Блещутъ и страстно млѣютъ, точно звѣзды.

Губы то сочно увлажняются, то сохнутъ отъ зноя скрытыхъ желаній.

А звѣзды на далекомъ небосводѣ горятъ все страстнѣе.

Все истомнѣе становится недышащій воздухъ.

Музыка въ отдаленіи звучитъ все призывнѣе и ярче.

Все загадочнѣе блещутъ и мерцаютъ очи...

Сохнутъ и трескаются губы.

Все тѣснѣе становится кругъ гуляющихъ.

Все болѣе сливаются въ одно тысячи распаленныхъ горячихъ дыханій.

Все ближе и ближе невольно соприкасаются тѣла гуляющихъ.

Часы идутъ за часами.

Взадъ и впередъ по аллеямъ городского сада слоняется подъ звуки музыки многочисленная публика.

2. ПОКОРИТЕЛЬ СЕРДЕЦЪ.

Красавецъ Н., упитанный и сочный молодой человѣкъ, слывшій опаснымъ сердцеѣдомъ, показывалъ мнѣ однажды трофеи своихъ многочисленныхъ побѣдъ: чемоданъ, биткомъ набитый женскими письмами, медальонами, фотографическими карточками и т. д.

Интересная коллекція!

Тутъ были лица цвѣтуще бѣлыя и прозрачно-бѣлыя, просвѣчивающія, точно стеаринъ.— Овальныя лица благороднаго матоваго цвѣта и цвѣта лучшей слоновой кости.—Задорно-веселыя, розовыя личики со вздернутыми носиками—лица взрослыхъ дѣтей. Жгучія, смуглыя лица, сохранившія еще какъ будто, во всей свѣжести, знойный поцѣлуй полуденнаго солнца и такія, въ которыхъ чувствовалась сладостная темень южной ночи...

...Тамъ были глаза—огненно-лазурные, какъ—не придумавъ новыхъ, я вынужденъ пользоваться старыми сравненіями—небесная синь, озаренная жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ и очи—страстно млѣющія, далекія одинокія звѣзды...

Глаза томно-мечтательные, словно пришедшіе невѣдомо откуда и изумленно глядящіе на этотъ холодный, чуждый имъ міръ...

Тамъ были уста—но гдѣ мнѣ взять словъ, чтобы описать чарующій—если можно такъ выразиться „взглядъ женскихъ устъ"? Одни уста

были свѣжія, улыбающіяся солнцу, неспѣлыя, сочныя вишни, другія—страстно вожделѣющія розы, зовущія, почти крикливыя въ своей горячей требовательности... Уста полныя, кроваво-красныя, какъ отверстія, зіяющія раны, говорящія о какихъ-то кровавыхъ оргіяхъ далекихъ прошедшихъ временъ...

А какія женскія души таинственно высматривали изъ за строкъ этихъ писемъ и изъ-за этихъ изображеній... Нѣжныя, вѣрныя, самозабвенныя Маргариты, пламенныя Юліи, загадочныя Офеліи, Метерлинковскія трогательно-наивныя, щемящія грустью дѣти принцессы...

Съ этихъ изображеній и писемъ подымался дивный ѳиміамъ благоухающихъ женскихъ тѣлъ и нѣжныхъ женственныхъ душъ, предъ которыми ничтожными казались всѣ благоуханія миѳическихъ эдемскихъ садовъ... Зіяла тутъ страшная, ослѣпительно-сверкающая бездна, изъ невидимыхъ глубинъ которой выростали чудовищно-громадные, спутанные корни Жизни и Смерти, вершины страданій и наслажденій...

Лились чистыя, какъ кристаллъ, горючія слезы... Слышался задорный, струнный смѣхъ... Стоны переходили въ голубиное воркованіе и плачь—въ кокетливыя соловьиныя трели...

Острый пряный запахъ крови чувствовался въ воздухѣ, и душа жадно впитывала его, словно искрометный, пьяный напитокъ... Обреченныя жертвы бились въ страшныхъ судорогахъ, сладостныхъ пытокъ, а иныя тихо угасали съ покорной улыбкой на блѣдныхъ, обезкровленныхъ устахъ... Умъ, съ дикимъ хохотомъ, погружался въ море безумія, вѣдьмы плясали, обнявшись съ херувимами, храмъ превращался въ грязный лупанарій и лупанарій въ чудный соборъ, возносящій къ небу величественныя верхушки...

Дышало кругомъ глубокой тайною, извѣчной мистеріей, жуткой какъ ликъ Медузы и такой язвительно-прекрасной, что хотѣлось упасть тутъ на колѣни, со сложенными руками, молиться и плакать, и забыться, и умереть въ сладостно-томительномъ упоеніи, обвѣянный эфирно-цвѣточнымъ дыханіемъ великаго, безсмертнаго, жестокаго Эроса...

Предо мной—упитанный, свѣжій, веселый стоялъ герой всѣхъ этихъ романовъ, владѣлецъ всѣхъ этихъ безцѣнныхъ, царственныхъ сокровищъ и, глядя на разбросанные въ безпорядкѣ на полу трофеи любви—клочки человѣческаго сердца—добродушно ухмылялся изъ подъ своихъ пышныхъ, выхоленныхъ усовъ и лукаво подмигивалъ мнѣ маленькими, маслянистыми глазками.

3. ВИШНИ.

Мы сидѣли съ ней въ саду и говорили другъ другу нѣжныя, любовныя рѣчи.—Она прильнула къ моему плечу и начала страстно цѣловать мои уста, щеки, глаза.

— Боже! какъ сильно она меня любитъ! подумалъ я, умиляясь душою.

Въ саду продавались фрукты. Я купилъ для моей милой нѣсколько десятковъ вкусныхъ, сочныхъ вишенъ. Она жадно приняла ихъ уничтожать ихъ, громко смакуя ихъ сочную мякишь и аппетитно облизываясь.

Я случайно бросилъ въ эту минуту взглядъ на ея лицо.

На немъ было выраженіе, очень похожее на то, которое я замѣтилъ на немъ, когда она меня такъ страстно цѣловала.

И я подумалъ: она меня не любитъ, она лакомится мной!..

4. МОЛЧИ ДѢВУШКА!..

Молчи, дѣвушка!.. Ни слова больше!..

Вѣдь все, что ты скажешь, такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что такъ понятно въ тебѣ и безъ словъ.

Что значатъ всѣ человѣческія слова передъ выразительнымъ языкомъ твоихъ мерцающихъ очей? Передъ сладостно-опьяняющимъ дыханіемъ твоей молодости? Передъ громкимъ голосомъ твоего цвѣтенья...

Что значатъ слова устъ твоихъ передъ нѣмымъ краснорѣчіемъ этихъ-же самыхъ дѣтски-наивныхъ устъ, точно раскрытыхъ въ цѣломудренно-страстномъ вожделѣніи?..

Молчи!.. Ни слова, дѣвушка!.. Молчи!.. Ты—вся музыка!..

5. НИМФА.

(Посвящается Лили).

Хрустальная лѣтняя ночь парила надъ землей на своихъ серебряныхъ крыльяхъ.. На лужайкѣ лѣсной сидѣли мы оба... Не знаю о чемъ мы говорили, не знаю о чемъ мы молчали... Мы сидѣли словно завороженные неизъяснимою прелестью деревенскаго лѣтняго вечера, торжественнымъ хораломъ глубокой окрестной тишины, сладостной красотой роскошнаго лѣсного пейзажа, словно темное, эбеновое изваяніе, застывшаго въ безвѣтренномъ воздухѣ своими недвижными, полуосвѣщенными контурами...

На лужайкѣ лѣсной сидѣли мы оба. И не знаю о чемъ мы говорили, и не помню о чемъ мы молчали.. Вдругъ въ порывѣ, которому еще не придумано названья, моя подруга легкимъ движеніемъ руки, сбросила съ себя тонкую ткань, стройно облегавшую ея юное, упругое тѣло.—И, сверкая нагой, мраморной бѣлизною, съ загадочнымъ, затуманеннымъ взоромъ и распущенными, вьющимися волосами предо мною во-очію предстала древняя Нимфа...

И, словно статуя, скрестивъ руки безъ словъ и безъ движенья, благоговѣйно глядѣлъ я на эти роскошныя, дѣвственныя формы, озаренныя меланхолически-нѣжнымъ, кроткимъ сіяніемъ луннаго диска. И, въ великомъ очарованіи, мнѣ хотѣлось-бы въ тотъ мигъ—упасть на колѣни подъ этимъ звѣзднымъ, таинственнымъ небомъ, чтобъ въ чистой, какъ горный хрусталь, и пламенной молитвѣ уплатить дань восторженной благодарности вѣчнымъ богамъ-зиждителямъ, въ своей безконечной благости, неизмѣнно творящимъ дивно-прекрасныя формы жизни...

6. ПРОБЛЕМА.

Я знавалъ когда-то одного человѣка.

Чумазое, непріятное лицо, бѣгающіе, хитрые глазки, плебейскіе бакенбарды—все въ немъ составляло отталкивающую смѣсь лакея, военнаго цырюльника, лисы и гончей собаки.

Это былъ плутъ и проныра, какихъ мало, грубіянъ первой руки и, что называется „мѣдный лобъ“.

Однажды мнѣ пришлось провести вечеръ вмѣстѣ съ этимъ господиномъ въ одномъ семейномъ домѣ.

Наговоривъ, въ короткое время, много самаго безшабашнаго вздора, мой знакомый, вдругъ какъ-то задумавшись, запѣлъ про себя въ полъголоса какой-то старинный романсъ.

И я былъ пораженъ, очарованъ чудной бархатистостью и сладостью его голоса, невыразимой красотой звуковъ, лившихся у него, казалось изъ какого-то таинственнаго, неизсякаемаго источника. На мгновенье предо мной открылись какія-то невѣдомыя глубины и перспективы, что-то горячо затрепетало, заискрилось, переливалось и вдругъ опять замолкло, какъ будто все это было только сномъ или случайно разсказаннымъ фрагментомъ волшебной сказки...

Предо мной сидѣлъ все тотъ же знакомый мнѣ субъектъ съ лакейскими бакенбардами и и вульгарными ухватками; онъ грубо и отвратительно смѣялся и, какъ ни въ чемъ не бывало, говорилъ невообразимыя пошлости.

* * *

Я видѣлъ, какъ на великосвѣтскомъ балу, подъ звуки прекраснаго оркестра, танцовали пышно разодѣтые кавалеры и дамы...

Они методически-правильно выдѣлывали разныя замысловатыя па. Но чувствовалось, что ихъ вялая, безкровная, *непляшущая* душа съ трудомъ волочится за ихъ быстро двигающимися ногами и, бѣдняжка, никакъ не можетъ поспѣть за согласнымъ такту музыки, живымъ и страстнымъ плясовымъ темпомъ...

Я видѣлъ, какъ подъ звуки простой волынки, плясали цыгане и цыганки на цвѣтущей лѣсной полянѣ...

Чувствовалось, что ихъ нога только—струны, на которыхъ глубоко-возбужденная душа наигрываетъ свою восторженную пѣснь...

И видно было что ноги—струны никакъ не могутъ поспѣть за бурно стремительнымъ, скачущимъ ритмомъ пляшущей души... И, словно подсобляя имъ, подплясываютъ въ тактъ плечи, руки, лицо—всѣ мускулы, всѣ нервы танцующихъ... Но все-жъ не можетъ выразить себя—до послѣдняго атома вакхически возбужденная, пламенная цыганская душа!..

Я видѣлъ какъ танцовали разодѣтые дамы и кавалеры на великосвѣтскомъ балу... Я видѣлъ, какъ, подъ звуки простой волынки, плясали цыгане и цыганки на цвѣтущей лѣсной полянѣ...

7. ВОЕННЫЙ ПАРАДЪ.

Я присутствовалъ, среди многочисленной публики, на блестящемъ военномъ парадѣ.

Сверкающіе мундиры... Стройныя, размѣренныя движенія солдатъ.. Громъ военной музыки...

— Какъ прекрасно! Сколько здѣсь жизни! Сколько силы! восторженно повторяли кругомъ мои сосѣди.

Возлѣ насъ, въ безконечно трогательной, въ своей безъискусственности, позѣ стояла юная, лѣтъ шестнадцати не болѣе, дѣвушка.

Глаза—какая-то далекая, лазурная греза, мерцающимъ языкомъ о чемъ то говорящіе іероглифы...

Намекающими полутонами розлитъ на ланитахъ знойный загаръ, словно предутреннее пламенное лобзаніе Эроса.. Влажные, о чемъ-то вопрошающія, о чемъ-то молящія губы... Что-то безконечно-легкое, эфирное, напряженно-стремительное во всемъ ея существѣ, словно тающій вздохъ красоты, словно ѳиміамъ граціи, готовый взвиться въ высь, слиться съ родной ему окружающей воздушной стихіей.

Восторженными глазами смотрѣлъ я, словно зачарованный, на свою прекрасную сосѣдку и думалъ про себя:

Въ этомъ юномъ существѣ скрыто болѣе „силы“ и „жизни“, чѣмъ во всемъ этомъ шумномъ и крикливомъ зрѣлищѣ—парадѣ. Только здѣсь сила не бьющая въ глаза,—эфирная, невѣсомая *сила цвѣтенія*.

8. ОТВѢТЪ.

Онъ:

— Почему Вы такъ упорно отказываетесь выйдти за меня замужъ? Вѣдь Вы, насколько мнѣ извѣстно, всегда давали обо мнѣ самые лестные, даже восторженные отзывы:

Она:

— Да, Вы мнѣ очень нравитесь, *какъ человѣкъ*, но Вы мнѣ совершенно не нравитесь, *какъ фруктъ*...

К. Гликманъ.

„ЗАЧѢМЪ?“

Старику Мойше 60 лѣтъ. Старухѣ Хаѣ 50 лѣтъ, и живутъ они вмѣстѣ 35 лѣтъ. Тихо они живутъ. Не умѣетъ кричать ребэ Мойше, тихо плачетъ Хая. Плачетъ, но безъ слезъ. Хмуро смотритъ ребэ Мойше на этотъ плачъ. Хая глядитъ со страхомъ на хмурое лицо старика,—вотъ крикнетъ, топнетъ ногой..., но ребэ Мойше тихо: „Зачѣмъ плачешь Хая?“ и ласково дрогнули вѣки старика. Молчитъ Хая, молчитъ ребэ Мойше, и оба они молчатъ... И только заплачетъ старуха Хая, ребэ Мойше хмуро, тихо говоритъ: „Зачѣмъ плачешь стара?“ и опять тихо въ комнатѣ, опять они оба молчатъ...

Суббота. Идетъ ребэ Мойше въ синагогу. Медленными шагами онъ тихо ступаетъ.

Навстрѣчу сынъ идетъ его старшій. Идетъ, папироску онъ куритъ, на отца ни взгляда не кинулъ... Не крикнулъ ребэ Мойше и громъ проклятій не послалъ онъ на голову безбожнаго сына, только хмуро тихо: „Зачѣмъ это, Янкель?“... и дальше пошелъ. Тихо онъ идетъ медленными шагами...

Вотъ и синагога виднѣется вдали.

А навстрѣчу дочь его старшая идетъ. Въ блузѣ, стриженная, идетъ, на руку студента опираясь. Чуть отца завидѣла, съ дороги свернула... Не металъ молній оскорбленный отецъ, не проклятій сыпалъ ей вслѣдъ, только хмуро, тихо: „Зачѣмъ это, Фейга?..“ Вошелъ ребэ Мойше въ синагогу. Никого еще нѣтъ. Рано пришелъ ребэ Мойше, но сынъ его младшій давно ужъ, около печки, надъ книгой сидитъ. Покачивается, учитъ. Поетъ и учитъ... Тихо, медленными шагами подошелъ ребэ Мойше и сѣлъ онъ у печки. Сидитъ ребэ Мойше.

Сидитъ онъ и слушаетъ. Слушаетъ и въ

тактъ тихо качаетъ головой... Обернулся Довидкэ, отца увидѣлъ и блеснули радостью глаза его, а ребэ Мойше вытянулъ сухую руку свою, и пальцемъ на книгу: „Такъ, такъ, Довидкэ!“ и ласково дрогнули вѣки старика...

Тихо сидитъ ребэ Мойше, и смотритъ непонимающими глазами на младшую дочь свою. Она сидитъ. На стулѣ она развалилась и говоритъ говоритъ... А ребэ Мойше глядитъ немигающими, ничего не понимающими глазами. Но вотъ хмуро дрогнули вѣки старика.. Онъ понялъ.. Хмуро смотритъ онъ на дочь свою. Та ужъ съежилась и со страхомъ глядитъ на хмурое лицо отца своего,—вотъ встанетъ, закричитъ, затопаетъ ногами, руку подниметъ и... но ребэ Мойше хмуро, но тихо: „Зачѣмъ это, Хая?“...

Тихо безъ словъ плачетъ мать, тихо слезятся глаза ребэ Мойше... Довидкэ входитъ. Солнце засіяло. Ласково, сквозь слезы глядитъ старуха ласково дрогнули вѣки старика. Тихо, тихо жметъ онъ къ себѣ Довидкэ. Не цѣлуетъ только жметъ къ себѣ и сухощавой рукой тихо водитъ по лицу его. А Довидкэ жмется къ отцу; жмется и дрожитъ.. Довидкэ холодно...

. . . .

„Докторъ,—тихо говоритъ старуха—Довидкэ будетъ здоровъ?“ Пожимаетъ плечами докторъ:—„Никто, какъ Богъ“ и уходитъ. Тихо, тихо плачетъ старуха и слезы текутъ, текутъ по морщинистому, пергаментному лицу ея, и застрявъ въ морщинахъ тихо капаютъ на подбородокъ и скатываются внизъ. Сидитъ ребэ Мойше у постели больного Довидкэ, и слезы крупныя слезы катятся по лицу его. Худощавой рукой водитъ онъ, по мягкимъ какъ ленъ волосамъ Довидкэ...

Хрипитъ Довидкэ, бредитъ. Онъ стонетъ и мечется по кровати. Вотъ онъ затихъ. Открылъ широко глаза свои, плачущаго отца онъ увидѣлъ, тихо позвалъ онъ его. Не слышитъ убитый отецъ. Тихо шепчетъ онъ молитву. Смотритъ сынъ на него, смотритъ, позвать его хочетъ, но не можетъ. Тихо шевелятся его губы, кривитъ онъ ротъ, но изъ горла его звукъ не выходитъ. Въ безсиліи мечется онъ по постели...

И ужъ громко причитываетъ старуха—мать, тихо, тихо плачетъ старикъ—отецъ...

Опять открылъ глаза Довидкэ, на отца посмотрѣлъ, свой взглядъ онъ на мать перевелъ, и поднявшись съ усиліемъ, хотѣлъ онъ сказать, но захрипѣлъ и на подушку откинувшись, замолкъ...

. . . .

Громко кричитъ и причитываетъ старуха, рветъ сѣдые волосы свои, исхудалыми бьетъ себя въ грудь она кулаками... А старикъ ребэ Мойше ужъ не плачетъ. Поднялъ онъ голову вверхъ, и хмуро, тихо: „Зачѣмъ это, Господи?“...

Ш. Клейнманъ.

ВЪ ТЕМНИЦѢ.

I.

Я одинъ. Въ темной, холодной темницѣ. Тамъ, вверху, маленькій клочекъ синяго неба. Къ нему я рвусь всей силой моей безкрылой души. Тогда ощутимѣй безсилье мое и въ щемящей тоскѣ по свѣту, теплу, упадаю на землю сырую дряблымъ тѣломъ своимъ.

Не плачу: слезъ нѣтъ. Сухое рыданье потрясаетъ меня.

Удушливымъ хрипомъ къ свѣту, теплу я взываю.

Безучастные люди мимо проходятъ. Не слышатъ стенаній моихъ. Имъ дѣла нѣтъ до меня.

Мрачныя стѣны меня отъ нихъ отдѣляютъ. Проклятыя стѣны, мною сложенныя! Теперь сокрушитъ мнѣ ихъ не по силамъ.

— Рушьтесь проклятыя стѣны!

Въ кровь разбиваю о нихъ слабыя руки свои, а онѣ, глухія, стоятъ, крѣпнутъ съ каждымъ ударомъ моимъ.

Горе, горе мнѣ, создавшему ихъ!

II.

Я сказалъ: „Міръ—не Я“.

Этимъ заложилъ фундаментъ темницѣ моей.

Потомъ сказалъ еще: „Я—въ мірѣ одинъ“.

И стали стѣны рости и отдѣлили отъ міра меня.

Тогда я погрузился въ себя. И все выше и выше поднималися стѣны.

Я думалъ.

„Скорбь міра—скорбь не моя. Радость его—не моя радость. Во мнѣ свой міръ и я знаю только его. Міръ грезъ моихъ, міръ думъ, во мнѣ рожденныхъ“.

И отъ всего, что не вполнѣ мое, отрекся: Далекими и чуждыми мнѣ стали люди.

Я говорилъ себѣ:

„Заботы ихъ, исканья и сомнѣнья—не мои. Ихъ дѣло—дѣло не мое“.

И отъ небесъ отрекся я.

Тамъ Богъ, но Богъ не мой. А мой—во мнѣ. И дѣло Бога—дѣло не мое. Мое—во мнѣ и только мое. Не человѣческое и не Божіе. Мое. И оно, какъ и я—одно, одинокое. Я съ нимъ—одиноки.

III.

Шумной толпой люди проходятъ мимо темницы моей. Строятъ свое общее дѣло. Своимъ богамъ поклоняются.

А я проклялъ своихъ. Они меня обособили отъ общей жизни людей. Я проклялъ ихъ и сокрушилъ. Въ груди моей нѣтъ Бога. А Богъ людей—не мой. И я, отрекшійся отъ Него, теперь не могу поклониться ему. Моей, сомнѣньями изъѣденной душѣ, не вмѣстить вѣры въ Него.

Отъ людей и отъ Бога далекій, я одинокъ.

Слабой душой своей рвусь къ нимъ. Но холодныя стѣны крѣпче воли моей. И все выше и выше растутъ.

Всѣмъ тѣломъ своимъ о нихъ ударяюсь. Липкая теплая кровь сочится изъ ноющихъ ссадинъ. Но проклятыя стѣны недвижно стоятъ, крѣпнутъ съ каждымъ ударомъ моимъ.

Въ темницѣ моей я на вѣкъ погребенъ Не выйти мнѣ изъ нея!

Тамъ вверху еще виденъ клочекъ синяго неба. Къ нему я рвусь всей силой моей безкрылой души.

И, безсильный, упадаю на землю сырую дряблымъ тѣломъ своимъ.

Сухое рыданіе потрясаетъ меня...

IV.

Когда высоко надъ землей звѣзда загорается, во мракѣ темницы моей, искрой мечты въ душѣ ея свѣтъ отражается.

Недвижно сижу и мрачной мечтѣ своей предаюсь. Одной, мнѣ оставшейся.

Сижу и мечтаю о Ней. Не называя ее, говорю просто „Она".

Мечтаю, не смѣя приблизить, не смѣя взглянуть ей въ глаза.

Жду терпѣливо, когда сама придетъ успокоить меня.

Она сокрушитъ ненавистныя стѣны, крылья мнѣ дастъ и съ собой увлечетъ. Въ невѣдомый міръ, міръ покоя, непробуднаго сна..

Долгія ночи сижу, мечтая о смерти...

V.

Но вотъ снова бирюзовое небо надъ моей головой. И снова манитъ къ жизни, къ себѣ. Снова жажду я свѣта, тепла, снова смотрю на жизнь чужую людей.

Снова вмѣстѣ съ ними хочу я идти, вмѣстѣ съ ними строить общее дѣло и сокрушить проклятыя стѣны.

Снова бьюсь я о нихъ. Но стоятъ нерушимыя, кровью моей обагренныя.

И снова безсилье мое, валитъ на землю сырую меня.

Не плачу, слезъ нѣтъ и пылаютъ сухіе глаза.

Сухое рыданье потрясаетъ меня...

— Проклятыя стѣны!

Ю. Голубай.

REVERIE.

Я буду думать, я буду думать о тебѣ въ эту ночь благоуханій, въ эту ночь тревожной красоты.

Шелестятъ подъ рукою тонкія листы бумаги...

Огненными полосками разбѣгаются въ темнотѣ твои строки то нѣжныя, жгучія, чарующія правдой лжи, то безпощадныя, ледяныя, ненужныя, какъ дѣйствительность.

Вспоминается темная душная комната; огонь твоихъ губъ... потомъ пространство, пустота, не гнетущая, нѣтъ странная равнодушная..

Огненными полосками разбѣгаются въ тѣмнотѣ твои строки...

Сѣрый сѣверный день, дождь моросящій, сѣдая мгла... И опять твои затуманенные сладострастіемъ глаза, алчущее тѣло, дразнящія ласки... безъ словъ, язвъ лжи... То ночь, то багряный закатъ.-. Смятеніе въ трепещущей душѣ... желаніе... грезы... печаль... все исчезаетъ.

Шелестятъ подъ рукою тонкіе листы бумаги...

Безконечно-синее небо, ласковое солнце, моря прибой... и снова пустота тревожныя, тоскливыя... гдѣ то зазвенѣла и лопнула струна... аккордъ умираетъ... оборвалась и умолкла въ сердцѣ угарная пѣсня страсти...

Огненными полосками разбѣгаются въ темнотѣ твои страсти...

Ихъ не надо читать! Я ихъ знаю... я помню.. тихо капаютъ слезы.. льютъ безмолвные фіалки свой послѣдній, свой предсмертный ароматъ.,. медленно таютъ въ звѣздномъ небѣ скорбные призраки...

Шелестятъ подъ рукою тонкіе листья бумаги...

Н. Кашталинская.

ПОСЛѢДНІЙ БАКСА ИЖТАРЪ.

Спустился я съ Алтайскихъ горъ и пройду всю степь, отъ стѣнъ Китая великаго, до самаго моря Аравійскаго. Буду заходить въ каждую юрту и въ каждой юртѣ буду говорить свои предсказанія, буду стучать въ бубенъ буду играть на кобузѣ, буду бить себя въ грудь въ самое сердцѣ, чтобы самые тайные слова отдало сердце мое, буду звонить колокольцами буду говорить тихо но доведу слова жалобы до крика, чтобы острыми иглами жалили эти слова ваши уши, ибо эти слова положилъ въ мою душу великій Аллахъ, дабы слушая меня вы содрагались отъ ужаса... и не подумайте, что мнѣ нужны ваши деньги я не прикасаюсь къ деньгамъ духъ зла эрликъ властвуетъ надъ вами жадность имѣющихъ къ деньгамъ сору земли въ глазахъ Аллаха. Не думайте, что мнѣ нуженъ скотъ вашъ и скота вашего мнѣ не нужно, потому что я посланъ Аллахомъ предсказать судьбу вашу, дабы вы не стали-бы посылать жалобы и не стали-бы обвинять въ жестокости и несправедливости. Возвѣщу я о дѣлахъ грядущихъ: Много было прежде у васъ въ степи „баксы" но гдѣ они куда они изчезли Развѣ не играли они печальныя пѣсни на кобузѣ, развѣ не слушали вы печальныя пѣсни развѣ тоска не подступала къ сердцу и развѣ на глазахъ не навертывались слезы. Развѣ вы не оказывали уваженія баксамъ или плохо ихъ кормили, или не оказывали почета и уваженія, все это имѣли баксы, но почему нѣтъ больше въ степи баксы, почему нельзя уже услышать громкаго пѣнія баксы, почему нельзя увидѣть быстрой пляски баксы не услышать звона колокольчиковъ не услыхать ударовъ въ бубенъ не увидѣть одежды баксы въ лентахъ и колокольцахъ съ девятью куклами, не услыхать ударовъ въ грудь ударовъ громкихъ ударовъ пугающихъ злыхъ духовъ... уже не услышать словъ справедливости, словъ гнѣва. Куда изчезли баксы? почему у васъ въ степи нѣтъ больше баксы или злые духи побѣдили духовъ добра и поселились въ каждой вашей юртѣ. Нѣтъ не потому это я вамъ говорю не потому это я, я, я, великій бакса Ижтаръ говорю вамъ не потому? Грядущія бѣды пронесутся надъ вами съ быстротой вѣтра, и споетъ вамъ вѣтеръ степной погребальныя пѣсни напѣвы печальнѣе чѣмъ баксы играли вамъ на кубузѣ. Не выдержали баксы грядущихъ бѣдъ вашихъ и отъ ужаса умирало ихъ сердцѣ. И вотъ я пришелъ Ижтаръ самый великій бакса сердце котораго вмѣстило всѣ грядущія бѣды ваши. Собирайте народъ дѣтей дѣвушекъ стариковъ и старухъ, потому что слова важныя слова не имѣющія цѣны вы услышите отъ послѣдняго баксы Ижтара, и до крика доведу слова мудрости до стона души доведу тоску о васъ бѣдныхъ несчастныхъ сыновъ степи ибо я жалѣю васъ послѣдней жалостью.

Много городовъ прошелъ я, видѣлъ я яркій свѣтъ на улицахъ городовъ, видѣлъ большіе дома каменные и видѣлъ людей бѣгающихъ, какъ червей, въ гніющей падали, вышелъ я на самое бойкое мѣсто и прокричалъ имъ проклятіе, всю жизнь ихъ я проклялъ и раскрывши ротъ смотрѣли они на меня, окруживъ тѣснымъ кольцомъ и думали, что за дуракъ, что за безумный въ странной одеждѣ скачетъ пляшетъ, звенитъ колокольцами и кричитъ, кричитъ послѣднимъ крикомъ злобы, крикомъ отчаянія... и не понимали они мудрости и не понимали слова

проклятія... О если-бы они поняли, если-бы повѣрили, что такъ говоритъ мнѣ Аллахъ, съ какимъ ужасомъ съ какой поспѣшностью бѣжали-бы они изъ своихъ проклятыхъ городовъ стона и плача и когда я кончилъ, бросали мнѣ мѣдныя и серебренныя монеты и я бережно собралъ двѣ полныя горсти, а потомъ съ хохотомъ бросилъ имъ обратно. Слова мудрости, слова гнѣва, слова проклятія на деньги ваши не продаются. Слушайте вы теперь предсказанія послѣдняго баксы Ижтара и запоминайте, дабы передать мои слова своимъ дѣтямъ, потому что такихъ словъ вы больше не услышите, Великій Аллахъ сказалъ мнѣ: „Ижтаръ, обрати лицо твое на народъ мой, брось имъ слова, что положилъ я въ мозги твои, потому что гнѣвомъ наполнена печаль моя и я никогда самъ не скажу людямъ ни одного слова, ты Ижтаръ будешь посредникомъ между мною и народомъ моимъ и возвѣстишь имъ предсказаніе. Мнѣ жаль народъ мой киргизкій, потому что окружаютъ ихъ безпрерывнымъ кольцомъ городовъ съ домами каменными. Норы съ лисицами, гдѣ вы будете искать, тамъ-ли гдѣ аулы ваши или гдѣ не ступала еще нога человѣка, такъ и вы должны искать мѣсто не заплеванное, воздухъ не испорченный дыханіемъ строителей большихъ домовъ. Развѣ не было прежде у васъ богачей, развѣ не было тысячей лошадей и верблюдовъ, развѣ не устраивали вы байгу, развѣ не носили шубы изъ лисицъ и соболей, развѣ не играли вамъ на кобузѣ и пѣвцы не пѣли пѣсенъ, развѣ дѣвушки не выходили за молодыхъ сыновей вашихъ и не родили вамъ дѣтей, а теперь что, хочется плакать надъ вашей жизнью: у кого стонъ, у кого плачь, у кого лица печальные, у кого жалобы на жизнь тяжелую не у васъ-ли киргизъ... А почему? Вы не знаете, все достояніе свое все богатство свое, куда вы употребляли богачи? Не вы-ли вели между собою ссоры и раздоры и дѣлились на партіи и подкупали чтобы выбрать бія управителя, а на что употребляли столько усилій. Не униженія-ли терпѣлъ этотъ бій, не рабомъ-ли былъ крестьянскихъ начальниковъ... Вы богачи посылали дѣтей хватать мудрость въ города и за деньги ваши вашихъ-же сыновей калѣчили онъ по виду киргизъ а надѣнутъ на него одежду съ золотыми пуговицами, натолкаютъ въ его голову мудрость: какъ жить, получать деньги и разводить скота и руками ничего не дѣлать: словами добывать деньги... И такъ говоритъ Аллахъ:" — черезъ послѣдняго баксу Ижтаръ и доведу я слова гнѣва до крика, до послѣдняго крика отчаянія, заплачу послѣдними слезами тоски... Почему-же не плакать мнѣ послѣднему баксѣ Ижтаръ... Развѣ не видѣлъ я джетаковъ на краю большихъ городовъ... Развѣ я не видѣлъ какъ продаютъ набазарахъ кожи, сало, масло и покупаютъ въ лавкахъ ситецъ, самовары, машины.., Все видѣлъ Ижтаръ... И въ этихъ вещахъ ваша погибель буйнымъ вѣтромъ пронесся гнѣвъ Аллаха по всей степи и наложилъ на лица ваши печаль и на глаза ваши слезы и на сердце ваше тоску, такъ говоритъ послѣдній бакса Ижтаръ... И слова его слова печали и сыграю вамъ пѣсню тоски на кобузѣ и пропою такую скорбную пѣсню похоронную пѣсню и заплачетъ каждый изъ насъ похоронившій свою вольную степную жизнь...

Антонъ Сорокинъ.

ЦЫПЪ-ЦЫПЪ-ЦЫПЪ.

(Этюдъ).

Вѣра Александровна Крынская, „несравненная", „божественная", „талантливая" и тому подобная, до безконечности, на языкѣ ея рецензентовъ, раскраснѣвшись отъ мороза, быстро вбѣжала въ бельэтажъ.

— Каминъ зажгли? Викторъ Николаевичъ здѣсь?

И вдругъ, вмѣсто всегдашняго утвердительнаго отвѣта на эти два ежедневныхъ вопроса, она услыхала отъ своей „незамѣнимой" Мари нѣчто безсвязное почти дикое.

— Да... Господинъ Громовъ... ихъ нѣтъ... Они оставили письмо.

Въ слѣдующій моментъ Вѣра Александровна была возлѣ своего маленькаго бюро изъ краснаго дерева съ инкрустаціями

На темно зеленой, матовой кожѣ ея бювара, возлѣ золотой монограммы въ углу, лежалъ продолговатый конвертъ японской бумаги.

Нервные тонкіе пальцы быстро, нервно, разорвали конвертъ.

Ясные, синіе глазки впились въ эти ровныя холодныя строки и вдругъ наполнились жгучимя кристальными слезами. Судорожно скривился маленькій чувственный ротикъ, какъ-то удивленно, испуганно поднялись ровныя брови.

Согнувшись, безпомощной, жалкой походкой, подошла Крынская къ ковровой оттоманкѣ и, не сдерживая больше душившія слезы, упала на нее.

— Нѣтъ женщины въ мірѣ несчастнѣй ея... Нѣтъ... Конечно нѣтъ... Она самая несчастная, самая жалкая, самая бѣдная. Она такъ любила своего Виви... Она такъ привыкла къ нему... Она уже вотъ полгода, какъ ни разу даже не обѣдала безъ него... Она такъ привыкла, чтобы послѣ катанья заставать его уже здѣсь, подставить холодную бархатную щечку его отвѣчающему поцѣлую... Слышать его ласковыя названія.. Ей такъ нравилось это; Вѣрокъ, Вѣрунчикъ, а потомъ это... это... Вѣрюрюричка... А потомъ обѣдать съ нимъ, въ ея столовой „empire", которая такъ нравилась ему... А потомъ вмѣстѣ въ театръ и ужинать за городъ... И вотъ... ничего.. ничего... ни поцѣлуя, ни обѣда вмѣстѣ, ни театра, ни ужина и ни... Вѣрюрюрички...

Рыданья усилились. Жгучія, теплыя слезы, казалось, хотѣли затопить это маленькое личико.

Какой-то мягкій, сладкій клубокъ душилъ въ горлѣ вырывался короткими жалкими звуками.

Прическа растрепалась, и мокрые волосы прилипли къ щекамъ, одна туфелька соскочила съ ноги.

Крынская сбросила и другую и подобрала обѣ ножки на подушки дивана, съежилась въ комокъ.

Такъ было какъ-будто легче плакать. Она чувствовала себя въ такомъ положеніи совершенно несчастной, забытой, оставленной, обиженной, совсѣмъ, совсѣмъ бѣдной...

Плотно прижалась Крынская пылающей щечкой къ шелковой подушкѣ и тихо, тихо повторяла все; „бѣдная, бѣдная"... и слезы лились такъ легко, легко.

Потомъ она, какъ-то незамѣтно для себя, начала гладить рукой подушечку, повторяя:

„бѣдная, бѣдная“, и ей вдругъ почему-то сдѣлалось жаль эту маленькую, теплую, шелковую подушечку.

Черезъ нѣсколько минутъ Крынская замѣтила, какъ что-то жжетъ ея голову. Она приподнялась. Въ каминѣ ярко пылалъ коксъ. Огненныя змѣйки перебѣгали по пылающимъ шарикамъ. Нѣкоторые шарики были почти бѣлые, другіе ярко-красные и надъ ними вился синенькій язычекъ, иные были наполовину черные, еще нетронутые пламенемъ. Въ срединѣ ихъ плавилась, переливалась изжелта-красная масса, уже потерявшая свое очертаніе. Сухая, знойная теплота неслась отъ этого фешенебельнаго горна, освѣщавшаго уютный будуаръ Крынской.

Вѣра Александровна повернулась и, опершись грудью на широкій бархатный валикъ дивана, положивши голову сложенныхъ рукъ, стала смотрѣть на пламя. Задержавшаяся въ правомъ глазу слезинка мѣшала ей смотрѣть. и она, смахивая ее, еще разъ негромко всхлипнула.

Ее заинтересовала маленькая огненная точка на еще совершенно нетронутомъ черномъ шарикѣ кокса. Точка медленно росла, ширилась. Иногда тоненькая огненная змѣйка пробѣгала отъ нея по шарику, разбрасывалась мелкими искорками, звѣздочками и опять потухла. Точка росла. Образовался огненный кружокъ съ бордюрчикомъ изъ искръ маленькихъ, и блестящихъ звѣздочекъ, какъ въ хороводѣ вертящихся, прыгающихъ и расширяющихъ кругъ своей огненной пляски...

На шарикѣ остался маленькій, черненькій сегментъ, наконецъ, и онъ запылалъ.

Вѣра Александровна оглянулась.

Въ глубинѣ комнаты кровавымъ пятномъ отсвѣчивалъ въ темнотѣ уголъ ея бюро. Въ перламутровыхъ инкрустаціяхъ играла цѣлая гамма цвѣта, отъ блѣдно-зеленаго до темно-фіолетоваго. И надъ всѣмъ этимъ бѣлой, яркой звѣздочкой сіялъ лучъ свѣта въ никелевомъ ободкѣ телефонной трубки на бюро.

Крынская засмотрѣлась на эту звѣздочку. Сухая ароматная теплота, наполнявшая будуаръ, окутала Вѣру Александровну. охватила сладкой истомой мозгъ, высушила слезинки на щекахъ, а утомленные глазки подернулись влажной. чарующей дымкой.

На лицѣ застыла не то грустная, не то лукаво-таинственная улыбка. Тихо поднявшись съ дивана, крадущимися, кошачьими шажками, въ однихъ чулкахъ, прокралась Крынская къ бѣлой звѣздочкѣ на трубкѣ, сняла ее съ подставки, и, ставъ на колѣни на мягкій пуфъ у бюро, кошачьимъ жестомъ, какъ лапкой мышенка, тронула кнопку Б... Опять тронула.. Еще разъ..

— Станція ..—715—26. .—Звоню...

Вѣра Александровна протянула правую руку во всю длину доски и опустила на нее свою теплую душистую головку...

— Алло—квартира Быховцева.

— Николай Андреевичъ дома?—попросите...

— Алло..

Сладкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу Крынской. Она прищурила глаза и прощебетала:

— Цыпъ цыпъ-цыпъ.

— Вѣра Александровна?

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ..

— Черезъ четверть часа у васъ...

Было слышно, какъ онъ положилъ трубку. Вѣра Александровна положила свою. Звѣздочка опять засіяла.

Крынская, не мѣняя положенія, водила пальчиками по гладкому блестящему ободку, тихо напѣвая:

Цыпъ-цыпъ-цыпъ...

В. Финити.

НЮРА.

I.

Нюра проститутка.

Она старуха—ей 36 лѣтъ.

Для женщинъ ее профессіи—это старость... даже глубокая!

Лицо все въ морщинахъ; сама вся больная, разбитая, обрюзглая; тѣло отвисло; глаза ввалились и словно потухли; походка тяжелая...

Она часто смотрится въ зеркало и губы ее, тонкія, безкровныя, какъ-то машинально шепчутъ: „довольно!.. Уходилась!.. Пора на покой!.. да и правда—пора! Чего теперь ждать?—жизнь прожила. Плохо. Но лучше не будетъ, это ясно. Куда теперь годна? Кому нужна? Себѣ и то опротивѣла, надоѣла. Жизнь стала не въ жизнь! Все пріѣлось, наскучило; никуда не тянетъ, ничего не хочется. Мрачно! Тяжело! Тоска и тоска!.. Раньше время проходило какъ то незамѣтно—бывали чаще гости, сидѣли обыкновенно далеко за полночь,—пѣли, шутили, смѣялись, пили и слѣдующій день для Нюры начинался въ два, три, а то и четыре часа, встанетъ, напьется чаю, приберетъ комнату и себя, пообѣдаетъ и смотришь уже вечерѣетъ и гости понемногу подходить начинаютъ и такъ день за день жизнь была наполнена, шла во-всю и вдумываться въ нее времени не было, а теперь?—вѣдь это сплошная пытка, мука!

Сегодня, напримѣръ, Нюра проснулась не было еще и девяти. Встать?—не стоитъ, все равно дѣлать нечего—работать она не привыкла, да и не умѣетъ. Идти некуда—тамъ все люди, а они ей противны, только и знаютъ, что надсмѣхаются! Нѣтъ, ужъ лучше лежать!—и Нюра лежитъ. Начинаетъ ворочаться съ боку на бокъ, закрываетъ глаза, старается хоть чуть задремать, но все напрасно—сна нѣтъ!

А думы, все невеселыя думы лезутъ въ голову и словно сверлятъ ее. Такъ проходитъ часъ, другой, а иногда и больше. Душу наполняетъ все болѣе и болѣе тоска безотчетная, безконечная, внутри что-то мучительно больно сосетъ и ноетъ. Состояніе убійственное!

Тоска постепенно переходитъ въ отчаяніе—такъ люди часто сходятъ съ ума.

Но вотъ хлопнула дверь и въ комнату вошла молоденькая, недурненькая дѣвушка въ платочкѣ, яркой накидкѣ и съ зонтикомъ.

— Ты?—спросила Нюра.

— Я. А гдѣ водка?

— Вотъ у меня здѣсь, подъ кроватью.

Дѣвушка достала только начатую четверть, взяла съ окна большую граненную рюмку, налила, выпила и хотѣла идти, но сдѣлавъ два, три шага остановилась, немного подумала, вернулась и выпила еще.

— Ну, я ухожу.

— Надолго?

— На весь день, а можетъ и ночь.

Дверь опять хлопнула и Нюра снова осталась одна. Это была ея дочь—Манька, тоже проститутка. Она живетъ въ этомъ же домѣ—въ другой половинѣ. Входъ съ улицы и сѣни у нихъ общія. Когда приходятъ гости они всегда стучатся направо, къ Манькѣ, если жъ она почему нибудь не принимаетъ, то киваетъ головой на противоположную дверь и говоритъ: „идите туда“. Пьяные гости идутъ, полупьяные же говорятъ „стара“, уходятъ назадъ.

Мать и дочь живутъ дружно. Отношенія у нихъ вполнѣ уравновѣшенные. Другъ друга ни въ чемъ не стѣсняютъ—каждая живетъ вполнѣ самостоятельно. Конкуренціи у нихъ нѣтъ, да и какая же можетъ быть! Одна молода, значитъ красива, другая стара, значитъ безобразна. У проститутокъ такъ. Мать давно это поняла и примирилась „всякому овощу свое время“ разсуждаетъ она. Видятся онѣ рѣдко, большею частью когда много гостей—приходится работать вмѣстѣ, разговариваютъ очень мало и никогда не смотрятъ другъ другу въ глаза.

Манька проститутка не случайная. У ней въ основѣ нѣтъ ни обмана, ни насилія, какъ у большинства ее подругъ, нѣтъ, она родилась проституткой. Кто ее отецъ, не знаетъ ни она, ни ея мать; да и интересоваться этимъ ей и въ голову никогда не приходило, зачѣмъ?—разъ его нѣтъ, не все-ль равно кто онъ?

Росла она одиноко, подругъ у ней не было—ее какъ то инстинктивно сторонились всѣ сосѣдня дѣвочки. Лѣтъ съ семи она уже начала помогать своей матери—подавала гостямъ пиво, ходила за папиросами, вообще прислуживала чѣмъ могла.

Иногда пьяный гость подмигнетъ на нее и спроситъ у матери: „ну какъ, скоро?“—„нѣтъ погодимъ“ отвѣчала та „годовъ то еще немного“. Профессію своей матери Манька понимала рано и не видѣла въ ней ничего нехорошаго, неестественнаго.

Какъ и всякій ребенокъ, она любила помогать. Иногда, забившись куда нибудь въ уголъ, она наблюдала кутящихъ гостей и въ дѣтской головкѣ начинали мелькать картинки ее будущей жизни. То она воображала себя среди молодыхъ, все красивыхъ гостей, то думала, какъ много пива будетъ расходиться у ней, то какія у ней будутъ хорошенькія занавѣски надъ кроватью и непремѣнно голубыя, а не красныя, какъ у матери.

Такъ она росла и готовилась къ жизни.

II.

. . . .

. . . .

Утромъ старикъ распрощался съ „своей дѣвочкой“, говоря что имѣетъ массу экстренныхъ дѣлъ, и пара кровныхъ лихихъ лошадей понесла его по банкамъ и биржамъ, а Манька не спѣша одѣлась и тихо поплелась къ своей матери и встрѣтилась съ ней не какъ дочь-дѣвочка, а уже какъ равный товарищъ, коллега.

III.

А Нюра все лежитъ, невеселыя думы лѣзутъ въ голову и словно сверлятъ ее.

Часы прошипѣли 11.

„Боже мой, Боже!“ вздыхаетъ Нюра и мысль ея все чаще и чаще невольно останавливается на томъ маленькомъ пузырькѣ, что стоитъ за иконами. Но эта мысль страшна и Нюра гонитъ ее.

Что это?.. кажется стукъ... кто-то пришелъ... ну, слава Богу. Кто-бъ это?.. да все равно, кто-бъ ни былъ,—все живая душа.

Въ комнату вошли Клаша и Дуня.

Это Нюрины подруги. Такія же какъ и она больныя и безобразныя—онѣ однолѣтки и тоже проститутки.

Вошли скучныя, мрачныя, похожія на тѣни.

— Будетъ дрыхнуть, вставай! привѣтствовала одна изъ нихъ хозяйку.

Нюра заохала, застонала и начала одѣваться.

Поставили самоваръ, хотѣли было чай пить, но за нимъ разговоръ клеится плохо—сидятъ и молчатъ—видно у всѣхъ на душѣ тяжело, такъ ужъ лучше перейти на водку и онѣ перешли.

Сидятъ и пьютъ.

Лихорадочно-поспѣшно пьютъ, залпомъ, безъ закуски, почти безъ перерыва, только бъ скорѣе забыться

Вотъ всѣ трое уже запьянѣли.

Теперь и жизнь милѣй и на душѣ свѣтло и радостно.

Все чаще и чаще раздается громкій смѣхъ и тупыя, какъ бы одеревенѣлыя, лица оживились и въ глазахъ заблестѣло что то человѣческое.

Завелись шумные разговоры—это все исторіи изъ проститутской жизни, больше всего изъ собственной. Тяжелыя, грустныя исторіи! Но теперь онѣ воспринимаются легко, съ весельемъ и смѣхомъ.

Нюра совсѣмъ уже пьяна. Ею вдругъ овладѣваетъ тоска. Она, какимъ то трагическимъ голосомъ, чуть ли не въ сотый разъ начинаетъ разсказывать свое прошлое.

— А вы думаете поставить Маньку то на эту дорогу легко мнѣ было?—Не болѣла развѣ душа, а? Вы думаете не болѣла? Болѣла, охъ какъ болѣла; и теперь болитъ... да никто не знаетъ объ этомъ... сама то и то знаю только какъ пьяная напьюсь. А къ барину то этому, богатѣю, легко было идти?—родную дочь то продавать... дѣвченочку еще маленькую, 15 ей въ тѣ поры было .. 15 годочковъ всего! А ходила, продала, торговалась еще сидѣла. Сперва только, сильно выпила, да у трезвой и ноги то не двигались, духу не хватало, а какъ выпила—такъ и продала. Да и все то время пила, ухъ какъ здорово, минуты сама не помнила.

— А вѣдь Маньку то я любила, сильно любила, да не знала этого. И сейчасъ люблю, да поняла то это вотъ теперь только, пьяная, да и всегда напившись понимала, а вотъ просплюсь, отрезвлюсь и опять ничего не буду понимать, эхъ, дѣвушки, налейте-ка, да выпьемъ по одной! Да вы спите, сразу перемѣнила тонъ Нюра, замѣтивъ, что „дѣвушки“ клевали носами.

Тѣ подняли головы и посмотрѣли на Нюру совершенно пьяныи, мутными глазами.

— Никто не спитъ. Сама ты,—коснѣющимъ языкомъ пробормотала себѣ подъ носъ Клаша, какъ то глупо, неопредѣленно улыбнулась и голова ее, словно оторвавшись отъ шеи, упала на скрещенныя на столѣ руки. Дуня же, полупроснувшись, какъ-то машинально, по привычкѣ, протянула руку къ водкѣ и налила всѣмъ.

Выпили молча и не закусывая.

Тѣ опять задремали. Нюра же, обнявъ колѣно сидѣла и покачивалась взадъ и впередъ. Попробовала она затянуть было пѣсню, но ничего не вышло—въ груди какъ будто чего то не хватало.

Ей душно, жарко, клонитъ ко сну.

Она встала, начала раздѣваться и оставшись въ одной рубашкѣ, пошла къ кровати—хотѣла лечь, но сейчасъ же встала и сильно качаясь вернулась къ столу.

— Ахъ ты стерва этакая! начала сама себя ругать Нюра, нажралась какъ свинья, подлая тварь! Ну такъ жри уже, пей пока не свалишься, дура проклятая! Эй вы, сволочь могилевская, проснитесь, будеть дрыхнуть", и она сильнымъ подзатыльникомъ разбудила Клашу.

Дуня же опять полупроснулась и налила. Онѣ выпили.

Сонъ какъ будто проходилъ и на Нюру снова напалъ духъ разговорчивости.

— Стара, всѣ говорятъ, безобразна стала, а кто виноватъ?—не они развѣ подлецы всѣ эти? Молода то была, крѣпка, здорова, хороша, не они развѣ всѣ засматривались на меня? а теперь, такъ отвернулись всѣ, не нравлюсь! Помню, какъ всѣ вертѣлись то вокругъ да около, чего чего не сулили и все за одно, всѣмъ одного надо было,—жизни моей хотѣли—вотъ и взяли, обманомъ—а взяли. Горько было! А ужъ какъ поняла то все—обида!.. да поздно было. Вспомнишь: плакала то, рыдала сколько! Такъ хоть бы одинъ, сукинъ сынъ, слово сказалъ доброе, отъ души—никого! А утѣшителей то сколько явилось! Всѣ подобрались какъ одинъ подлецы.— Одной рукой слезы дѣвичьи утираютъ, а другой за грудь хватаютъ,—вотъ они проходимцы то какіе, всѣ эти мужщины. А ужъ какъ сорвалось, думала, думала—назадъ не вернуться,—упало—пропало, такъ взяла злость, тутъ и пошла, направо и налѣво, всѣмъ и каждому „на-те, дескать, вся ваша, начала такъ кончайте, всю берите, безъ остатковъ, жмите, подлые сокъ то всей жизни, выпивайте кровь, всю до капельки, вотъ какъ изъ этой рюмочки"—при этихъ словахъ, закинула назадъ голову, Нюра начала пить тоненькой струйкой водку въ широко открытый ротъ, поперхнулась, закашлялась, водка рѣзала въ горлѣ,—остро до слезъ. Нюра хотѣла пройтись, встала, ноги служить отказывались—она зашаталась и сдѣлавъ два-три шага, обезсилѣвшая и пьяная, бухнулась на сундукъ, едва не сбивъ стоявшую на немъ лампу.

Нюра уперлась руками въ ребро крышки, повѣсила голову и закачала ею.

Пьяна, совсѣмъ пьяна, какъ стелька.

— Будетъ тебѣ уродовать! вонъ лампа гаснетъ.

Нюрина маленькая низенькая комната имѣла два окна, выходившихъ на сосѣднюю высокую стѣну. Благодаря этому, лампа горѣла съ утра до вечера.

Нюра повернула голову. Лампа дѣйствительно гасла—въ ней не было керосину.

— Гаснетъ, ну чертъ съ ней, пускай гаснетъ! И я гасну и она гаснетъ! Зачѣмъ горѣть ей безъ меня? Кому свѣтить?—Пускай гаснетъ. Керосину въ ней нѣтъ и во мнѣ нѣтъ, тоже потухну скоро.

Нюра вдругъ, какъ то порывисто вскочила, глаза ее зловѣще заблестѣли, она схватила лампу и со словами „гори послѣдній разъ, проклятая!" со всего маху хватила ее о полъ—по комнатѣ разлетѣлись осколки и глухо зазвенѣли.

А она стояла босая, полураздѣтая, на лицѣ, словно застыла горькая и въ тоже время безсмысленная улыбка, и окруженная полумракомъ мерцавшей лампады, Нюра была страшна, чудовищно-безобразна и дика.

„Жизнь подлая!" въ изступленіи закричала Нюра „вся ты разбилась, вся къ черту полетѣла, осколки одни! все вдребезги! „водки, давайте водки?" и она, не помня себя бросилась къ столу, схватила стулъ, хотѣла сѣсть, но ее пошатнуло и она упала на полъ, на осколки... они впились ей въ тѣло... сочилась кровь... а Нюра уже крѣпко спала, пьяная, безсильная.

Подруги молча посмотрѣли другъ на друга и какъ то нехотя выпили.

— Ишь, чертовка, нализалась до чертиковъ, ну и пусть валяется, а мы пойдемъ ко мнѣ спать.

Онѣ обнялись и пошли сильно качаясь изъ стороны въ сторону. Подъ ихъ башмаками хрустѣло стекло. Въ сѣняхъ, охриплыми, пьяными голосами затянули онѣ:

„Разлука, ты разлука!"

IV.

Два часа ночи. Нюра застонала. Опьяненіе проходило. Сонъ перешелъ въ забытье. Гдѣ она? Что съ ней? Умерла? Въ могилѣ лежитъ? Кругомъ такая темнота. Холодно. Жутко. Она ничего не помнитъ, ничего не знаетъ. Ничего не можетъ понять—ее голова не работаетъ—она страшно болитъ. Какія невѣдомыя чудовища впиваются въ тѣло ея, острыми когтями своими? Какая боль! Какая пытка! Она не смѣетъ шелохнуться. Что она сдѣлала? За что ее такъ мучаютъ? Мало-ли еще страдала она въ жизни своей? Неужели и здѣсь, за смертью, будугъ муки еще тяжелѣй?

Ужасная боль и собственные стоны мало по малу вывели ее изъ этого забытья.

Нюра съ ужасомъ поняла что она еще жива, что ей придется вставать и снова жить. Сдѣлавъ страшное усиліе она поднялась, нашла спички, отыскала огарокъ восковой свѣчи, зажгла его и приклеивъ къ углу комода, сѣла сама на сундукъ.

Въ головѣ ея смутно пронеслось все происшедшее. Какъ все мерзко и гадко! Глаза ни на что бъ не смотрѣли! Накурено, вездѣ наплевано, столъ весь облитъ, полъ пестритъ окурками, разными огрызками и массой битаго стекла, тутъ же на боку валяется стулъ. воздухъ словно пропитанъ виномъ и какимъ то чадомъ. Душно! А у самой все тѣло болитъ, да какъ мучительно!

Голова словно налита свинцомъ, мозгъ какъ будто отсталъ отъ черепа и колотитъ его при каждомъ движеніи.

„О, неужели надо еще жить?! мелькаетъ въ головѣ у Нюры „все убирать, приводить въ порядокъ нѣтъ, я не могу! Я трогать ничего не стану—пускай убираютъ безъ меня, я здѣсь не жиличка. Каюкъ, всему каюкъ! Тяжело! ахъ, какъ тяжело! А что хорошаго тамъ, впереди?—ничего: все тоже, все тоже. Тѣ же страданія и муки, все тѣже люди, проклятые люди!—Это они во всемъ виноваты, они постылые. Нѣтъ, больше нельзя выносить, нельзя терпѣть! Нельзя... Нельзя... лучше... Нюра схватила себя за голову, и до боли сжала ее „лучше смерть!" Боже! Неужели въ эту минуту, въ эту глухую ночь и Нюры больше не будетъ, нигдѣ не будетъ, нигдѣ не будетъ... Придетъ Клаша... другіе придутъ, Манька, какъ удивятся. Боже, хоть бы смерть сама пришла—легче бъ было.

Чего она медлитъ еще? Зачѣмъ ждетъ? Нюра машинально встала. „Что теперь дѣлать? Куда идти? А тѣло все болитъ. Голова вотъ-вотъ разорвется на мелкіе кусочки. Нюра стоитъ и все крѣпче сжимаетъ виски—такъ немного легче. А какая то непреодолимая сила, словно магнитъ начинаетъ тянуть ее туда въ уголъ, туда за иконы, гдѣ стоитъ маленькій пузырекъ. Нюра пятится, она боится этой ужасной мысли, она ее гонитъ прочь, она все громче, какъ бы желая перекричать себя и свои мысли, твердитъ: „Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!" Но напрасно—гдѣ то тамъ, далеко, въ самой глубинѣ головы, гдѣ то тамъ на второмъ планѣ, словно засѣлъ кто то посторонній и отчетливо, неотразимо выстукиваетъ по мозгу маленькимъ молоточкомъ: „Смерть!.. Смерть!.. Смерть!.." Нюра уже сопротивляться не въ силахъ, ее тянетъ все больше и больше, она уже въ полусознательномъ состояніи, ее ноги задвигались безъ ея вѣдома, вотъ она подходитъ къ углу, беретъ стулъ, становится на него и достаетъ изъ-за иконъ пузырекъ и въ какомъ то полуснѣ, похожая на лунатика, она идетъ къ кровати. „Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.." Смерть!.. Смерть!.. Смерть!.. Нюра легла навзничь и начала вынимать пробку. Чувствовала она себя отлично—легко и свободно. Ей почему то живо вспомнилось прошлое лѣто. Былъ чудный яркій день, а на душѣ у Нюры было тяжело, очень тяжело... Она не знала куда дѣваться. Не помня себя она одѣлась и пошла бродить по городу—безъ цѣли, не зная куда—все равно. Какъ она очутилась въ своей аптекѣ она не знаетъ; опомнилась только когда за ней сильно хлопнула дверь. Она очнулась и смутилась. Потомъ какъ то безсознательно подошла къ прилавку. Она живо помнитъ, какъ провизоръ при ея входѣ переглянулся съ помощникомъ и не переставая улыбаться спросилъ: „Вамъ что угодно?" Она замялась, потомъ какъ то сразу, не думая, бухнула „позвольте мнѣ „цинъ-кале", „ціанистаго калія" поправилъ провизоръ, „у Васъ есть рецептъ?" Нѣтъ? Обратитесь къ врачу". Она ушла. Дверь опять сильно хлопнула. Это похожденіе она всегда считала сномъ. Это было два года тому назадъ. А теперь? Теперь... Пробка вынута...

Свершилось.

Свершилось безсознательно, машинально, Нюру охватила сладкая нѣга; пріятная истома разлилась по всему тѣлу и оно стало словно млѣть. На душѣ легко, хорошо.

Нюра не видѣла, но чувствовала какъ на комодѣ догоралъ восковой огарокъ, „не загорѣлось бы!" подумала она.

Кругомъ мертвая тишина—нигдѣ ни звука.

Свѣча замигала, вотъ-вотъ и погаснетъ, а вотъ и послѣдняя вспышка—кругомъ темнота. Нюра почувствовала это и сразу ее охватилъ ужасъ, какъ будто гробовая доска захлопнулась за ней и отдѣлила ее отъ всего живущаго.

„Конецъ!—прощайте всѣ"!

Въ головѣ словно все покрылось легкимъ туманомъ и на фонѣ его нестройной вереницей, капризной толпой всплывали мысли, рождаясь гдѣ-то въ глубинѣ, то онѣ воплощались въ знакомыя лица, то прихотливо принимали безобразныя формы невѣдомыхъ чудовищъ и, пугая собой, мѣшались, мѣнялись росли и мелькая въ шальномъ хороводѣ, въ необъятную даль уносились онѣ, то безутѣшно рыдая, то безумно смѣясь.

А голова затуманивалась все больше и больше. Тѣло какъ будто теряло свой вѣсъ, и становилось такимъ легкимъ, совершенно не чувствовалось, кровать словно изъ подъ него выѣхала и Нюра летѣла съ ужасной быстротой въ какую-то незнакомую людямъ, темную темную пропасть.

„До ея слуха донесся стукъ и разговоръ: „сѣнцы не заперла, разиня! Обокрадутъ! Охъ какъ ругаются"!—мелькнуло у ней въ головѣ.

Но мимо, все мимо! Дальше! Она летитъ все быстрѣй и быстрѣй. Гдѣ-же конецъ этой безднѣ, какъ будто бездонной? Стало захватывать духъ, стало нечѣмъ дышать. А пропасть все темнѣй и темнѣй... Нюры не стало.

Въ сѣняхъ дѣйствительно стучали и ругались.

Это пришли гости.

Два пьяныхъ пріятеля.

Чортъ и Младенецъ.

Ихъ такъ звалъ весь городъ.

Первый—сѣдой, но крѣпкій старикъ, второй—безусый юноша.

Они были неразлучны.

Что могло быть у нихъ общаго? Что могло сдѣлать ихъ друзьями? Жизнь?—одинъ кончалъ ее, другой не начиналъ. Вино, одно лишь вино всемогущее могло связать ихъ дружбой, превративъ въ вѣчно пьяныхъ животныхъ.

Качаясь вошли они въ Нюрину комнату. Здѣсь имъ было все знакомо—они были завсегдатаи этого дома.

Чортъ пошелъ шарить по комнатѣ спичекъ, а Младенецъ направился прямо къ Нюрѣ и легъ съ ней рядомъ, начавъ будить ее своими поцѣлуями и объятьями.

Наконецъ Черту удалось найти спички и онъ освѣтилъ комнату.

— Э-э, братъ, да здѣсь никакъ конница стояла" весело закричалъ онъ Младенцу, но тотъ уже спалъ.

Чортъ не найдя нигдѣ лампы, зажегъ лампадку, и увидѣвъ на столѣ оставшуюся водку и закуску пришелъ въ восторгъ.

— Эй ты кукла—закричалъ онъ товарищу и пошелъ къ нему, „ишь обнялись, окаянные, вставайте"!

Младенецъ вскочилъ.

— Тяни ее—командовалъ Чортъ и потащилъ Нюру за ноги, Младенецъ подхватилъ за плечи и они положили трупъ на полъ.

— Ну ее пусть дрыхнетъ, нажралась до обалдѣнія—рѣшилъ Чортъ и потянулъ пріятеля къ столу.

Они усѣлись и начали пить.

Чудовищно-дикая картина...

При слабомъ мерцающемъ свѣтѣ лампады, сидятъ они пьяные и молча, лѣниво пьютъ.

Тихо, до жуткости тихо!

Кругомъ безпорядокъ, а изъ-подъ занавѣски, на полу, совсѣмъ въ полумракѣ, какъ вывѣска мірового, всѣрастлѣвающаго разврата, торчитъ обнаженная половина Нюринаго тѣла, безжизненная, неподвижная...

Нагло! Открыто—цинично!

Изъ угла освѣщенные лампадой тихо и мирно смотрятъ куда-то въ даль кроткіе лики святыхъ

лики всепрощающіе, всеумиротворяющіе и гордые своей безконечною добротой и любовью.

Младенецъ уже храпѣлъ облокотившись на столъ, Чортъ-же еще крѣпился. Кое-какъ онъ всталъ со стула и хотѣлъ куда-то идти. Его сильно качало. Остановившись посреди комнаты, онъ приставилъ руку ко лбу, словно что-то соображая, и направился къ Нюрѣ.

— Вставай, дурочка, проснись, пойдемъ спать!—молилъ онъ. Въ отвѣтъ молчаніе.

Чортъ хотѣлъ нагнуться, но потерялъ равновѣсіе и упавъ на Нюру обнялъ ее и сталъ цѣловать...

Силы покидали его болѣе и болѣе, голова безпомощно опустилась и онъ сладко заснулъ.

И опять ни звука.

Съ печи соскочилъ котъ, дугообразно потянулся, обвелъ глазами комнату и словно понявъ все, жалѣя свою хозяйку, лѣниво и печально поплелся въ сѣни кончать свои сны.

Первый очнулся Младенецъ.

Посмотрѣлъ кругомъ мутными безсмысленными глазами и началъ будить товарища.

— Пойдемъ!—будетъ амурничать.

Пьяные и полусонные они вышли изъ дому.

Уже свѣтало.

Свѣжій воздухъ ихъ чуть отрезвилъ.

Младенецъ покачивался, чортъ напѣвалъ что-то бравуарное.

— Бррр! Холодно!

На углу встрѣтилась Манька.

Она возвращалась домой полупьяная, сонная и усталая.

— Ты куда?

— Извѣстно куда—домой.

— Развѣ?—промычалъ безсмысленно младенецъ.—Мманька!—завопилъ онъ вслѣдъ. Въ отвѣтъ донеслось—пошли вы къ черту.

— Вернемся—рѣшилъ младенецъ и взялъ товарища подъ руку.

— Маня, обожди, слово сказать серьезное—закричалъ чортъ приставивъ ко рту руку въ видѣ трубки.

Манька остановилась.

— Ну скорѣй окаянные, чего васъ разбираетъ—орутъ на всю улицу! Ну скорѣй-же—тащатся какъ черепахи! Ну што такой, ну!

— Знаешь, Маня!.. Мы вотъ... Ну знаешь...—началъ чортъ.

— Ну-ну!—знаешь, знаешь, што такой.

— Погоди не перебивай!..

— Да ну васъ къ лѣшему.

Она хотѣла идти.

Чортъ схватилъ ее за рукавъ.

— Ну обожди голубушка, минутку—мы знаешь къ тебѣ было пришли—тебя нѣтъ!—замокъ,—попали къ матери, знаешь,—она пьяна вдрызгъ такъ и не добудились, а теперь куда идти? Поздно! а намъ надо, ей-Богу надо, такъ мы къ тебѣ... а! можно?...

— Пошли вы къ дьяволу!—почти прошипѣла Манька и съ силой вырвавшись быстро пошла.

— Я устала какъ собака! спать хочу, а они еще лѣзутъ.

Младенецъ уже спалъ прислонясь къ забору.

— Ей ты забулдыга—будилъ его товарищъ—домой пора"!

— Р-р-развѣ?

— Развѣ! развѣ!—заладилъ какъ дуракъ; пьяница—на улицѣ дрыхнетъ! пойдемъ штоль!

— Да въ самомъ дѣлѣ надо идти!—какъ-то сразу встряхнулся младенецъ и пошелъ рядомъ съ пріятелемъ, стараясь превозмочь сонъ и опьяненіе, но вскорѣ-же зашатался опять.

— Не пустила таки, проклятая!—все еще досадовалъ чортъ.

Младенецъ не отвѣчалъ.

На углу они разстались.

Было уже свѣтло—пробило пять.

Ночь, поглотившая Нюру, кончилась и утро, веселое и радостное, играя лучами восходящаго солнца, будило ничтожныхъ людей, неся имъ миражи ихъ всѣдневныхъ радостей и мукъ, манило ихъ къ жизни и сулило имъ смерть.

Маркъ.

КРУГОМЪ БЫЛЪ СНѢГЪ...

Медленно подвигался скорый поѣздъ по занесеннымъ снѣгомъ рельсамъ, но грохота колесъ я почти не слышала, какъ и не слышала стука ножей и вилокъ за столами вагонъ ресторана... Я уже давно окончила завтракать, но не уходила—въ широкія окна врывался слѣпящій бѣлый цвѣтъ снѣжныхъ полей; порою, когда по обѣимъ сторонамъ поѣзда возвышались бѣлые овраги—казалось, что не выйти отсюда, что здѣсь все кончится, настанетъ успокоеніе жизни; а когда поѣздъ выходилъ въ открытое поле становилось чудесно хорошо и тихо на душѣ... Странное, неизвѣданное ощущеніе остроты наслажденія покоемъ: всѣ мои мысли, и плохія и радостныя, куда-то ушли и я осталась съ новыми, чужими, но невыразимо близкими мнѣ сейчасъ. Я читала, угадывала ихъ въ необъятной книгѣ, на бѣлыхъ, еще никѣмъ нетронутыхъ страницахъ.

— Хотѣлось смотрѣть въ оба окна—будто боялась пропустить что-то важное съ другой стороны. И, украдкой, оторвавъ глаза отъ раскрытаго передо мной томика Теоѳиля Готье, я бросала пытливый взглядъ въ лѣвое окно и всякій разъ встрѣчала улыбающіяся лица моихъ vis-à-vis, двухъ лицеистовъ, развязно пившихъ коньякъ и старавшихся привлечь мое вниманіе.

Приличія заставляли меня снова брать книгу въ руки и прерывали мое небытіе.

Но вотъ что-то прервало мой покой, я подняла голову и невольно посмотрѣла въ противоположный конецъ вагона: въ углу, у двери сидѣлъ, незамѣченный еще мною, человѣкъ рыжій съ тревожными глазами на изможденномъ, блѣдномъ лицѣ. Онъ упорно, не то угрожающе, не то умоляюще смотрѣлъ на меня; тяжелый взглядъ его заставилъ меня опустить глаза. Ненадолго, впрочемъ. Я стала ежесекундно поднимать голову и, испуганная, старалась смотрѣть въ окно; хотѣла подняться и уйти къ себѣ въ купэ...

И не могла: необъяснимый страхъ приковалъ меня къ стулу, а какой-то голосъ, чуть слышно, говорилъ:

Если ты встанешь, онъ бросится на тебя—и убьетъ, потому что это сумасшедшій, онъ бѣжалъ изъ лечебницы...

Стало жутко, а онъ все такъ же мучительно пристально смотрѣлъ на меня.

Вдругъ, неожиданно, рѣшительно всталъ и пошелъ прямо ко мнѣ. Я похолодѣла, задрожали колѣни, не закричала только потому что

голоса не стало, а онъ уже почти поравнялся съ моимъ столомъ.

Я покраснѣла до слезъ, безпомощно взглянула на лицеистовъ, отвѣтившихъ мнѣ самодовольной улыбкой: „наконецъ-то, не выдержала"—подумали юнцы.

Мой мучитель преспокойно усѣлся въ углу на одной линіи со мной, у книжнаго шкафа и обернулся всѣмъ туловищемъ ко мнѣ, принудившей себя снова читать книжку.

Было томительно-страшно и стыдно: казалось, что всѣ видятъ какъ я боюсь и думаютъ, что онъ просто хочетъ познакомиться и никто не понимаетъ отчего у меня такое глупое лицо!

Будь что будетъ, рѣшила я, встану и уйду—вѣдь не успѣетъ-же онъ убить меня при людяхъ?..

Я встала, одновременно поднялся и онъ:

— Мадемуазель,—обратился онъ ко мнѣ на ужасномъ французскомъ языкѣ,—простите, но я видѣлъ, что вы читаете французскую книгу, ждалъ пока вы кончите; я англичанинъ меня никто не понимаетъ, первый разъ въ Россіи; будьте такъ добры спросить лакея нѣтъ-ли въ этомъ шкафу англійской или нѣмецкой книги? Мнѣ такъ скучно.

И опять растерянно, жалко посмотрѣлъ...

Какая радость охватила меня—будто я дѣйствительно избѣжала смерти. Смущенная, поспѣшно отвѣтила я что-то англичанину, даже предложила ему свою книгу. Успокоенная пошла въ свой вагонъ.

Но зачѣмъ, зачѣмъ онъ помѣшалъ дочитать оставшіяся страницы бѣгущихъ мнѣ навстрѣчу бѣлыхъ невѣдомыхъ далей?

Т. Шенфельдъ.

ЗВѢЗДЫ.

Весенній мотивъ).

I.

Наглая, безпокойная ночь молодости! Синее до черноты небо горитъ яркими звѣздами; желанія страсти, какъ объятія цѣпкія,—и настойчивы, и упрямы—наглая, безпокойная ночь молодости!

Если мечта дерзала взлетать до рая,—то только въ сумракѣ этихъ ночей, когда высоко, высоко призывно трепещатъ звѣзды, а по землѣ низко бѣжитъ сонъ, точно вѣтеръ по зеркальной глади водъ:—и ласкаетъ ихъ, и рябитъ...

Огни города надоѣдливы; тускло солнце среди расщелинъ каменныхъ громадъ, и нѣтъ весны на искусственно обнаженныхъ мостовыхъ улицъ.

А тамъ, въ сторонѣ отъ столичной сутолоки, такъ красиво пробужденіе природы; непорочно, разрыхляясь въ солнечной купели, таятъ снѣга, рокотливо-шумливо, какъ дѣтскій лепетъ, бѣгутъ ручьи вешнихъ водъ, и легкимъ пушкомъ зеленѣетъ земля...

II.

Старый домъ заброшенной усадьбы, давно убаюканный воспоминаніями, дремотно глядѣлъ въ садъ, и деревья еще оголенными сучьями съ любопытствомъ тянулись къ освободившимся отъ ставней окнамъ его.

Назарычъ, будто разучившись ходить, шагалъ по сугробамъ уже почернѣвшаго снѣга и, размахивая длинными руками, силясь сбросить съ плечъ подступавшую старость, торопливо всѣмъ тѣломъ напрягался къ полуразрушившемуся сараю.

Сѣрыя облака спѣшно клубились по небу, и солнце не мѣшало его думамъ.

Барина онъ хоть и не зналъ, но все таки неожиданнаго пріѣзда его—почему-то нисколько не боялся:—въ возкѣ и барыня ѣзжала, а на что ужъ строгая была!...

Пока-что, его одно лишь озабочивало: съумѣетъ-ли Макариха убрать домъ, и куда запропастилась дѣвчонка—его дочь—коли теперь такъ нужны бабы.

— Куда?...

III.

Ворота сарая со скрипомъ, длительнымъ что́ тоска, нехотя поддались и открылись, дыхнувъ въ носъ Назарыча сыростью забытаго давно помѣщенія.

Тарантасъ, широкій и нескладный, отдыхалъ отъ перенесенныхъ трудовъ, покрываясь пылью, плѣсенью.

Почесавъ поясницу, лѣниво зѣвнувъ, Назарычъ постучалъ по обитому кожей крылу его и, сокрушительно вздохнувъ, проговорилъ:

— Извѣстно, что ему сдѣлается: его и нарочно не сдвинуть!... Какъ только поѣдемъ, коли всѣ кони подряхлѣли, а дороги, почитай, нѣтъ никакой.

Онъ обошелъ его со всѣхъ сторонъ, подлѣзъ подъ кузовъ, подергалъ за ось и, блаженно улыбнувшись, не удержалъ сладостной мысли:

— А ужъ, перво-на-перво, барину про Макариху доложу. Потому, если ты оставлена при домѣ, къ примѣру—по хозяйству, то не дѣло съ парнями карусель водить... Прямая статья,—намъ вмѣстѣ караулить домъ и все иное прочее, а она меня кажинную ночь гонитъ вонъ, и все старымъ бѣсомъ обзываетъ!...

IV.

Назарычъ провелъ ладонью по-усамъ, поддѣлъ носъ, отплюнулся и, озлобляясь, продолжалъ разсуждать:

— Грязная рябая, старая дура... Меня отъ однѣхъ мыслей мутитъ, а не то, что—что́!.. Все разскажу, все: и какъ парней хозяйскимъ добромъ приманиваетъ, и какъ лѣтось тяжелой ходила—все!

— Бѣсъ, а, старый бѣсъ—гдѣ ты?—вдругъ донеслось до него.

Онъ испуганно смолкнулъ и притаился за тарантасомъ. Красный отблескъ заката, холодный и острый, раздвинувъ щели сарая, отразился въ его слезившихся глазахъ; лицо дрогнуло хитрой улыбкой, и углы рта, оскалившись гнилыми коренниками, язвительно приподняли сѣдѣющій усъ.

— Чего-жъ ты, старый бѣсъ не отзываешься?—еще ближе повторился окликъ и властно добавилъ:—*пхай*!

— Ишь, чортъ, на свою голову гонишь,—процѣдилъ Назарычъ, и кряхтя навалился на колесо, раскачивая его.

V.

Дорога еще не совсѣмъ расползлась: и колеи и края ея держали снѣгъ; къ вечеру подморозило, на зеледенѣлыхъ лужицахъ заиграло мерцанье звѣздъ. Поля чернѣли прогалинами, перег-

нившими въ осеннюю непогоду стогами сѣна, толпившимися будто отъ недавней стужи кустами—и только небо однообразно-таинственно освѣщало землю.

Раскидываясь, досадливо фыркая, пара разномастныхъ, разнорослыхъ лошадей недружно тянули лямки тарантаса. Неотвязчиво визжали потревоженныя рессоры, непрерывно, точно причитанье усердной плакальщицы, гремѣли на хомутахъ бубенцы.

Невѣрову сквозь сонъ начинало казаться ненужной, дикой его прихоть—хоть разъ встрѣтить весну въ деревнѣ, въ перешедшей къ нему по наслѣдству отъ воспитавшей его тетки усадьбѣ. Онъ,—не открывая глазъ, ежась отъ холода, скучая по городскому шуму,—по своему представлялъ себѣ неуютный старый домъ и готовъ былъ съ полдороги возвратиться обратно.

— Странная прихоть! — мысленно не разъ повторялъ Невѣровъ.

Тарантасъ накренялся, грузно подпрыгивалъ на ухабахъ—и неудобство, скука дороги больше раздражали, злили его.

VI.

Свѣсившись на бокъ, Назарычъ развязно повернулся къ барину и, выронивъ веревочныя возжи, неумолчно шипѣлъ. Малооблачная, звѣздная ночь озаряла его землянистое лицо, маленькіе лукавые глаза и рѣденькую, цвѣта мочалы съ соломой, бороденку. Онъ настолько увлекся разговоромъ, что совершенно забылъ свое назначеніе:—и не чмокалъ и не понукалъ уснувшихъ на ходу коней.

— У насъ не токмо что какой скотинки, а и курей нѣтъ... въ Свѣтло Христово воскресеніе яицъ въ домѣ не было! А вѣдь земли не десятина какая—земля есть. Если-бы какъ слѣдовать—все-бы должно быть, все! Хороводится на старости лѣтъ баба—ну, дѣло въ руки и нейдетъ. Сорокъ лѣтъ вить, теперь Макарихѣ-то а прошлый годъ тяжелой ходила:—это дѣвка-то! Извѣстно, дарма парни къ ней не пойдутъ—а-у, братъ! Безпремѣнно таскаетъ изъ дома,—ужъ *безпремѣнно!*...—протянулъ Назарычъ, и, вспомнивъ про лошадей, засуетился съ возжами.— Теперечко скоро,—занимая прежнее положеніе, пояснилъ онъ.—Тутъ вотъ рѣка будетъ, такъ мостъ то не того — разхлябистый; ну, да, Богъ дастъ, переберемся! — И опять шепоткомъ, не взирая на доносившійся изъ угла тарантаса храпъ, прибавилъ: — Ты, баринъ, за нее возьмись... Я говорю: за Макариху-то возьмись какъ слѣдовать, облевизуй ты ее! Въ чуланы загляни, послѣ старой барыни тамъ добра страсть было... Или вотъ къ примѣру тебѣ скажемъ: въ домѣ струментина стоялъ, ткнешь въ него перстомъ—онъ и взыграетъ; а намеднись, когда подъ тебя порядку наводили, какъ его тормошили—ни единаго звука. Я и полагаю, всю труху хитрая баба выволокла: стоитъ, молъ, и стоитъ,—а что въ емъ—кто жъ его знаетъ!

VII.

Когда отогрѣвшись въ хорошо натопленномъ домѣ, наскоро разобравшись въ дорожныхъ корзинахъ, Невѣровъ посмотрѣлъ на часы, то стрѣлки ихъ къ его удивленію показывали всего десятый часъ. Потерявъ въ незнакомой обстановкѣ точное понятіе о времени, онъ растерянно оглянулся, не зная, что дѣлать съ собой: въ городѣ этотъ часъ обычно былъ лишь началомъ развлеченій,— а тутъ?—и, укоривъ себя за не умѣстную сонливость въ дорогѣ, подошелъ къ окну, точно у себя на городской квартирѣ.

Внизу, сплетаясь длинными стеблями, качался прошлогодній плащъ, и лишь кой-гдѣ бѣлѣлъ снѣгъ; наверху, между густыхъ деревьевъ, искрились звѣзды, и мечтательно, игрой топаза, переливались онѣ.

Осторожно шевельнулась ручка двери, нешумливо всколыхнулись половицы.

Макариха вошла, вопросительно поглядѣла на спину Невѣрова и крадучись стала оправлять постель.

— Готово, можете почивать,—какъ-бы про себя наконецъ произнесла она.

Въ тонѣ ея словъ слышалась почтительность, но не было раболѣпности:—такъ умѣетъ говорить женщина „нѣтъ", когда мракъ ночи скрываетъ ея стыдливость.

Невѣровъ повернулъ голову. Пламя оплывшейся свѣчи, вспыхивая, колебалось, и въ полумракѣ оголенныя выше локтей руки Макарихи вдругъ призывно блеснули.

Какъ волна нахлынули желанія, и не потухая померкли далекія звѣзды...

— Готово,—выжидательно повторила Макариха, откидывая одѣяло.

— Я затушу,—сказалъ Невѣровъ, и черезъ ея плечо дунулъ на свѣчу.

Наглая, безразсудная ночь молодости! Сотканная изъ неотступныхъ желаній, изъ непоправимыхъ порывовъ, изъ глухихъ раскаяній—наглая, безразсудная ночь!

VIII.

Погода перемѣнилась. Порывы вѣтра хлопали ставнями, въ стекла оконъ билъ дождь, и вмѣстѣ съ нимъ мокрые хлопья снѣга порошили ихъ. Тучи облегли все небо, и комната едва-едва освѣщалась пасмурнымъ утренникомъ.

Подперевъ ладонью щеку, стояла Макариха у изголовья кровати. Невѣровъ и не спалъ, и не пробуждался; дремотно курилъ онъ папиросу, лѣниво выпуская клубы дыма.

— Ты, баринъ, не слушай больно стараго бѣса, Назарыча. Онъ тутъ все ко мнѣ приставалъ, охальникъ этакій. Все въ домъ наровитъ ночевать притти. А какъ я его пущу, когды онъ воръ первостепенный: по веснѣ съ балконта всѣ ручки потаскалъ. Я-то за домъ, что за свое... Да, вотъ, поживешь — увидишь... Только не житье тебѣ здѣсь: кормиться не чѣмъ, деревня голодная, скотинѣ и той жевать нечего... Я-жъ ничего не держу, не припасла: ужъ больно ты прыткій,— ласково пояснила Макариха,—сегодня письмо, а завтра и коней подавай! — и не утерпѣвъ, она провела рукой по головѣ Невѣрова.

Онъ открылъ глаза и остановилъ ихъ на лицѣ Макарихи. Въ тѣни надвинутаго низко къ бровямъ платка онъ разглядѣлъ морщинистыя, изборожденныя оспой щеки, узкій лобъ съ прилизанными прядями волосъ, провалившійся носъ съ темными по бокамъ ямами глазницъ—и вспомнились ему звѣзды послѣдней ночи.

Вздрагивая отъ омерзенія, отъ охватившей его жути, онъ опять закрылъ глаза и такъ, не раскрывая ихъ, робко-просительно проговорилъ:

— Пожалуйста, нельзя-ли найти Назарыча и

позвать его ко мнѣ... Пожалуйста, сейчасъ, поскорѣй...—цѣдилъ онъ сквозь зубы.

Папироса давно погасла, но онъ и не подумалъ ее раскурить: все время, одѣваясь даже въ пальто, продержалъ онъ ее въ зубахъ.

IX.

Въ конюшнѣ было темно и навозно. Назарычъ, разставивъ руки, ущупалъ кругъ лошади и, поймавъ взметнувшійся хвостъ, потащилъ ее на дворъ, награждая ударами кулака.

Онъ былъ золъ; внутри его вулканомъ бушевалъ протестъ; на губахъ — тонкихъ, безцвѣтныхъ—пѣнилась злоба.

— Стоило пріѣзжать, чтобы, значитъ, только переночевать... Баринъ тоже! Далось добро, а править не умѣетъ: Макарихѣ довѣрился!...

Голодная лошадь, уставшая отъ непривычной работы, упиралась слабыми ногами, виновато мигала потускнѣвшими глазами и вертѣлась на одномъ мѣстѣ.

— Ты-то чего, шалый!—вскинулся на нее Назарычъ, и далъ пинокъ въ тощій животъ ея.— Баринъ!... Много ихъ, этихъ баръ-то: самъ, вотъ, поѣдетъ въ крытомъ возкѣ, а мнѣ-то каково въ этакую непогодь?... Переночевали—и поѣхалъ!.. Эхъ, баринъ!—сокрушительно закончилъ онъ.

X.

Среди объявленій одной изъ газетъ вскорѣ красовалось между прочимъ слѣдующее: „Спѣшно. Продается въ прекрасной, поэтической мѣстности хорошее имѣніе. Съ запросами просятъ обращаться письменно, Х почт. отд. довѣренному г. Невѣрова"...

Сергѣй Поздній.

ВСТРѢЧНОЕ...

Часъ тому назадъ я сошелъ съ парохода, а въ три часа ночи мнѣ нужно на поѣздъ, и чтобы убить какъ-нибудь время я шляюсь по безпорядочнымъ улицамъ города Б. и настойчиво потягиваю на мотивъ изъ «Демона»:

— Проклятый городъ, презрѣнный городъ...

Дѣйствительно, проклятый городъ. Противный, отвратительный. Никогда не забуду того впечатлѣнія чего то липкаго, мерзкаго, которое онъ оставилъ во мнѣ. Тутъ и улицы кривыя, безобразныя, и мостовыя ухабистыя, испещренныя ямами, и дома грязные, смѣшно и извозчики всегда пьяные и галдятъ они, словно на пожарѣ.

Вообще, есть въ этомъ городѣ что-то такое, что раздражаетъ меня, издѣвается надъ моимъ терпѣніемъ.

Я ужасно усталъ, но еще не скоро улыбнется мнѣ отдыхъ. Черезъ пять часовъ только прибываетъ мой поѣздъ, и до тѣхъ поръ мнѣ придется все шляться по этимъ пыльнымъ улицамъ,

Проклятый городъ, презрѣнный городъ...

Отчего я такъ усталъ? Не отъ безсонной-же ночи, проведенной мною на пароходѣ: развѣ мало такихъ безсонныхъ ночей въ моей жизни?

Отъ близости красивой госпожи Н.?

Гм! Госпожа Н., дѣйствительно, поразительно красива.

Десять часовъ я ѣхалъ съ ней вмѣстѣ на пароходѣ, и все время не отходилъ отъ нея. Я игралъ съ нею въ карты, укладывалъ ея вещи возился съ носильщиками, и все это доставляло мнѣ неописуемое удовольствіе.

Боже мой, какая она красивая! Изумительная красота! Когда я ее въ первый разъ увидѣлъ, я даже чуть не крикнулъ отъ удивленія.

Теперь я пробую вызвать ее въ своей памяти, но это мнѣ не удается. Я чувствую трепетъ въ груди, осязаніе чего-то красиваго пріятнаго, волнующаго, но представить ее себѣ такой, какой я ее видѣлъ на пароходѣ, ни за что не могу. И это меня бѣситъ.

Странно, я ея волосы, густые, тяжелые, помню ея прическу, высокую, модную, помню ея носъ, не большой и удивительно правильный, помню ея губы, особенно нижнюю, немножко черезъчуръ толстоватую и чуть-чуть оттопыренную, помню ея руки, ея голосъ, улыбку, помню ея платье, песочнаго цвѣта, шелковое, шумящее, помню даже запахъ ея духовъ, легкихъ и мягко-дурманящихъ, но вся она, живая, тѣлесная величественная, вотъ такая, какая она поразила мое воображеніе, ускальзываетъ изъ моей памяти. Теряются знакомыя черты, заслоняются туманными линіями, и словно табачный дымъ, исчезаютъ въ пустотѣ. Это, право, ужасно! Хоть кого выведетъ изъ себя.

И глаза ея я помню. Странные они какіе то. Даже не совсѣмъ черные. Неподвижные, задумчивые, влажно-томные. Но стоитъ ей чѣмъ-нибудь воодушевиться, какъ они странно расширяются, и словно прорвавъ незримую пленку, появляется въ нихъ огонекъ, жгучій, дерзкій, чуть-чуть издѣвательный. И воспоминаніе о немъ раздражаетъ теперь меня, волнуетъ.

— Проклятый городъ, презрѣнный городъ...

Нѣтъ, она тутъ не при чемъ. Это городъ все виноватъ. Такой невыносимый, надоѣдный.

Нѣтъ тутъ ни одного приличнаго ресторана. На что это похоже?

Приходится зайти въ какую то грязную кондитерскую „Жозефъ".

Все, все сегодня противъ меня.

Я всегда люблю пирожныя „микадо", а здѣсь мнѣ подали какія-то грязныя, черствыя крошки.

Нѣтъ, я этого ѣсть не буду.

И какое это кофе? Внизу осадокъ отъ цикорія.

Канальи!

— Кельнеръ, скажите, тутъ не было одной красивой очень, красивой дамы?

Госпожа Н. не могла тутъ быть, я это знаю, и все-таки спрашиваю.

Но онъ смѣется:

Конечно, была. Угу! У насъ много красивыхъ дамъ бываетъ

И противно причмокиваетъ губами.

Народу въ кондитерской много—гимназисты да гимназистки. Опущенные, исхудалые, смѣшные. И видъ у нихъ, словно они только что отвѣтили удачно на экзаменѣ по латыни, такъ рѣзко выступаютъ изъ-подъ видимой прибитости самодовольство и надменность.

Всѣ они галдятъ, мечутся, смѣются громко и вульгарно. Скалятъ большіе, нечищенные зубы и перемигиваются лукаво, кокетливо. И когда я смотрю на этихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ модныя, совершенно неидущія имъ узкія юбки и старающихся придать своимъ лицамъ такое выраженіе, какое бываетъ у горничныхъ когда онѣ произносятъ слово „мерси", въ мозгу моемъ

снова выплываетъ сознаніе невидимой и волнующей близости госпожи Н.

Какая она красивая! Какъ изящно одѣвается!

Шляпа у нея эффектная, модная съ длиннымъ, развѣвающимся, розовымъ страусовымъ перомъ, и подъ широкимъ манто смутно волнуются очертанія круглыхъ бедеръ.

И снова я не знаю, что меня такъ раздражаетъ, отчего, словно запертая птичка, бьется въ моей груди хитрая злоба.

За стѣной играютъ на билліардѣ. Играютъ неумѣло, топорно. Развѣ такимъ долженъ быть ударъ? Ударъ на билліардѣ долженъ быть глухимъ, моментальнымъ, а они брязгаютъ по шарамъ, словно въ хлопушку играютъ.

Здѣсь есть и одинъ мой знакомый: молодой еврей изъ Саратова. Онъ очень бѣденъ, но носитъ громкую фамилію Ротшильдъ. Ни одинъ саратовскій губернаторъ не можетъ почему-то ужиться съ нимъ, и стараются выслать его по дальше отъ себя. Въ настоящее время онъ находится въ городѣ Б. подъ надзоромъ полиціи. Такъ отдѣлался отъ него послѣдній саратовскій губернаторъ.

Господинъ Ротшильдъ очень любитъ разсказывать про свои мытарства, и разсказываетъ онъ это не со злобой, а съ нѣкоторымъ добродушіемъ, за которымъ весьма плохо скрывается довольство собой.

Теперь мы ходимъ по улицамъ втроемъ: я, Ротшильдъ и одна его знакомая, низенькая, некрасивая дѣвушка, которая въ разговорѣ сильно шепелявитъ. Она, можетъ быть, думаетъ, что ей это къ лицу.

Ночью тутъ фонари не горятъ, и на улицахъ ужасная темнота. Рядомъ всѣмъ троемъ намъ по этимъ узкимъ тротутрамъ не возможно ходить, и я плетусь сзади, весь занятый мыслями о красотѣ наступившей ночи.

Ночь была чудная, майская, темная, претемная. Она вся трепетала, выдыхая изъ себя мягкую нѣгу, и легкой, убаюкивающей пеленой окутывала меня. А наверху, совсѣмъ низко надъ нашими головами опустилось небо, тоже темное, изсине-темное, все унизанное сверкающими звѣздами. И казалось, что кто-то гигантской, невѣдомой машиной сгустилъ тьму наверху и въ ея липкую, густую массу пригоршнями разсыпалъ рѣдкіе, драгоцѣнные камни.

Вотъ такое было небо!

Широкими глотками вдыхая свѣжесть вѣтерковъ, рѣзво разбѣгающихся кругомъ, словно гдѣ-то тутъ вблизи выталкиваемыхъ невидимыми громадными вентиляторами, я мечтательно всматриваюсь въ нависшее надъ моей головой густое майское небо и думаю:

— Будьте прокляты, люди! Въ камень вы превратили ваши чувства, и мысли ваши стали такими-же душными и грязными, какъ тѣ каменныя клѣтки, въ которыя вы себя добровольно заключили. Какъ-бы я хотѣлъ хоть на одинъ мигъ забыть про свое существованіе, всѣмъ сердцемъ проникнуться уничтожающимъ всякія преграды благоговѣніемъ передъ величіемъ этой майской ночи. Хоть разъ почувствовать въ своихъ жилахъ порывъ великаго, безграничнаго счастья. Но клокочетъ во мнѣ мелкая, трепетная ненависть и на куски разрываетъ мою грудь. Люди, будьте вы прокляты!

Съ какимъ наслажденіемъ я посылалъ грозныя проклятія людямъ, но откуда-то изнутри уже доносился ко мнѣ другой голосъ, хитрый, презрительный:

— Пошло, господинъ Щукинъ, очень пошло! Вы пережевываете старыя, истасканныя слова, и думаете, что въ вашемъ сердцѣ открылся родникъ могучаго вдохновленія. Но напрасно вы радуетесь. Объ этомъ уже раньше вашего писили десятки писателей. Вотъ впереди ходятъ Ротшильдъ со своей подругой и, пожалуй, съ такимъ-же паѳосомъ разсуждаютъ о томъ-же.

Но, слава Богу, они говорятъ о другомъ.

— Конечно, библіотеку необходимо поддержать. Безъ посторонней помощи она не выдержитъ и рухнетъ. Вы можете себѣ представить какой ударъ это будетъ для всѣхъ насъ.

Что я думаю на этотъ счетъ? Конечно, господинъ Ротшильдъ правъ. Я ни въ коемъ случаѣ не смѣю съ нимъ спорить. Онъ всегда такъ умно и логично разсуждаетъ.

Нѣкоторое время мы ходимъ молча. Потомъ я спрашиваю:

— Какъ вамъ, господинъ Ротшильдъ, понравилась та дама, съ которой я сегодня съ парохода?

Онъ смѣется:

— Я ее видѣлъ только мелькомъ. Мнѣ показалось, что у нея усы.

— Оселъ!—думаю я—Онъ не понимаетъ, что у всѣхъ брюнетокъ бываетъ на верхней губѣ мягкій, черный пушокъ. Это имъ очень идетъ.

Вслухъ я говорю:

— Ого, господинъ Ротшильдъ, какъ вы требовательны къ женской красотѣ. Вы должны быть, большой эстетъ.

Эти слова я стараюсь произнести съ ироніей. Мнѣ очень хочется, чтобы невзрачная, шепелявая знакомая Ротшильда приняла ихъ на свой счетъ.

Ротшильдъ вдругъ останавливается.

Нѣтъ: онъ не пойдетъ дальше проводить ее. Къ чему? Женщины вѣдь требуютъ эмансипаціи. Лиза къ тому считаетъ себя сознательной дѣвушкой, а тутъ сентиментальничаетъ, какъ пустая барышня.

Я улавливаю просящій, безпомощный взглядъ дѣвушки и настаиваю:

— Какъ это? Нельзя-же такъ поздно оставить дѣвушку одну. Къ тому и ночь такая темная, и улицы глухія.

Ротшильдъ уступаетъ.

Проводить приходится очень далеко. Какіе то закоулки пригородка. Я уже начинаю жалѣть, что уговорилъ Ротшильда пойти. Впрочемъ, все равно надо какъ-нибудь убить время до трехъ часовъ.

На прощаніе дѣвушка съ благодарностью жметъ мнѣ руку.

„Она, должно быть, очень любитъ его“—проносится въ моемъ мозгу.

Эта мысль меня смѣшитъ, и когда мы остаемся вдвоемъ, я не удерживаюсь и высказываю ее Ротшильду.

Но онъ съ серьезнымъ видомъ выслушиваетъ меня и заявляетъ:

— Да, я знаю: она меня давно любитъ. И я отвѣчаю ей взаимностью:

Я недоумѣваю:

— Какъ? Развѣ можно любить такую некрасивую дѣвушку? Она вѣдь такъ раздражаетъ своей шепелявостью.

Мысленно мнѣ хочется поставить рядомъ съ этой дѣвушкой госпожу Н., но мнѣ мѣшаетъ рѣчь Ротшильда:

— Правда; она некрасива тѣломъ, но за то она прекрасна душой. Слышите, у нея кристаллически чистая душа. И я ее люблю чистой, непорочной любовью.

Я знаю, вамъ покажется смѣшнымъ. Вы ищете въ женщинѣ только глупую пошлую самку и до души ея вамъ дѣла нѣтъ.

Я недоумѣваю:

— Позвольте, г. Ротшильдъ. Только что, вотъ минуту тому назадъ вѣдь я васъ мысленно обзывалъ пошлякомъ. Кто-же изъ насъ обоихъ, наконецъ, пошлъ?

— Неужели я? Неужели преклоняться передъ чудеснѣйшимъ даромъ Божіимъ—женской красотой, это по вашему пошло? А если образъ женщины, совершенно вамъ чуждой, съ которой вы всего знакомы какихъ-нибудь часовъ, врѣзался въ вашъ мозгъ, словно остріе меча, и какъ свѣжія раны бороздитъ ваши мысли, превращая ихъ въ огонь—это по вашему пошло? Вы знаете, наконецъ, что госпожа Н. стоитъ въ моихъ глазахъ въ тысячу разъ выше всѣхъ вашихъ сознательныхъ барышень съ кристаллическими душами,

Ротшильдъ смѣется.

— Преклоненіе передъ женской красотой, святость плоти, какъ это было модно. Но это уже состарилось, г. Щукинъ. Паѳосъ, съ которымъ вы говорите присущъ герсямъ изъ романовъ. Слишкомъ много романтизма вы вычерпали изъ книгъ. Вашимъ словамъ мѣсто только въ романахъ Д' Анунціо.

Снова эти проклятыя книги. Всѣ мысли, каждое движеніе человѣческой души онѣ запечатлѣли на своихъ мертвыхъ, бездушныхъ страницахъ, и въ менекена, въ жалкую, комично дерзающую пародію на самого себя сталъ человѣкъ.

Впрочемъ, уже поздно. Мнѣ пора ѣхать на вокзалъ.

Извозчикъ попадается разговорчивый, любопытный.

Кто я? Зачѣмъ я пріѣхалъ? Не боленъ-ли я? (Такой, должно быть, теперь у меня ужасный видъ),

Какъ же мы медленно тащимся.

На вокзалъ я пріѣзжаю за часъ до отхода нашего поѣзда. Госпожи Н. еще нѣтъ.

Долго и нетерпѣливо жду. Какое-то темное предчувствіе давитъ меня. Потомъ меня вызываютъ къ телефону. Она передаетъ, что не можетъ сегодня поѣхать.

Ее задержали до завтра. Кстати, вѣдь я могу одинъ поѣхать. Она не будетъ въ претензіи.

Я такъ и зналъ. Проклятый городъ! Проклятый городъ!

Конечно, я могу поѣхать одинъ. Она мнѣ не нужна.

— Носильщикъ! Билетъ второго класса до Николаева.

Впрочемъ, подождите. Сколько стоитъ билетъ до ближайшей станціи? Да, до Краснаго Берега. 82 копѣйки? Хорошо! Купите билетъ до этой станціи. Дальше мнѣ не надо.

Нѣтъ, я никуда не поѣду. Останусь ждать до завтра. Дѣла? Къ черту всѣ дѣла. И въ Красный Берегъ не поѣду. Зачѣмъ? И билета не возьму. Не нуженъ онъ мнѣ. Зачѣмъ.

Носильщикъ, вы ошибаетесь. Это, навѣрное, другой просилъ купить ему билетъ. Мнѣ никакого билета не надо. Слышите? Вы думаете, что мнѣ нужно куда нибудь ѣхать? нѣтъ. У меня тутъ неотложныя дѣла. Я могу только завтра уѣхать отсюда. Не раньше. Носильщикъ, чего вы пристали ко мнѣ. Я жандарма сейчасъ позову.

Носильщикъ неудомѣвающій удаляется, и въ глазахъ его я читаю скрытую жалость ко мнѣ.

Зачѣмъ. Не нужно.

— Конечно, такъ поступаютъ герои изъ романовъ. Но все равно. Мнѣ ничуть не стыдно.

Потомъ приходитъ поѣздъ. Долго стоитъ. Пыхтитъ, свиститъ, зоветъ, сердится.

Потомъ онъ уходитъ.

Я прислоняюсь къ столу и засыпаю.

Когда я черезъ нѣкоторое время просыпаюсь я чувствую внутри себя такую пустоту, что жуть пробѣгаетъ по всему тѣлу.

Рой безсвязныхъ мыслей прыгаетъ въ головѣ.

Потомъ только вспоминается она.

Б. Щукинъ.

ОНИ И ОНЪ.

Зоя Васильевна была бы серьезно обижена, если бы кто нибудь ей сказалъ, что ни она на маркизу Помпадуръ, ни ея гостиная на салонъ XVIII вѣка—не похожи.

Въ сходствѣ этомъ она была убѣждена и дѣлала все, что по ея мнѣнію могло его усилить.

Комната, въ которой она принимала гостей—полу-будуаръ—полу-гостиная—была вся заставлена ширмочками, пуфиками, креслицами; на шаткихъ этажеркахъ—масса фарфоровыхъ бездѣлушекъ. Проходящій долженъ былъ дѣлать цыплячьи шаги, что бы не споткнуться или не уронить чего нибудь.

Вся эта „уютная тѣснота“ въ рамкѣ драпированнаго кретона цвѣта ivoire съ вѣночками изъ мелкихъ розъ создавала атмосферу, въ которой Зоя Васильевна, не рискуя еще пока рядиться въ фижмы и пудреный парикъ, находила возможность перевоплащаться въ изящную маркизу.

И пестрота общества, которое она собирала вокругъ себя, не только не мѣшала, а наоборотъ—помогала этому перевоплощенію, если принять во вниманіе слабое знакомство этой милой дамы съ ея знаменитымъ прототипомъ.

Больше всего въ „салонѣ“ бывало актеровъ—одни съ чисто выбритыми лицами и въ крахмальныхъ воротникахъ; другіе—съ синевой на щекахъ и на верхней губѣ, въ смятыхъ, подозрительнаго цвѣта сорочкахъ. „Поставленными“ голосами они читали чужіе стихи и разсказы.

Поэты и литераторы—большей или меньшей извѣстности, или со странными прическами—копной или гривой—читали нараспѣвъ свои стихи и разсказы.

Пѣвцы пѣли; музыканты играли.

Болѣе скромные посѣтители Зои Васильевны, которые не смѣли считать себя одаренными натурами, ограничивались тѣмъ, что кричали „просимъ“ пока исполнитель ломался—и апплодировали потомъ.

Все это могло бы быть въ достаточной мѣрѣ скучнымъ

Но такъ какъ ужинъ у Зои Васильевны всегда подавался обильный, много пили; такъ какъ,—несмотря на то что среди гостей бродилъ кудря-

вый шестилѣтній Ника, сынъ Зои Васильевны,— о существованіи мужа никто не упоминалъ и всѣ свободно ухаживали за хозяйкой дома, ея сестрой Лелей и подругой Шурочкой, то часто бывало весело на nuits-fixes Зои Васильевны.

— Безумно весело! говорила Лелечка, считая себя натурой вакхической.

На этотъ разъ было особенно шумно и все шло удачно.

Сначала послѣ долгихъ упрашиваній и увѣреній, что онъ охрипъ, что онъ не помнитъ наизусть, прочелъ никому непонятное стихотвореніе долговязый поэтъ, у котораго волосы, губы, рѣсницы, глаза—все было бѣлое.

Ему сдержанно аплодировали.

Вслѣдъ за нимъ безголосая пѣвица „подъ Плевицкую“ спѣла „Ухорь Купецъ“. Аккомпанировалъ ей на гитарѣ юноша, выпуклые глаза котораго считались „страстными“ и который гордился тѣмъ, что онъ незаконный сынъ цыганки и графа Б.

Потомъ еще одинъ поэтъ читалъ стихи.

Потомъ небезызвѣстный комическій разсказчикъ смѣшилъ еврейскими анекдотами и имѣлъ крупный успѣхъ у присутствующихъ, особенно у самой Зои Васильевны.

Наконецъ—гвоздь вечера—*самъ* профессоръ Маркетти сѣлъ за рояль и сыгралъ длинную, трудную и очень скучную фугу Паха.

Сначала всѣ усиленно выражали на лицѣ вниманіе и тонкую музыкальность; минутъ черезъ пятнадцать позы стали болѣе непринужденными; черезъ двадцать шопотомъ стали переговариваться съ сосѣдями; многіе вышли на цыпочкахъ въ переднюю покурить.

Тридцать пять минутъ томительной скуки получили наконецъ благополучное разрѣшеніе въ финальномъ аккордѣ.

Но не успѣлъ еще вырваться изъ груди облегченный вздохъ благодарныхъ слушателей, какъ вдругъ въ секундной тишинѣ колокольчикомъ прозвенѣлъ голосокъ маленькаго Ники:

— А я умѣю кувыркаться!

И, не дожидаясь приглашенія, онъ легко и граціозно, съ неожиданной пластичностью въ маленькомъ тѣльцѣ перекувырнулся на коврѣ.

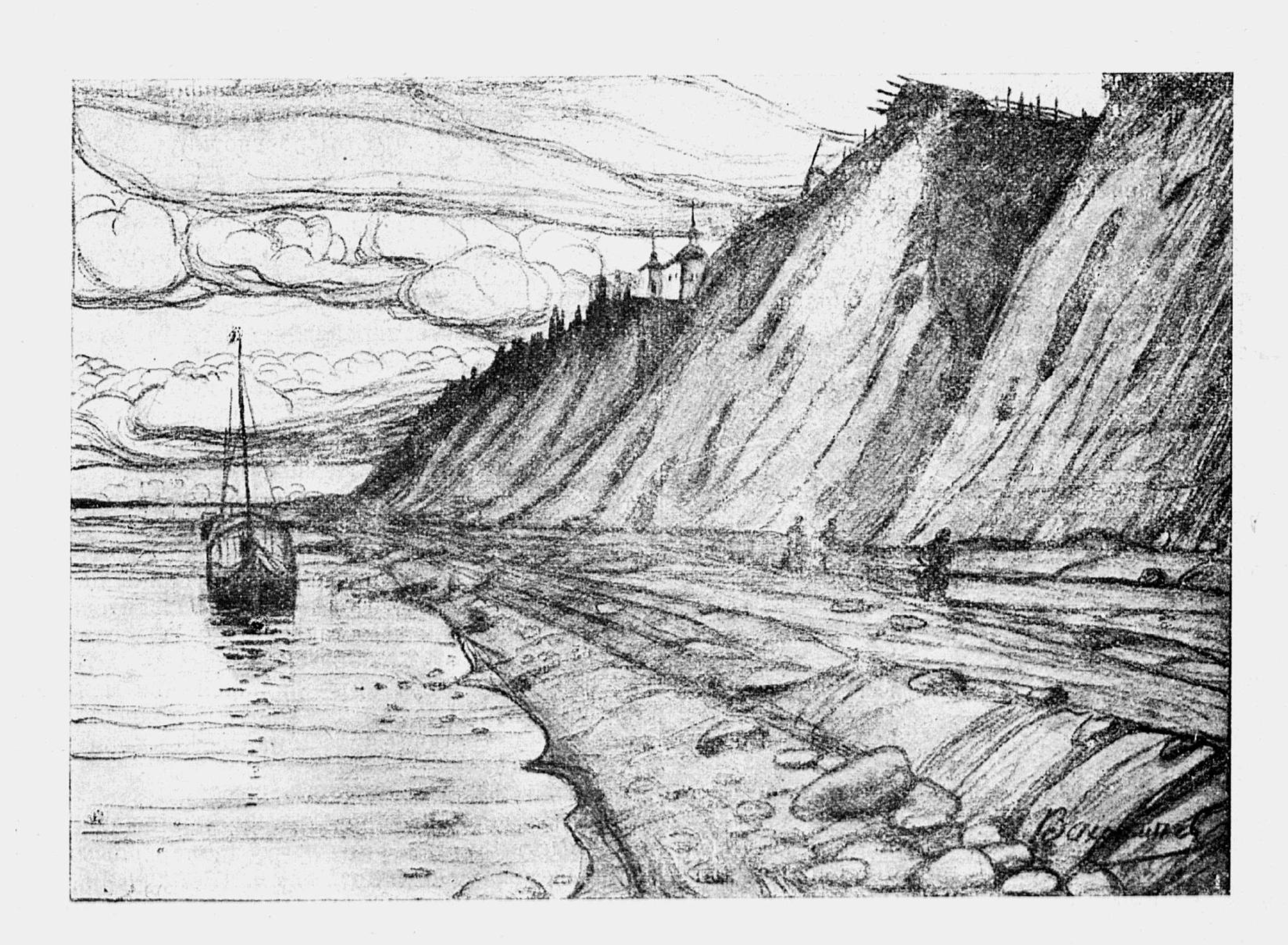
Сначала всѣ удивились. Потомъ заулыбались, громко заговорили, засмѣялись. Мальчика стали кто стыдить, кто тормошить и цѣловать.

Актеръ взялъ его на руки и понесъ въ столовую.

Апплодировали профессору Маркетти, благодарили его, извинялись за дѣтскую невоспитанность Ники, оправдывая его возрастомъ.

И никому въ голову не пришло, что въ „салонъ XVIII вѣка“ впервые скромно вошла красота.

Лидія Лѣсная.

А. Любимовъ.

ГОСПОДА НАЧИНАЮЩІЕ.

(Голосъ изъ другого лагеря).

Мнѣ очень пріятно здѣсь на страницахъ воскресшей „Весны“, единственнаго журнала, который идетъ безъ генераловъ съ одними начинающими, сказать объ этихъ начинающихъ нѣсколько нехорошихъ и совсѣмъ недобрыхъ словъ. Здѣсь я надѣюсь, что каждая моя строка дойдетъ до ушей тѣхъ, кому это интересно.

I.

Сравнительно недавно у насъ еще была литература—съ горѣніемъ, кипѣніемъ, самолюбіями и со всѣмъ, что присуще искусству. Тогда были настоящіе начинающіе писатели—корпѣвшіе надъ каждой буквой, плакавшіе отъ счастья когда видѣли свое имя въ печати и доходившіе до отчаянія отъ безплодныхъ попытокъ пролѣзть въ книгу журнала или газетный столбецъ.

Стоило литературѣ нашей превратиться въ помойную яму, съ бурнымъ запахомъ гнили, какъ и начинающіе пошли совершенно особаго типа.

Совсѣмъ немного времени тому назадъ начинающій робко приходилъ въ редакцію и говорилъ:

— Напечатайте. Хоть даромъ, все равно... Вотъ я увижу свое имя въ печати—ужъ я начну работать... Ужъ начну...

Если ему возвращали рукопись—просилъ ободрить. И такіе люди, какъ Короленко, покойный П. Я. и другіе писали письма съ совѣтами, ободреніями, уговариваньями дѣлать то-то и то-то.

Теперешній начинающій идетъ въ редакціи уже растлѣнный профессіональнымъ хамствомъ. Онъ заявляетъ откровенно и просто:

— Жрать, знаете, нечего. Уроковъ нѣтъ... Въ конторѣ мѣста не найдешь. Не помѣстите—хоть на улицѣ ночуй...

Не приняли у него рукопись, онъ считаетъ себя потерявшимъ четвертную. Идетъ промышлять въ другую редакцію.

На журналъ онъ смотритъ какъ на мелочную лавочку, гдѣ онъ можетъ подработать четвертную, а имя—это уже нѣчто въ родѣ безплатнаго приложенія.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ мнѣ ежедневно приходится сталкиваться съ начинающими. И ничего кромѣ непріязни, открытой и твердой и этимъ людямъ, я не смогъ и врядъ ли смогу вынести ..

II

Когда я былъ редакторомъ одного сенсаціоннаго еженедѣльника, обладавшаго можетъ быть и незаслуженно-громадной популярностью, мнѣ впервые не какъ журналисту, а какъ редактору пришлось встрѣтиться съ начинающими.

Я былъ полонъ самой радужной надежды приласкать хоть десятокъ начинающихъ и дать имъ возможность пробиться.

Я просто, по человѣчески прошу мнѣ вѣрить въ дальнѣйшемъ: здѣсь я не пишу юмористику, а хочу говорить то, что и у меня наболѣло...

Въ первые-же дни у меня были два начинающихъ. Одинъ студентъ нигилистическаго вида, съ помятой фуражкой и толстой рукописью.

— Здравствуйте—сказалъ онъ входя въ кабинетъ—я принесъ вамъ одну вещь. Только

навѣрно прогоните меня... Повѣрите—съ возмущеніемъ добавилъ онъ—изъ семи еженедѣльныхъ журналовъ мнѣ возвращали ее... Вездѣ кумовство и генеральство...

— А что у васъ?

— Да драма...

— Большая?

— Нѣтъ. *Когда я шелъ сюда такъ я высчиталъ. Она у васъ въ „Синемъ Журналѣ“ займетъ страницъ 60—70 не больше.*

Я подчеркиваю эти слова для тѣхъ, кто хочетъ повѣрить въ мою искренность.

— Послушайте—немного возмутившись, отвѣчаю ему—вѣдь это значитъ заполнить ей всецѣло около пяти полныхъ номеровъ журнала. Куда-же дѣнемъ остальной матерьялъ?

— А вы оставьте его пока. У меня драма интересная. Я самъ лично номеровъ двѣсти куплю.

Думая, что этотъ человѣкъ просто издѣвается надо мной, я сказалъ, что не могу ничего сдѣлать. Тогда онъ подумалъ и спросилъ:

— А въ „Сатириконъ“ вы ее не можете передать?

Я посмотрѣлъ на него.

— А вы знаете, что за журналъ „Сатириконъ“? Читали его.

— Читалъ. Хорошій журналъ. Его публика любитъ. Весельчаки тамъ...

Молчаніе.

— Можетъ быть въ „Галченокъ“ (дѣтскій журналъ) можетъ пойти?

— У васъ драма, большая—неужели-же вы думаете, что ее можно напечатать въ юмористическомъ журналѣ или въ дѣтскомъ?..

— Да куда-же идти тогда?..—почти закричалъ онъ—вездѣ генеральство... Нначинающему сунуться некуда...

III.

Другой начинающій принесъ мнѣ лирическіе стихи.

— Вы читаете журналъ?

— Читаю. Нравится.

— Хорошо. Видѣли-ли вы, чтобы за три года его существованія въ немъ хоть разъ было одно лирическое стихотвореніе.

— Нѣтъ... Только почему-же нельзя?..

Я безпомощно развелъ руками.

— А у меня и разсказъ одинъ есть. Можетъ прочтете?

— Давайте.

Разсказъ пробѣжалъ тутъ.же. Начинающій былъ такой робкій, конфузливый, смѣется такъ по-дѣтски честно

Разсказъ оказался ничего.

— Почему только у васъ все имена и мѣсто дѣйствія иностранное?..

Начинающій мнется; оказывается, что просто надоѣлъ русскій бытъ. Причина уважительная.

Уходитъ. Чрезъ два часа выясняется, что Рославлевъ не могъ мнѣ прислать разсказа. Подъ рукой ничего нѣтъ. Беру разсказъ начинающаго и посылаю въ наборъ.

Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ переводчиковъ просматриваетъ у меня на столѣ типографскія оттиски и ворчитъ.

— Вы что?

— Да это не того немного. . У другихъ вы берете такіе переводы, а у меня нѣтъ. .

— Какіе? Вы про что?

— Да вотъ.

Переводчикъ указываетъ на разсказъ начинающаго и приводитъ мнѣ названіе разсказа, подъ какимъ онъ былъ напечатанъ въ одной изъ книжекъ англійскаго „Стрэнд'а“. Больше того, оказывается, что разсказъ уже былъ напечатанъ въ переводѣ въ другомъ еженедѣльникѣ—кажется „Огонькѣ“ просматриваю—точная копія...

Таковы были мои первыя встрѣчи съ начинающими, когда я, въ ихъ пониманіи, былъ уже на сторонѣ *редакціонныхъ угнетателей*, а не на сторонѣ „талантливой молодежи“...

Конечно не всѣ начинающіе таковы, какъ эти двое, о которыхъ я сейчасъ говорилъ и нельзя говорить, что всѣ начинающіе или жулики или пьяницы, но увы во всѣхъ начинающихъ, которыхъ я встрѣчалъ какъ редакторъ разныхъ еженедѣльниковъ всегда можно было подвести подъ двѣ этихъ незавидныхъ категоріи,

Или это были тупые люди слѣпо шедшіе къ литературѣ съ невообразимымъ хламомъ или-же просто жуликоватые молодые люди, лишившіеся внезапно интереснаго, или урочнаго заработка.

Должны быть, есть—и я твердо увѣренъ въ ихъ существованіе—и другіе настоящіе начинающіе *писатели*, къ которымъ нужно бѣжать, подымать ихъ, давать имъ дорогу: я такихъ пока не встрѣчалъ.

IV.

Когда въ редакцію приходитъ рукопись писателя съ именемъ, у васъ есть на просмотръ минимумъ три четыре дня.

Начинающій даетъ на просмотръ максимально—день. Онъ требуетъ, чтобы вы при немъ прочли его повѣсть, если вы приняли у него стихи—онъ замучаетъ васъ по телефону, своими приходами, своими ссылками на необходимость теплаго пальто и уплаты хозяйкѣ за комнату.

Если вы въ четвергъ приняли у начинающаго рукопись, а въ №, который выходитъ въ пятницу, она не попадаетъ—онъ будетъ сначала робко, а потомъ возмущенно негодовать на васъ и говорить о томъ, что вы его затираете. Попробуйте объяснить ему, что номеръ готовится за недѣлю раньше - онъ снова обидится и уйдетъ твердо увѣренный, что его обманываютъ...

V.

Часто держишь предъ собой рукопись начинающаго и думаешь:

— Вотъ сейчасъ я брошу ее въ корзину и можетъ быть тѣмъ самымъ принесу ему ужасное горе. А что будетъ, если я пущу эту слабую вещь? Быть можетъ я подпущу и литературѣ новую бездарность, новое сальное пятно на ней.. Вѣдь вотъ начинающій возьметъ номеръ моего журнала, гдѣ будетъ напечатанъ его разсказъ, пойдетъ въ другую редакцію и будетъ показывать, что его печатаютъ и тамъ уже будутъ съ этимъ считаться... Его еще напечатаютъ—а тамъ пошло.—И пошло... Еще разсказъ, еще—и новая литературная колода наваливается на читателя.

Въ тѣ минуты, когда я бракую рукописи я чувствую себя часто палачемъ, но палачемъ не по приказанію. Редакція это не жолобъ, который

сплавляетъ мутную воду, а мѣсто испытанія: выдержалъ—иди съ Богомъ, бездарность—поступай въ контору. И даю честное слово, что лучше принести пять непріятностей, чѣмъ быть пособникомъ засоренія литературы...

VI.

Если къ начинающимъ безжалостны, то и они безжалостны къ намъ, читающимъ ихъ рукописи, невольнымъ цѣнителямъ ихъ творчества, можетъ быть и не всегда компетентнымъ.

Какимъ хламомъ насъ закидываютъ... Если-бы вы только побыли на мѣстѣ редактора, читающаго напролетъ всю ночь рукописи и не имѣющаго возможности изъ 60—70—80 взять хоть одну. хоть выправленную для печати...

Если рукописи будетъ читать человѣкъ самъ не пишущій—это скверно. Онъ никогда не пойметъ то, что называютъ проблесками таланта. Значитъ рукописи долженъ читать человѣкъ, который пишетъ и самъ—а представьте себѣ вы положеніе человѣка, который хочетъ писать самъ и которому приходится забивать себѣ голову всякой завалью.

VII.

Я кончаю писать. Въ этой на-смѣхъ написанной замѣткѣ, я не сумѣлъ сказать и 1/10 того, что сказать бы по этому поводу хотѣлось.

Закончу я ее только однимъ обращеніемъ къ начинающимъ:

— Господа, вы хотите попасть въ литературу—подходите къ ней умѣло. Если вы несете въ какой-нибудь журналъ разсказъ, не пишите его такъ, чтобы онъ по размѣрамъ занималъ два номера, отдавая рукописи дайте человѣческій срокъ, а главное ссылайтесь не на квартирную хозяйку, а на свое намѣреніе къ литературѣ: это достойнѣе. Ну а если вы несете въ медицинскій журналъ стихи въ прозѣ или въ ежедневную газету историческую драму—ради Бога пеняйте не на тѣхъ, кого встрѣтите въ редакціи, а на самихъ себя...

Аркадій Буховъ.

ТЮРЕМНАЯ ИГРА ВЪ ПЯТНАШКИ.

Безконечно тягучіе дни и вечера своихъ невольныхъ досуговъ тюремные сидѣльцы посвящаютъ главнымъ образомъ книгѣ и тетради.

Читаютъ до одури. Все что есть. Даже назидательную духовно-нравственную литературу.

Пишутъ почти всѣ.

Даже еле грамотные.

Преимущественно стихи.

Если есть сосѣди, съ которыми можно состукаться,—стучатъ до тѣхъ поръ, пока уши не заболятъ.

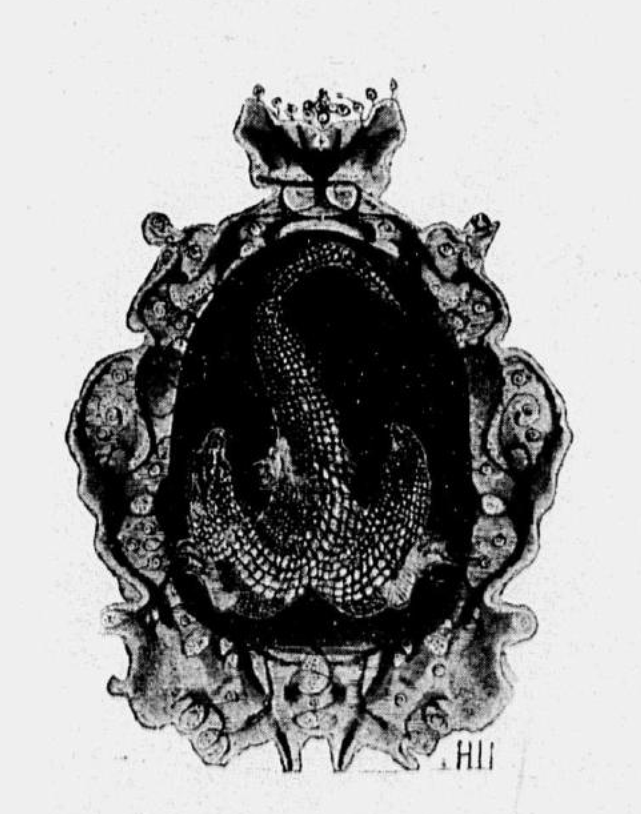
Но вотъ чтеніе, писаніе и стуколка надоѣли,—голова устала, глазамъ больно, въ ушахъ шумъ, отъ сидѣнья спину ломитъ.

Начинаютъ выдумывать развлеченія гимнастическаго и эквилибристическаго характера.

Многіе въ тюрьмѣ научились прекрасно жонглировать апельсинамн.

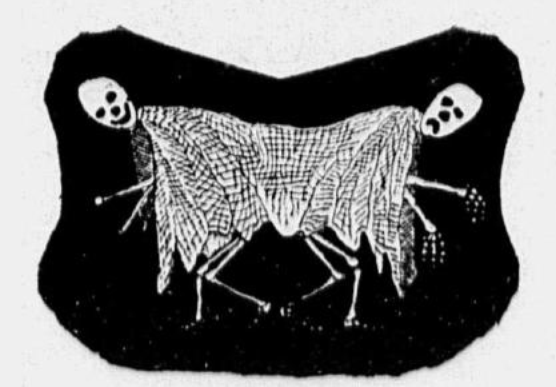
Утомившись отъ тѣлесныхъ развлеченій переходятъ къ инымъ.

Въ ходу, напримѣръ, игра въ пятнашки,—вѣрнѣе въ пятнышки.

Вы берете восьмушку листа бумаги, капаете съ ручки чернилами, потомъ перегибаете листикъ вдвое. плотно прижимаете къ столу, пока пятна не распластаются, не расположатся симметрично вокругъ сгиба, затѣмъ развертываете листикъ и взглядываетесь въ то, что получилось.

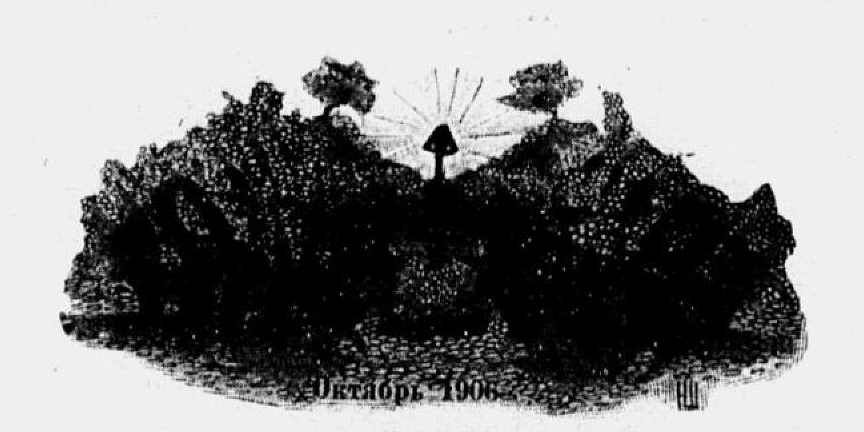
Когда на святкахъ гадаютъ: льютъ олово, воскъ, или жгутъ бумагу и наблюдаютъ за прихотливой игрой контуровъ, воображеніе гадающаго подсказываетъ и осмысливаетъ капризныя произведенія случая. Контуры чернильныхъ пятенъ, послѣ того какъ вы разогнете листъ, поразятъ васъ свою прихотливостью и занятностью.

Воображеніе сейчасъ же начинаетъ оживлять безжизненные силуэты, находитъ въ нихъ рисунокъ, смыслъ и... судьбу.

Два три ударчика перомъ, чтобы помочь судьбѣ, и у васъ въ самомъ дѣлѣ появится занятный рисунокъ.

Воображеніе сидѣльцевъ настроено не весело и въ большинствѣ случаевъ въ симметріи чернильныхъ пятенъ имъ чудятся не веселые предметы.

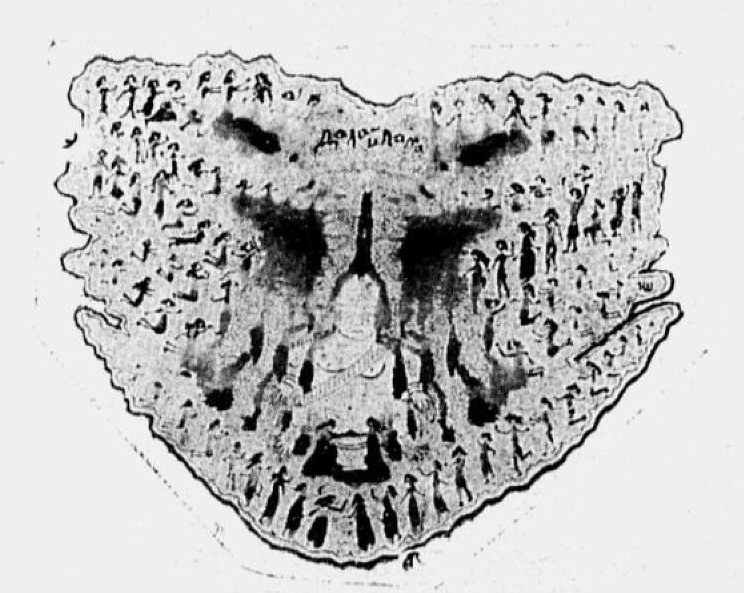
Вотъ—могила.

Вотъ—демоны.

Вотъ—скелеты.

Вотъ—черепа.

Вотъ какія то допотопныя ихтіозавровидныя существа.

Впрочемъ иногда появляются неожиданно и картины ничего общаго съ тюремными темами не имѣющія.

Вотъ дѣтскій праздникъ.

Вотъ профили двухъ дамъ вокругъ сердца.

Вотъ... далай-лама или китайской божокъ...

Вотъ пляшущія обезьянки.

Вотъ король.

Вотъ веселый цирковый номеръ.

Въ моей коллекціи собранной въ тюрьмѣ много интересныхъ пятенъ.

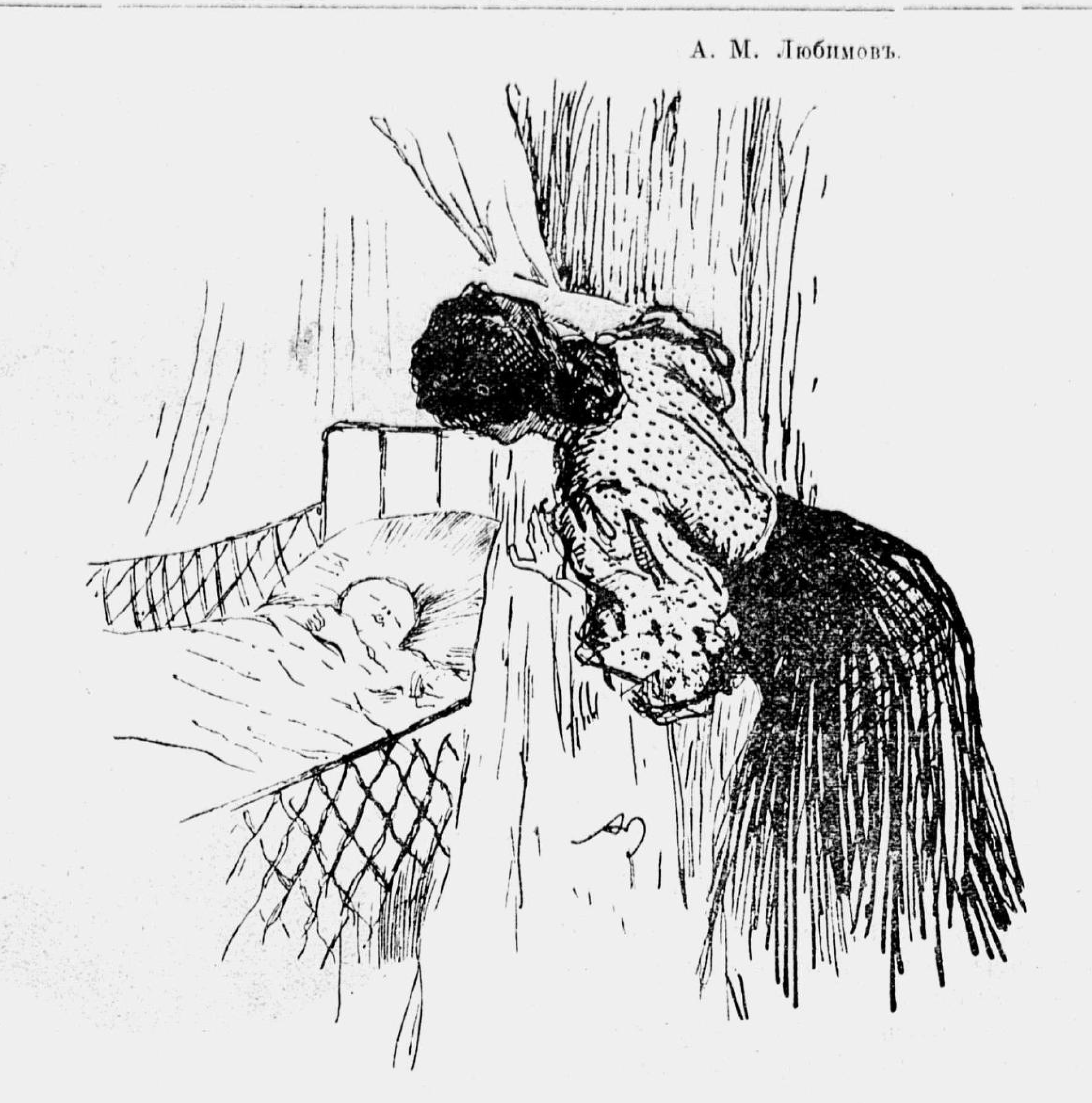
Нѣкоторыя изъ пятенъ могли бы прекрасно служить въ качествѣ виньетокъ и заставокъ въ книгѣ.

Читатели, которыхъ заинтересуетъ эта игра, могутъ удачныя пятна присылать въ „Весну“ и лучшія изъ присланныхъ пятенъ будутъ напечатаны.

На конвертахъ просьба ставить надпись: „Конкурсъ пятенъ“.

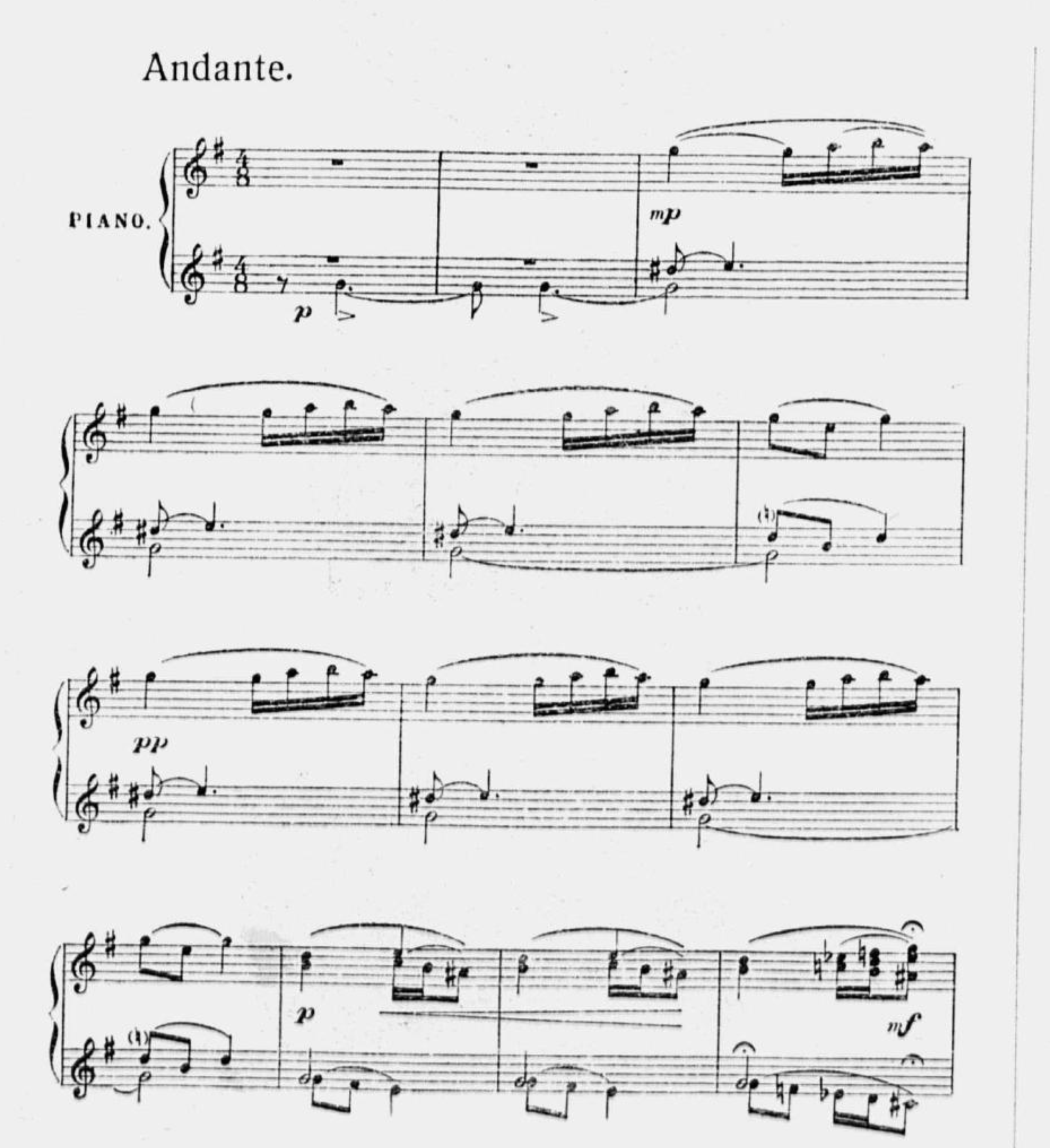

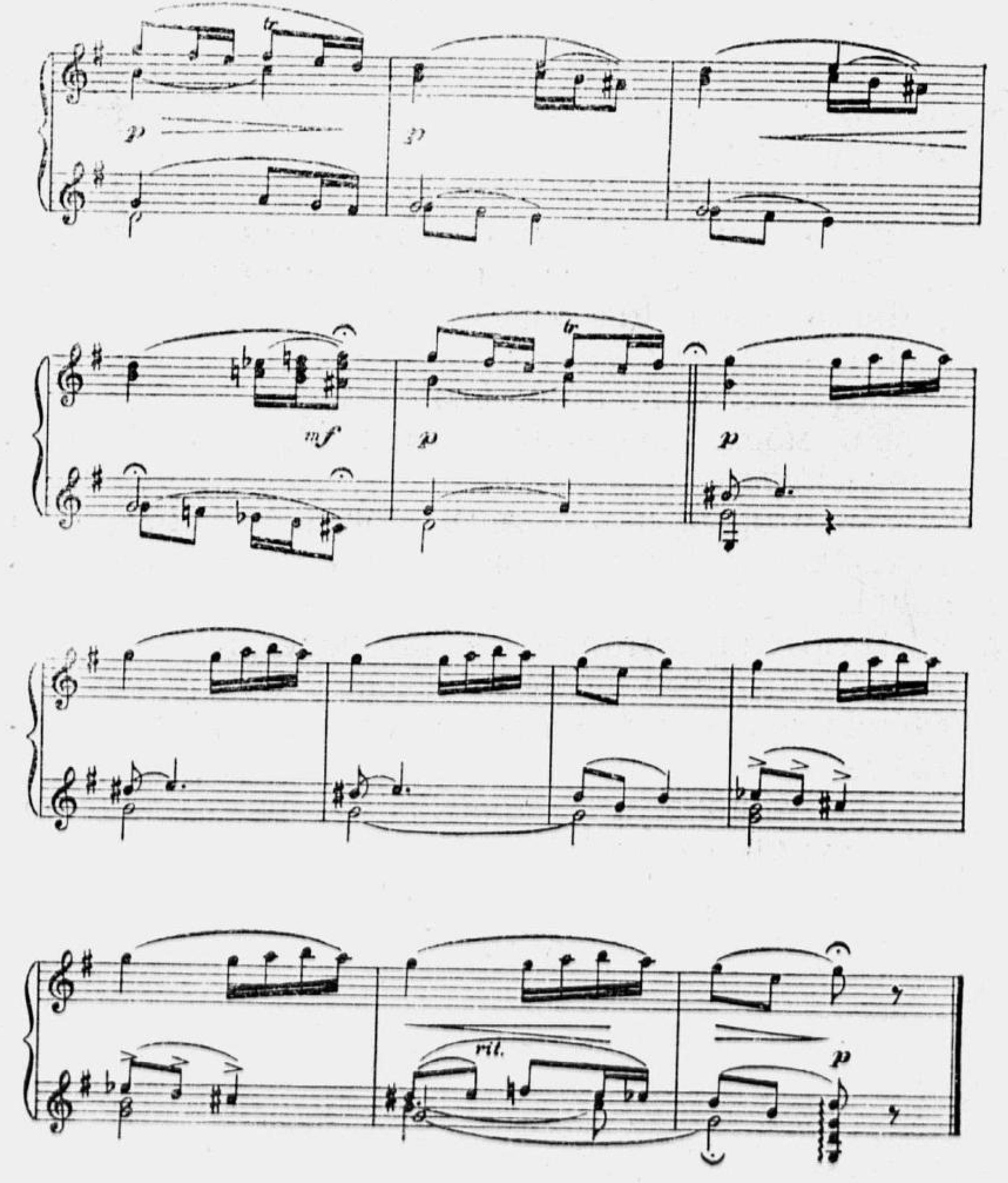
А. М. Любимовъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА ЛЕО ГЕБЕНА

Посвящается ВИЛЛИ ФЕРРЕРО.

Третья премія „ВЕСНЫ“.

ЦЫГАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Слова Н. Шебуева. Муз. А. Б. Вилинскаго.

Valse Moderato

С.П.Б. 16-го Янв. 1914 г. А. Вилинскій

ПОЛЬКА НА СЕКУНДАХЪ.

Gajo.

Н. Н. Евреиновъ.

f

mf

p

I a v.

II a v.

mf
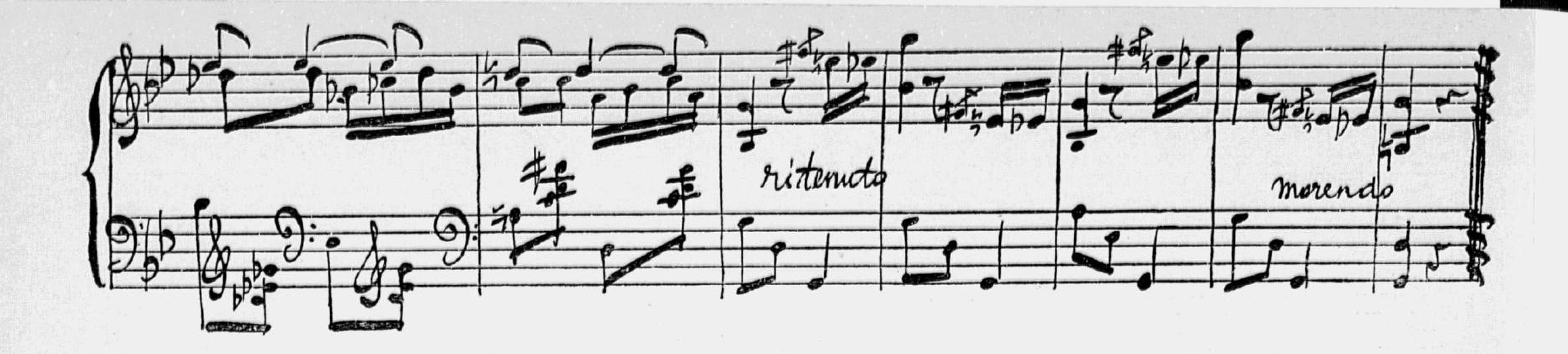
accelerando

ritenuto

a tempo
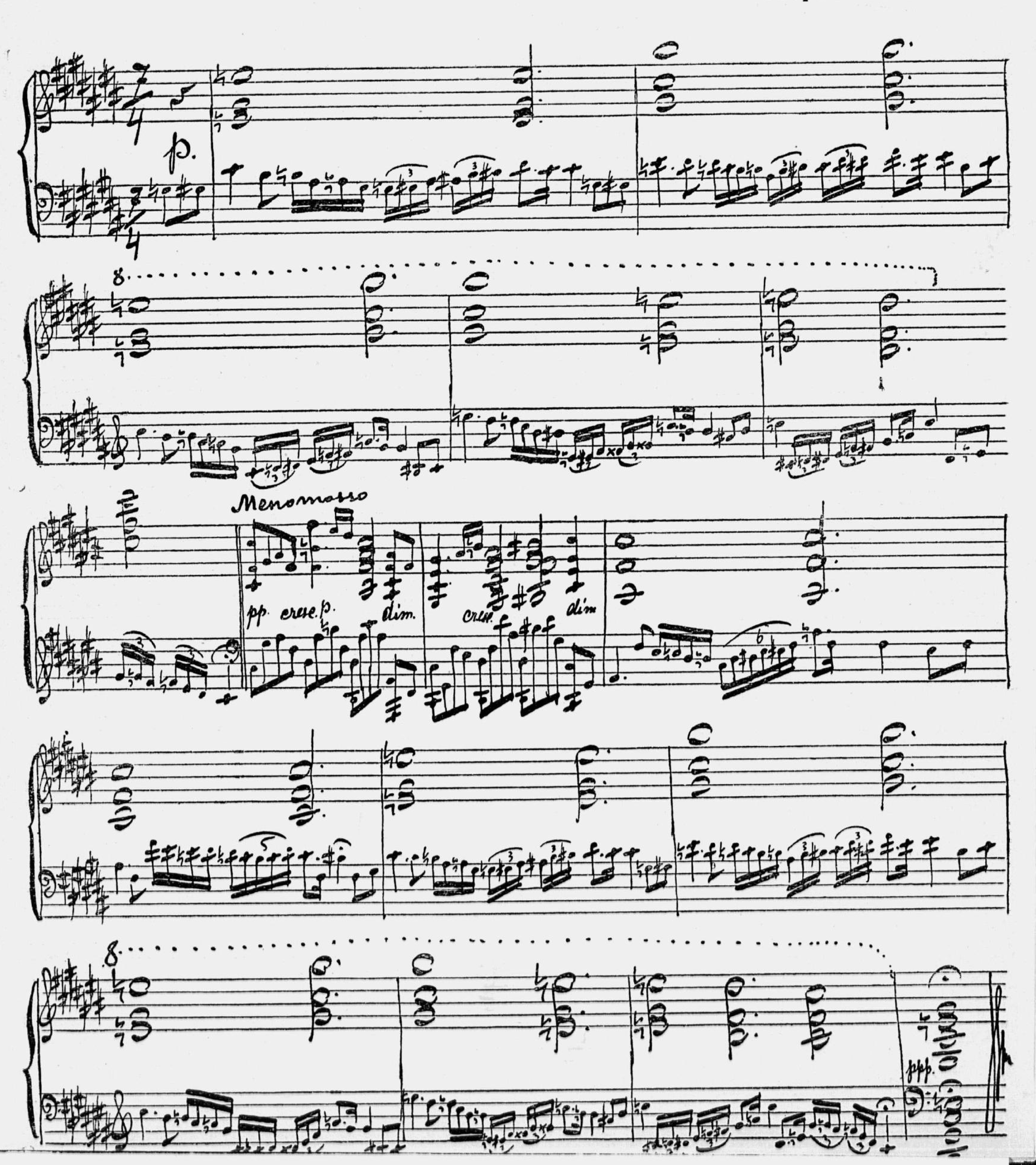
mf

piu mosso

ПРЕЛЮДІЯ.

Георгій ЛАМПСИ.

Мефистофель. М. Врубель.

DISPUTANDUM EST...

О ГРАНИЦАХЪ МУЗЫКИ.

„Критикъ, который по нѣкоторымъ излюбленнымъ произведеніямъ желаетъ установить извѣстныя непоколебимыя правила композиціи, будетъ всегда въ антагонизмѣ съ художникомъ, пролагающимъ новые пути“.
Мопассанъ.

Наше время—время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей: моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ... „Что вѣрно“—смерть одна!..“

Но, брошенные, „безъ руля и безъ вѣтрилъ“ въ пространствѣ, мы тѣмъ съ бо́льшей жаждой ощущаемъ жгучую потребность разобраться въ окружающемъ насъ хаосѣ понятій...

Въ настоящей замѣткѣ, въ связи съ возгорѣв-

шимися въ печати и публикѣ спорами по поводу трактовокъ оперъ театромъ „Музыкальной Драмы“, въ связи съ новыми переводами Вагнеровскихъ оперъ В. Коломійцевымъ и возникшими вновь вопросами о „сліяніи музыки съ словомъ“ и о „правдѣ“ въ музыкѣ, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о границахъ музыки и о такъ называемой „програмной“ музыкѣ.

Das ist eine alte Geschichte, die bleibt doch immer neu...

Вопросъ о томъ, что вообще *должна* и *можетъ* изображать музыка, вопросъ о ея *цѣли* и *границахъ*—до сихъ поръ не рѣшенъ.

Въ частности не существуетъ опредѣленнаго взгляда и на *програмную* музыку. Одни ее совсѣмъ отрицаютъ, другіе же предсказываютъ, что въ недалекомъ будущемъ возникнетъ музыкальный „воляпюкъ“, на которомъ можно будетъ обмѣниваться вполнѣ опредѣленными мыслями.

Но пока ведутся безконечные теоретическіе споры, жизнь, какъ всегда, идетъ своею чередой и достаточно взглянуть на программы нашихъ симфоническихъ концертовъ, чтобы, подобно Галилею, топнуть ногой и воскликнуть „а все таки онъ существуетъ!“

Безжалостный Ганеликъ не признаетъ за музыкой способности изображать *даже чувство*. Въ доказательство имъ приводится знаменитая арія Орфея—Глюка. Ганеликъ говоритъ, что подъ эту мелодію, которой въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній приписывалъ выраженіе глубочайшаго горя, вмѣсто словъ: „J'ai perdu mon Eurydice, rien n'égale mon malheur“, съ равнымъ, если не съ большимъ успѣхомъ можно подписать слова какъ разъ противоположнаго смысла: „J'ai trouvé mon Eurydice, rien n'égale mon bonheur“.

Винтерфельдъ, въ видѣ особой пикантности, сообщаетъ, что многіе изъ знаменитѣйшихъ номеровъ „Мессіи“ Генделя, въ которыхъ, по мнѣнію прочно установленному, съ такою силою выражено религіозное чувство, взяты Генделемъ изъ эротическихъ дуэтовъ написанныхъ имъ для принцессы Каролины Ганноверской на довольно легкомысленныя слова.

Эммануилъ Гейбель свое воззрѣніе на сущность музыки выразилъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

«Музыку что не даетъ намъ выразить какъ нибудь словомъ?
То что стихія она; чужды ей образъ и мысль,
Даже и чувство мерцаетъ лишь въ ней, какъ русло потока
Сквозь перемѣнчивый строй звучно бѣгущихъ валовъ».

Тѣмъ не менѣе, не говоря ужъ о Бетховенѣ нѣкоторыя увертюры котораго („Эгмонтъ“, „Коріоланъ“) носятъ явно програмный характеръ, у позднѣйшихъ композиторовъ, какъ Берліозъ, Листъ, Римскій-Корсаковъ, Чайковскій мы встрѣчаемся съ произведеніями, иллюстрирующими болѣе подробныя программы. А Рихардъ Штраусъ и Скрябинъ идутъ еще дальше, претендуя на передачу въ звукахъ ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлыхъ *философскихъ системъ*!

Итакъ, теорія—одно, а практика—другое. И неудивительно!

Если въ эстетической „физикѣ“ архитектуру и скульптуру назвать тѣломъ твердымъ, а поэзію приравнять къ „текучимъ“, жидкимъ, то музыку можно отнести—къ газообразнымъ. „Анализъ“ этой деликатной, эфирной стихіи труденъ потому, что самый острый *разсудочный* скальпель зачастую является непримѣнимымъ для нея.

Ибо музыка—одинъ изъ тѣхъ „сладкихъ недуговъ“, которые „исчезаютъ при словѣ холодномъ разсудка“.

Тотъ „призракъ“, про который такъ хорошо сказано у Лермонтова:

«Ты къ нему—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обмануть—онъ вновь предъ тобой!..»

Нельзя, напр., отрицать, что всякій интервалъ, всякій тембръ, всякій аккордъ, всякій ритмъ—имѣютъ свой опредѣленный характеръ. Извѣстно также, что композитору далеко не все равно, въ какой тональности написать вещь, какъ поэту не безразлично, какой размѣръ стиха взять для стихотворенія.

Но попробуйте строго *научно* объяснить, почему божественный Шопеновскій ор. 27 № 2 ноктюрнъ, написанный въ ре-бемоль мажорѣ, при переложеніи въ ре-мажоръ, что то теряетъ!

Даже самые сухіе теоретики соглашаются, что окончательный приговоръ о цѣнности прекраснаго всегда будетъ основываться на показаніи „непосредственнаго чувства“.

Да, да! Но вѣдь всякій чувствуетъ и воспринимаетъ внѣшнія явленія *по своему*.

Поговорите о Богѣ со Смердяковымъ и съ Алешей Карамазовымъ... Сравните, какъ смотрятъ на людей Свифтъ и Шиллеръ... Если спиритуалистъ видитъ въ рожденіи и смерти человѣка чудо и тайну, то для позитивиста и то и другое—физіологическіе процессы...

Теоретики, задающіеся цѣлью, подобно Сальери,—„разъять музыку, какъ трупъ“, примыкаютъ къ тому направленію въ искусствѣ, которое пытается все существующее свести къ простому *механизму*, подчиняющемуся *математическимъ* законамъ. Яркимъ выразителемъ этого направленія является Тэнъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, афоризмъ: „добродѣтель и порокъ—такіе же продукты, какъ сахаръ и купоросъ“.

Но, увы, какъ обманчивы и несовершенны наши чувства: горячій приверженецъ Тэновскаго механическаго воззрѣнія—Золя, искренно считавшій себя „натуралистомъ“, въ сущности—чистѣйшей воды символистъ!..

Музыка для нѣкоторыхъ (ихъ, правда, мало!) не отличается отъ шума. Ганеликъ, видя въ ней „звуковой калейдоскопъ“, договаривается до абсурда, будто бы „больше всѣхъ *чувствуетъ* при слушаніи музыки профанъ и меньше всѣхъ образованный художникъ!?.“ Шлегелю музыка представляется „текучей архитектурой“ (какая честь!). Антонъ Рубинштейнъ стоитъ за угадываніе и вкладываніе въ музыкальное сочиненіе программы. Мопассанъ пишетъ: „первые звуки музыки отдѣляютъ мою кожу отъ моего тѣла, и я, заживо ободранный, остаюсь подъ ударами инструментовъ... Именно на моихъ нервахъ играетъ оркестръ, на моихъ обнаженныхъ и трепещущихъ нервахъ, вздрагивающихъ отъ каждой нотки. И я ее слушаю, эту музыку, не только моими ушами, но чувствительностью всего моего тѣла, вибрирующаго съ головы до ногъ. Ничто не доставляетъ мнѣ такого счастья...“

Все, слѣдовательно, зависитъ отъ большей или меньшей наличности темперамента, впечатлительности и фантазіи.

Итакъ, если музыка не изображаетъ чувствъ, то при помощи нея можно *выражать* чувства и *возбуждать* ихъ.

Полководцы отлично знаютъ дѣйствіе бодрыхъ звуковъ марша на психику усталыхъ солдатъ—предъ аттакой. Сколько смиренія и покорности судьбѣ звучитъ въ мелодіи прелестнаго Григовскаго романса „Мать“ (слова: „...весь вѣкъ жила среди труда, хоть цѣлый день гнететъ нужда, и въ мысляхъ нѣтъ роптать...“). Какъ геніально выражено въ H-moll'ной прелюдіи Шопена чувство безнадежной тоски и ощущеніе полнаго одиночества подъ монотонно и мѣрно падающія капли дождя! Говорить о нравственности и приличіи въ музыкѣ (инструментальной!), казалось бы, смѣшно! А между тѣмъ иные „матчиши“ производятъ на насъ впечатлѣніе безстыдныхъ тѣлодвиженій и жестовъ, хотя мы слушаемъ только музыку ихъ, не видя самаго танца.

Но, кромѣ выраженія и возбужденія чувствъ, музыка можетъ изображать *предметы* и *явленія* внѣшняго міра.

Хотя отцомъ современной програмной музыки считается Берліозъ, выводящій въ своемъ классическомъ сочиненіи „Traité d'Instrumentation“ отдѣльные оркестровые инструменты въ видѣ почти живыхъ существъ, но попытки подражанія *звукамъ* природы: пѣнію птицъ, свисту вѣтра, ударамъ грома—встрѣчаются еще у старинныхъ мастеровъ. Извѣстно, что музыка очень ярко воспроизводитъ также *видимыя* явленія: мельканіе снѣжинокъ, восходъ солнца, сверкнувшую молнію и т. п. или явленія *фантастическія* („Полетъ валькирій“ Вагнера, „Танецъ эльфовъ“ и „Шествіе гномовъ въ чертогахъ горнаго царя“ Грига въ его сюитѣ „Peer Gynt“). Въ произведеніи на аудиторію того или иного эффекта, того или иного впечатлѣнія играютъ большую роль оркестровыя краски—*тембры* инструментовъ. При помощи трубъ и литавръ можно вызвать у слушателя картину сраженія, наивный звукъ гобоя перенесетъ его въ мирную сельскую обстановку, и валторна напомнитъ объ охотѣ.

Съ развитіемъ въ музыкѣ средствъ выраженія становится возможнымъ, въ зависимости отъ большей или меньшей талантливости композитора, обозначать отдѣльное *лицо*, *положеніе*, *мысль* „лейтъ-мотивами“, которые являются символами опредѣленныхъ *идей*.

Такимъ путемъ, изъ чисто музыкальныхъ элементовъ вырабатываются формулы для изображенія различныхъ понятій, вырабатывается *музыкальный языкъ*.

Не напоминаетъ ли это эволюцію *гіероглифовъ* у Египтянъ? Сперва рисуютъ просто пальму, сокола, кругъ солнца, человѣка, лошадь. Затѣмъ постепенно доходятъ до болѣе или менѣе остроумныхъ обозначеній понятій отвлеченныхъ. Двѣ поднятыя кверху руки, напр., знаменуютъ молитву, неизмѣрное на видъ перо страуса служитъ символомъ истины.

Если музыкальный языкъ приходится *расшифровывать*, то изъ этого не слѣдуетъ, что языкъ этотъ не существуетъ.

Какъ не слѣдуетъ, что нѣтъ физіономики, если мы, опредѣляя человѣка по лицу, ошибаемся.

Обыкновенно подчеркиваютъ *условность* музыкальныхъ выразительныхъ средствъ. Ну, а объясняясь на нашемъ развитомъ, богатомъ, *словесномъ* языкѣ, развѣ мы понимаемъ другъ друга? Всѣ ли подъ „любовью“, „счастьемъ“ и т. п. разумѣютъ одно и то же? И не правъ развѣ Мопассанъ въ своей геніальной новеллѣ „Solitude“, говоря: „всѣ мы одиноки и, несмотря на всѣ усилія наши слиться, только стукаемся другъ о друга, потому что никто не понимаетъ другого“...

Но спустимся въ область *возможнаго*. Попробуемъ рѣшить вопросъ о програмной музыкѣ скорѣе *практически*, чѣмъ теоретически.

Не будемъ намѣчать для музыки *границъ*. Если новѣйшіе композиторы на каждомъ шагу нарушаютъ незыблемыя (какъ казалось долгое время!) правила гармоніи и разбиваютъ въ дребезги окристализовавшіяся формы, то ихъ все равно не ограничить!

Всякое музыкальное произведеніе вообще и произведеніе „програмное“ въ частности находится между *творцомъ* и *слушателемъ*, котораго достигаетъ при помощи *средствъ*.

Въ зависимости отъ указанныхъ трехъ *факторовъ* выставляется художественная цѣнность и красота его.

Но факторы эти не одинаковы по своему значенію.

Средства, конечно, важны. Сравните, напр., оркестръ эпохи Моцарта съ современнымъ, и вы поймете, почему старые мастера вынуждены были дѣйствовать на аудиторію больше архитектоникою. чѣмъ „красками“.

Имѣетъ значеніе и то, въ какой степени музыкально воспріимчивъ слушатель, насколько ярко его воображеніе, а также подготовленъ онъ къ слушанію даннаго произведенія или нѣтъ.

Но центръ тяжести—въ *творцѣ*. Все дѣло—не въ томъ, *что* берется изобразить композиторъ, а въ томъ *какъ* онъ осуществляетъ свою задачу, насколько *талантливо* иллюстрируетъ его музыка текстъ. И „побѣдителя не судятъ“!

Если, слушая „Ночь на горѣ Триглавѣ“ Римскаго-Корсакова въ вашемъ воображеніи дѣйствительно рисуется фантастически-сказочная ночь, купальское коло тѣней усопшихъ душъ; скользящая по скаламъ и обрывамъ въ серебристыхъ лучахъ мѣсяца воздушная тѣнь княжны Млады; появленіе Чернобога въ видѣ козла и пляски и игры оборотней, кикиморъ, вѣдьмъ и пр. духовъ тьмы; роскошный залъ Клеопатры съ танцами ея рабынь и обольщеніе ею Яромира; наконецъ заря, пробужденіе природы и сіяющій день,—то для *васъ* ясно, что музыка можетъ изображать подобные сюжеты.

И наоборотъ. Въ „Поэмѣ Экстаза“ Скрябина васъ не должно удивлять само по себѣ *намѣреніе* автора выразить понятіе „воли“, „самоутвержденія“, „протеста“ и т. п. Дайте себѣ трудъ прослушать его поэму. И вотъ, если провозглашаемая трубой тема *воли* больше напоминаетъ Вамъ *крикъ пѣтуха*, а тему *мечты о творчествѣ* (Lento) Вы предпочли бы назвать скорѣе темой *мечты о любви*,—то *Вы* имѣете право сказать, что иллюстрація этихъ понятій не удалась *Скрябину*. Это, однако, вовсе не значитъ, что другой *болѣе одаренный* композиторъ не сдѣлаетъ этого лучше!

Что музыка можетъ рисовать явленія: лежащія *внѣ ея предѣловъ*—это несомнѣнно. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ компетентный изслѣдователь. „Какъ физіологически существуетъ до извѣстныхъ границъ замѣщеніе одного органа чувства могутъ замѣщаться впечатлѣніями дру-

го. Между движеніемъ въ пространствѣ и движеніемъ во времени, между цвѣтомъ, формой, величиной предмета и высотою, звучностью, силою тона существуетъ несомнѣнная аналогія. Поэтому, если съ помощью музыкальныхъ средствъ вызвать впечатлѣнія слуха, *динамически* сходныя съ видимыми предметами и явленіями внѣшняго міра, то въ высотѣ, силѣ, скорости и ритмѣ тоновъ *слуху* явится *образъ*, аналогичный воспринятому нами зрѣніемъ".

Мы видѣли, такимъ образомъ, что музыка можетъ выражать чувства, настроенія, подражать звукамъ, существующимъ въ природѣ, изображать предметы и явленія. Остаются понятія *отвлеченныя, идеи*...

Родовое понятіе „дерево" возникло изъ обобщенія видовыхъ: береза, дубъ, ель, сосна и т. п. Наоборотъ, наглядный образъ—часто ничто иное, какъ знакъ болѣе общаго представленія, намекъ на него. Между природой и идеаломъ существуетъ неразрывная связь, между чувственнымъ и духовнымъ—аоалогія. Вотъ отчего искусство есть одухотвореніе чувственнаго и, такъ сказать, „очувственеціе„ духовнаго. Символъ хватается за отголосокъ идеи въ природѣ и этимъ отголоскомъ хочетъ выразить идеальное содержаніе. Онъ, стало быть, не произвольный вымыселъ, а счастливая находка, открытіе, *откровеніе*.

„Природа дивный храмъ: его столпы живые
Порою издаютъ неясной рѣчи стонъ,
Сквозь чащу *символовъ* идутъ толпы людскія
И символы на нихъ глядятъ со всѣхъ сторонъ"...

говоритъ Бодлэръ.

И люди вдохновенные—„герои", по выраженію Парлейля, обладаютъ особой способностью символизаціи, особымъ посланнымъ свыше даромъ „вскрывать лежащій на виду у всѣхъ секретъ", какъ выразился Гете...

Музыкантъ творитъ подобно всякому другому художнику. Програмный композиторъ выражаетъ въ звукахъ идею такъ же, какъ живописецъ—въ краскахъ, а скульпторъ въ формахъ. Симфоническая поэма—конечно поэма, но не словесная, а музыкальная и прежде всего музыкальная. Рихардъ Штраусъ въ своей симфонической поэмѣ „Also sprach Zaratustra" вовсе *не перекладываетъ* на музыку книгу Ницше о Заратустрѣ главу за главою. Это произведеніе нужно разсматривать какъ *отраженіе* философіи Ницше въ душѣ композитора, какъ звуковую *параллель, аналогію, символизацію* идей философа, выраженныхъ въ словахъ.

Насколько удачно осуществлены авторомъ его намѣренія—вопросъ другой. Можно соглашаться или не соглашаться, напр., съ тѣмъ, что Штраусъ въ качествѣ символа „Природы", символа первоосновы всѣхъ вещей, беретъ тему C—G—C въ тональности C—dur, отъ которой ведутъ начало всѣ другія тональности и въ которую онѣ снова возвращаются, но нельзя отказать композитору въ находчивости и остроуміи, обнаруживаемыхъ при исканіи новыхъ путей.

Выше сказано, что съ развитіемъ музыкальныхъ *средствъ*, съ развитіемъ музыкальности *слушателей*, у композитора увеличиваются шансы быть понятымъ. Въ Листовской „Пляскѣ смерти" иллюстрація звякающихъ о надгробныя плиты костей скелетовъ даетъ ксилофонъ. Многіе ли въ Россіи 25 лѣтъ тому назадъ, не говоримъ „восхищались", а просто „выносили" оперы Вагнера? Но предѣлы техники раздвигаются относительно медленно, а аудиторія не можетъ состоять сплошь изъ спеціалистовъ. *Въ общемъ*, публикѣ мало дѣла до художественной цѣнности произведенія. Она цѣнитъ послѣднее по силѣ дышащей въ немъ *страсти*, связующей талантъ съ толпой.

А потому, повторяемъ, въ музыкѣ вообще и въ програмной музыкѣ въ частности главное—*въ дарованіи* композитора. И талантъ Рихарда Штрауса. вооруженный самыми усовершенствованными орудіями, въ присутствіи культурнѣйшей аудиторіи, все же меркнетъ предъ геніемъ Бетховена въ скромной одеждѣ...

Наука тверже и постояннѣе въ своихъ основаніяхъ, чѣмъ искусство. Математика—самая точная изъ нихъ. До послѣдняго времени считались абсолютно неразрѣшимыми задачи „о квадратурѣ круга", „о дѣленіи угла на три равныя части", „о трехъ тѣлахъ". Академіи наукъ всего міра постановили не принимать впредь къ разсмотрѣнію рѣшенія этихъ задачъ. Но вотъ въ истекшемъ году скромный финляндскій ученый опубликовалъ въ маленькомъ журналѣ найденное имъ рѣшеніе задачи „о трехъ тѣлахъ"... Теперь оно признано синклитомъ всѣхъ ученыхъ... Какое торжество генія надъ человѣческой косностью!

„Пророки" идутъ всегда далеко впереди своего времени, повинуясь единственно могущественному голосу своего „демона" и отъ нихъ всегда будутъ отставать бредущіе черепашьимъ шагомъ педанты.

Пусть же каждый изберетъ себѣ девизомъ: „Feci quod potui, faciant meliora potentes", ибо каждому *искреннему* человѣку дано найти въ теченіе своей жизни хоть крупицу истины!

К Ларше.

Однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Абиссиніи—страны неизвѣстной во многихъ отношеніяхъ является А. И. Коханскій, недавно пожертвовавшій Императорской Академіи Художествъ свою богатѣйшую коллекцію предметовъ тамошней культуры. Онъ много лѣтъ прожелъ въ Абиссиніи, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ негусомъ, прекрасно знакомъ съ борьбой тамошнихъ политическихъ партій, а въ особенности со всѣми подробностями тамошняго быта. Его труды объ абиссинской культурѣ издаются Академіей. По предложеніи „Весны" компетентный авторъ всесторонне знакомитъ читателей съ поэзіей, музыкой, живописью, танцами и вообще искусствомъ этой невѣдомой страны. Настоящее богатство каждой страны не ея деньги, не ея нѣдра земли, даже не ея знанія а ея искусство. Посмотримъ чѣмъ богата эта бѣдная на взглядъ Абиссинія. Быть можетъ кто-нибудь изъ весеннихъ, прочитавъ статью г. Коханскаго самъ легко можетъ писать „лексо"

Весна. Н. Гончарова.

Искусство Абиссиніи.

И въ наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Такъ дьявольски искажено.

В. Брюсовъ.

The crickets sing. and man's o'er laboud'd sense
Repairs itself bu rest.

«Cmbeline.»

ЖИВОПИСЬ.

Искусство въ Абиссиніи имѣетъ два теченія, церковное и народное; иногда оба русла взаимно обмѣниваются, сближаются и формой и содержаніемъ. Церковное искусство подчиняется традиціямъ и рутинѣ, и его хранительницей является церковная школа. Въ живописи для многихъ святыхъ есть установившаяся форма изображенія. Святой Лалибела изображается верхомъ на львѣ; святого Таклихайманота пишутъ стоящимъ на одной ногѣ; другая нога, отломившаяся отъ многолѣтняго неподвижнаго стоянія лежитъ возлѣ. Церковные напѣвы, танцы, пѣснопѣнія лишь до извѣстной степени не подвергаются измѣненіямъ. Сила таланта и художественнаго подъема ломаетъ установленныя рамки. Импровизація вносится и въ самые мотивы, и въ слова, которыми восхваляютъ святыхъ, абуну и императора.

Конечно, религіозные настроеніе и характеръ искусства сохраняются. Какъ и въ эпоху Московской Руси, религіозные интересы въ Абиссиніи стоятъ на первомъ планѣ, они переплетаются съ политической, общественной, семейной жизнью и даже съ дѣтскими играми. Въ одной игрѣ дѣти молятся: „прошу тебя, Мама Марія, пусть моя нога будетъ первой". Художественное творчество проявляется прежде всего въ религіозныхъ темахъ. Даже нѣкоторые императоры не гнушались заниматься составленіемъ акафистовъ и выпускали ихъ въ свѣтъ, хотя и въ свѣтской пѣснѣ они проявляли иногда свои чувства и настроенія. Профессоромъ Б. А. Жураевымъ изданы вирши царя Наода. Живопись почти исключительно носитъ религіозный характеръ, рѣдко останавливаясь на историческихъ сюжетахъ, обыкновенно батальныхъ или берясь за портреты историческихъ лицъ. Но историческая тема превращается въ религіозно-легендарную, если она относится къ давно прошедшему, какъ напр. исторія Александра Македонскаго или Менелика I, которые причислены въ нѣкоторыхъ житіяхъ къ лику святыхъ. Картинами иллюстрируются священныя книги или заговоры-амулеты; картины вѣшаются въ церкви по сторонамъ царскихъ воротъ иногда даже, батальные портреты, а пониже святыхъ помѣщаютъ изображенія чертей. Пишутъ ихъ на пергаментѣ, на доскахъ въ видѣ складней, на тканяхъ, а въ

послѣднее время и на бумагѣ; ихъ пишутъ и на стѣнахъ fresco.

Рисунокъ абиссинской живописи удивительно вѣрный и простой, но имъ не чуждо и чувство цвѣтовъ, хотя ихъ краски довольно грубы. Абиссинцы умѣютъ приготовлять растительныя краски. Въ абиссинской живописи можно наблюдать три вліянія.

Итальянское вліяніе проникло къ нимъ въ XV стол. вмѣстѣ съ Христофоромъ де Гамма [1]). Португальцы привезли сюда нѣсколько образцовъ своего искусства, о которыхъ упоминаютъ европейскіе путешественники начала XIX стол. Вліяніе западнаго искусства не ослабѣвало, такъ к.къ католическая церковь видитъ въ искусствѣ большую силу для распространенія своего вѣроученія. И сейчасъ въ католической церкви въ Аддисъ-Абаба за алтаремъ виситъ прекрасная аллегорія, изображающая поклоненіе Абиссиніи Богу. Нѣкоторые абиссинцы ѣздили даже во Францію для изученія здѣсь живописи. При взглядѣ на абиссинскихъ Маріамъ, нельзя въ нихъ не найти сходства съ итальянскими Мадоннами. И на абиссинскихъ иконахъ принято изображать высокихъ лицъ, часто заказчиковъ иконъ, среди вѣрующихъ и учениковъ, окружающихъ святого.

Другое вліяніе было византійское. Оно проникло сюда изъ Греціи, Іерусалима, Арменіи, Александріи, такъ какъ сношенія съ ними были всегда довольно оживленныя, особенно по дѣламъ церкви. До сихъ поръ одинъ греческій епископъ носитъ почетный титулъ Аксумскаго. Греческая церковь, поддерживаемая въ Аддисъ-Абаба заботами грековъ, является центромъ общественной жизни для грековъ и посѣщается и абиссинцами. Между прочимъ скажу, что ужасное носовое пѣніе въ униссонъ въ греческой церкви значительно уступаетъ стройному пѣнію абиссинцевъ и мало говоритъ имъ въ пользу православія. Застывшія формы на нѣкоторыхъ изображеніяхъ святыхъ, сіянія и фонъ картинъ, стремленіе передать одно духовное, аскетическое начало и страхъ тѣлеснаго, перешло въ Абиссинію, какъ элементъ византійскаго настроенія.

Третье вліяніе на живопись было негритянскаго культа. При взглядѣ на абиссинскаго чорта, нельзя не найти въ немъ огромнаго сходства съ деревянными идолами Центральной Африки. Та же окраска, такія же мертвыя чурбано-образныя ноги и застывшее неподвижное лицо.

Мнѣ кажется, въ изображеніи животныхъ и отчасти природы проявляетъ абиссинецъ много своего генія. И у прерафаэлитовъ не найдешь столько жизни, движенія, такой фиксаціи опредѣленнаго момента движенія, какъ это видишь въ нарисованной абиссинцемъ лошади. Въ изображеніи змѣя абиссинцу уступитъ даже европеецъ.

Голова въ абиссинской картинѣ всегда непропорціонально велика сравнительно съ туловищемъ. Лица симпатичныя, честныя, герои, изображаются en face; злодѣи рисуются въ профиль. Святые и абиссинцы изображаются желтой краской и никогда темной. Глаза рисуются всегда большими, такъ какъ у абиссинца большіе глаза—знакъ красоты. Напротивъ европейцевъ они рисуютъ съ небольшими глазами. Вообще европеецъ на абиссинской картинѣ изображается менѣе красивымъ; его черты лица грубѣе, не такъ тонко очерчены, вся его фигура неповоротлива, тяжела, сравнительно съ изображеніемъ на той же картинѣ абиссинца. Можетъ быть, это отчасти соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Любимые сюжеты у абиссинца Маріамъ, Георгисъ, Селяце (Троица), Микаэль, Або Таклихайманотъ, Соломонъ, Менеликъ I, Искандеръ [2]) Македонскій, битва подъ Адуа. Особенно любъ абиссинцу художнику Георгисъ, изображаемый и въ видѣ прекраснаго юноши на конѣ; онъ поражаетъ дракона, на спинѣ у котораго сидитъ иногда бѣсенокъ. Изображенія животныхъ, лошади, змѣи удаются абиссинцу. Мнѣ случалось находить на стѣнѣ конюшни или дома искусно нарисованную углемъ лошадь. Это забавлялись на досугѣ ашкеры [3]). Абиссинецъ беретъ иногда сюжетомъ жанровую картину — напр. женщина выходитъ изъ тукуля [4]) и даетъ нищему хлѣбъ; на небѣ горитъ комета Галлея. Для такой картины онъ выбираетъ красивый пейзажъ. Фонъ абиссинской картины часто золотой или сине-красный, какъ у импрессіонистовъ; онъ дѣлается съ большимъ вкусомъ. Батальныя картины весьма примитивны; перспектива въ нихъ отсутствуетъ. Портретная живопись тоже существуетъ. Портреты пишутся рядомъ по нѣсколько на одномъ холстѣ. Искать сходства въ портретахъ, конечно трудно. Иногда картины пишутъ по разграфленнымъ клѣткамъ, которыя потомъ стираютъ. Двѣ такихъ картины я получилъ отъ одного церковнаго аляка [5]), который сейчасъ занимаетъ постъ хранителя Императорской печати. Это, скорѣе ученая манера письма. Образованный абиссинецъ гордится тѣмъ, что онъ умѣетъ рисовать. Онъ посылаетъ своему другу на маскаль [6]) куташъ, т. е. нарисованный на листѣ бумаги крестъ съ цвѣтами и посвященіемъ. Рисунокъ дѣлается рукой дарящаго.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО.

Любовь къ декоративному искусству у абиссинца видна во всемъ. На картинѣ онъ тщательно вырисовываетъ на платьѣ узоры, онъ пишетъ на уголкахъ картины цвѣты. Особое искусство онъ проявляетъ въ приготовленіи именной печати, „матаба". За отсутствіемъ подписи „матабъ" необходимъ на каждой оффиціальной бумагѣ и въ письмѣ. Рѣзьбой украшенъ самый простой желѣзный крестъ. Царскія врата, колонки храма, крыши росписаны и покрыты тонкой рѣзьбой. На таботѣ вырѣзаны по угламъ аллегорическія фигуры льва, орла, быка и человѣка [7]). Кадильницы, тіары священниковъ и діаконовъ разукрашены рѣзьбой.

Узорами покрываются мѣры сыпучихъ тѣлъ, сандалій, уздечки, сбруя, тыквенная посуда, крыши домовъ, роговые стаканы, глиняная посуда, браслеты, кинжалы и сабли, спальныя подставки изголовья. Орнаментъ отличается классической простотой. Повидимому, стремленіе къ красотѣ въ Абиссиніи стало уже давно потребностью и теперь является просто безсознательной привычкой или модой. Чрезвычайно красивыя вышивки встрѣчаются на парадныхъ шамахъ [8]) у знати, на женскихъ рубашкахъ и на патронташахъ—зенарахъ. Парадныя накидки или лемпды императора, расовъ и деджазмачей [9]) золотой вышивкой по бархату напоминаютъ наши ризы. Татуировка на шеѣ и рукахъ состоитъ изъ простыхъ геометрическихъ линій прямыхъ, кривыхъ и угловъ.

Абиссинскій вкусъ отличается благородствомъ и простотой и это рѣзко выдѣляетъ абиссинца среди мусульманъ Харрара [10]), и негровъ. Онъ любитъ цвѣта черный и бѣлый. Красный, зеленый, фіолетовый онъ признаетъ какъ большія пятна, напр. попоны лошадей, зонтики. Рѣзкаго сочетанія красокъ абиссинцы избѣгаютъ. Даже въ составленіи букетовъ обнаруживается нелюбовь пестроты. Въ арміи допускаются золото, серебро; шкуры, иногда окрашенныя въ зеленый или красный цвѣтъ; но и здѣсь нѣтъ той пестроты, какая встрѣчается въ европейской арміи. Если европеецъ подавляетъ въ себѣ стремленіе къ яркимъ краскамъ, которое пробивается наружу и въ дамскихъ нарядахъ, и въ военной формѣ, и въ дѣтскихъ костюмахъ, и въ національномъ платьѣ простого народа, и въ цвѣтѣ галстуховъ, охотничьихъ костюмовъ и т. д., и т. д., то у абиссинца предпочтеніе во всемъ бѣлаго цвѣта вполнѣ искреннее. Красота линій, складокъ чувствуется ими прежде всего, и та же самая шаматого носится каждымъ абиссинцемъ различно, обнаруживая его художественное пониманіе красивыхъ линій и умѣніе ихъ выразить,— конечно безсознательно.

АРХИТЕКТУРА.

Памятниковъ зодчества въ Абиссиніи мало, и еще меньше достойныхъ вниманія. Абиссинцы живутъ въ палаткахъ и во временныхъ домахъ, и ими мало интересуются. Памятниками старины являются португальскія церкви. Одна такая церковь высѣчена въ скалѣ подъ землей близъ Аддисъ-Абаба на горѣ Гекка выше Англійской миссіи; прекрасно сохранились въ ней своды арками, глубокія ниши, линіи квадратныхъ колоннъ. Въ Гондарѣ, древней столицѣ Абиссиніи есть португальскіе церковь, бани, и огромный замокъ негусовъ [11]), приходящій постепенно въ разрушеніе. Къ слѣдамъ португальцевъ относится также каменный мостъ черезъ Голубой Нилъ по дорогѣ изъ Бегемыдыра въ Годжамъ. Наконецъ португальская церковь есть и въ Аксумѣ. Аксумъ, столица древняго царства аксумитовъ, имѣетъ обелиски, изъ которыхъ одинъ вполнѣ сохранился. Его относятъ къ IV вѣку, къ царствованію Аизана. Высота его 80 футовъ. Онъ стоитъ на пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ монолита. Три поверхности обелиска отполированы, 4-я покрыта любопытными рисунками. Обелискъ горизонтальными линіями дѣлится на 8 частей, какъ бы 8 этажей башни. Другой аксумскій памятникъ имѣетъ надпись на греческомъ языкѣ, говорящую о побѣдѣ Аизана въ 330 г. по Р. Хр. На одномъ памятникѣ но надпись сдѣлана на гисмаритскомъ языкѣ.

СКУЛЬПТУРА.

Чрезвычайно интересны памятники, встрѣчающіеся въ бассейнѣ Ауаша въ разныхъ мѣстахъ и извѣстные подъ именемъ камней Грани. Легенда говоритъ, что Магометъ II Грани бросалъ эти камни одной рукой и къ нимъ привязывалъ свою лошадь. „Грани денгай" носятъ на себѣ любопытный рисунокъ. На плитѣ камня изображено солнце, окруженное сіяніемъ; подъ нимъ мечи, у которыхъ острія, вѣерообразно расходясь, обращены вверхъ къ солнцу, а ручки собраны вмѣстѣ. Подъ мечами нѣсколько буквъ, одна изъ которыхъ сильно напоминаетъ греческую сигму. Вблизи этихъ камней видны могилы. Стѣны могилы были обложены 4 каменными плитами, ребра которыхъ выходятъ на поверхность, образуя надъ землей продолговатый прямоугольникъ. Нѣкоторыя могилы провалились.

МУЗЫКА.

Если пластическія искусства въ Абиссиніи не могли развиться изъ-за несовершенства техники и бѣдности быта война, пастуха и пахаря, то, напротивъ музыка и пѣніе, поэзія, болѣе отвѣчавшія жизни и настроенію народа, были широко распространены. Имъ отдавался весь досугъ, отъ нихъ выливались чувства и страсти, находили удовлетвореніе высшія духовныя потребности.

Музыка вмѣстѣ съ пѣніемъ и пляской сопровождаетъ всѣ событія и крупные моменты жизни абиссинца. Молодежь въ свободные часы развлекаетъ другъ друга музыкой. Съ музыкой абиссинецъ идетъ въ бой. Пѣснями и музыкой сопровождаются дѣтскія игры, которыя представляютъ изъ себя нерѣдко цѣлое драматическое дѣйствіе. Музыку слышишь и въ церкви, и на поминкахъ, и въ медицинѣ у знахарей. Ни одинъ обѣдъ, ни одна вечеринка не обходятся безъ музыки.

Основателемъ церковной абиссинской музыки считается нѣкій Яредъ (VI вѣкъ), жившій въ городѣ Земіенъ во время Негуса Комба. По преданію съ неба ему упала книга „Дуга", въ которой были собраны всѣ церковные напѣвы. Самъ Яредъ былъ поднятъ на небо, гдѣ изучилъ музыкальные знаки. Нотная система у абиссинцевъ по Villoteau имѣетъ 53 знака, заимствованныхъ изъ алфавита. Первое вліяніе на церковную музыку было, вѣроятно, греческое, но оно и не оставило глубокаго слѣда, и музыка приближается болѣе всего къ арабской и, можетъ быть, египетской. Хоръ въ большихъ церквахъ дѣлится на правый и лѣвый; такое пѣніе называется „гракань", антифонное. Напѣвы дѣлятся въ „дугѣ" по характеру на праздничные

---

[1]) Христофоръ де Гамме, сынъ знаменитаго мореплавателя Васко де Гамма спасъ Эфіопію отъ нашествія мусульманъ, предводимыхъ Мухамедомъ II.

[2]) Александръ Македонскій.

[3]) Ашкеры—слуги, носящіе оружіе (ружье и саблю).

[4]) Тукуль или бетъ, домъ.

[5]) Аляка, начальникъ церкви, ея личнаго состава и хозяйства.

[6]) Маскаль—крестъ. Праздникъ Маскаль или Воздвиженіе, бываетъ 1-го сентября и совпадаетъ у абиссинцевъ съ Новымъ годомъ.

[7]) Таботъ—доска съ именемъ святого, которому посвященъ храмъ, она соотвѣтствуетъ нашему антиминсу.

[8]) Шама, родъ римское тоги, бѣлаго цвѣта.

[9]) Расы и дежазмачи, высшіе чины и феодалы. Титулъ не всегда передаваемый по наслѣдству и жалуемый иногда за заслуги подобно титулу пера въ Англіи.

[10]) Харраръ, крупный абиссинскій городъ, столица богатой Харрарской провинціи.

[11]) Негусъ, царь.

„ызель“ и постные „гызъ“. Праздничное пѣніе сопровождается аккомпаниментомъ барабана. „кне-кабаро“. Кромѣ этаго барабана въ церкви употребляются особенно во время религіозныхъ танцевъ систры, „дзанадзель“, имѣющіе форму мѣднаго камертона. Мѣдныя кружки, надѣтыя на проволоку, соединяющую вилки, звенятъ, ударяясь другъ о друга и о ножки инструмента Въ церкви играютъ иногда на длинной трубѣ „малякатъ“ и на литаврахъ „нагаритъ“ чтобы увѣдомлять вѣрующихъ, стоящихъ вокругъ церкви, о ходѣ богослуженія. Многіе абиссинцы не считаютъ себя достойными присутствовать на богослуженіи въ церкви.

Кромѣ „кнекабаро“, церковнаго барабана, въ который бьютъ пальцами существуетъ еще кан дакабаро или военный барабанъ и гатамо кабаро, тимпанъ или тамбуръ для танцевъ. Когда подъ руками тотъ ударнаго музыкальнаго инструмента, абиссинецъ отбиваетъ тактъ, хлопая слегка ладонью о ладонь.

Духовые инструменты составляютъ главнымъ образомъ военную и парадную музыку. Флейта-эмбильта и труба-малякатъ предшествуетъ Императору и военачальникамъ. Въ старину впере и Императора шло 44 музыканта, игравшихъ на нагаритахъ. На Малякатъ это длинная труба до 5 футовъ. На ней играютъ передъ атакой.

Флейта эмбильта имѣетъ 7,5 или 3 дырочки, флейта загуфъ имѣетъ 6,3 или 2 дырочки. На флейтѣ играютъ иногда актеры [12]) и пастухи. Пастушьи рожки называются кандъ и гента. Существуютъ крашеныя рога изъ слоновой кости, соотвѣтствующія нашимъ охотничьимъ рогамъ. Въ Уоллямо я видѣлъ цѣлые хоры духовыхъ инструментовъ въ 6—7 человѣкъ. Играли они на длинныхъ трубахъ въ 2—3 метра длины. Тонъ ихъ очень низкій, иногда какъ жужжаніе шмеля. Эти трубы похожи нѣсколько на трубы органа. Ихъ музыка красива; мнѣ, по крайней мѣрѣ, понравилась, что и требовалось, такъ какъ оркестръ подошелъ къ моей палаткѣ съ намѣреніемъ исцѣлить меня своей музыкой: я лежалъ въ лихорадкѣ. Уолламцы соединяютъ нерѣдко музыку съ непристойными танцами, которыхъ не представить самому разнузданному воображенію.

Наибольшимъ распространеніемъ въ Эѳіопіи пользуются струнные инструменты.

Ихъ три типа, 10-ти струнная арфа или багана, состоитъ изъ ящика, обтянутаго кожей; 5—6 струнная гитара иногда 3-хъ струнная—краръ, похожая по типу на багана, и однострунная скрипка массынко. Въ массынко кожа натягивается на деревянную раму, какъ на барабанъ. Смычокъ похожъ на лукъ съ натянутымъ волосомъ изъ гривы лошади. На крарѣ и на багана, а иногда и на массынко струны перебираютъ при помощи плектона, то-есть пластинки или палочки. По-абисински плектронъ называется „діениза“.

На багана по преданію игралъ царь Давидъ.

Когда спросили одного абиссинца, почему негусъ такъ любитъ багана? „Какъ почему“ отвѣтилъ тотъ, „вѣдь они одного происхожденія. И негусъ и багана отъ царя Соломона“.

На багана играютъ особые пѣвцы; они аккомпанируютъ себѣ, исполняя печальныя историческія пѣсни, Среди этихъ рапсодовъ попадаются высокіе художники. Они берутъ иногда аккордъ среди разговора, аккордъ, который странно хватаетъ за сердце. На дипломатическихъ пріемахъ такіе аккорды, случайные, какъ-бы сорвавшіеся съ эоловой арфы создаютъ опредѣленное настроеніе. И кто знаетъ не преднамѣренно ли создается это настроеніе черными политиками.

12) Ашкеры, слуги.

ТАНЦЫ.

На крарѣ играютъ молодые люди. Вокругъ крара собираются молодыя дѣвушки, чтобы послушать или разучить новую пѣсню. Иногда сходятся на огонекъ потанцовать. Ставъ въ кружокъ, они притоптываютъ ногами и хлопаютъ въ ладоши. Пѣніе заунывной пѣсни хоромъ даетъ имъ ритмъ. Тѣло покачивается впередъ и назадъ, ноги приплясываютъ. Заунывная мелодія крѣпнетъ, становится смѣлѣе, а вмѣстѣ съ ней движенія освобождаются отъ застѣнчивости и стѣсненія. Хозяйка въ добрую минуту угоститъ молодыхъ гостей, предложивъ по графинчику квасу. Вообще абиссинецъ очень умѣренъ, и пьянаго въ Абиссиніи встрѣтить трудно. Въ гостяхъ нерѣдко гость передаетъ свой брилли [13]), отпивъ изъ него немного, слугѣ. Полагается выпить три брилли, но большой стыдъ уйти изъ гостей пьянымъ,

ПѢНІЕ.

Часто маленькія дѣти, отъ 5 до 10 лѣтъ въ праздникъ Маскаля (Креста) и въ другіе дни обходятъ знакомыхъ съ величальными пѣснями, за что имъ даютъ подарки; величая хозяина, они указываютъ на его характерныя добродѣтели. Въ скромной семьѣ такія дѣти, собравшись вмѣстѣ во время пировъ, величаютъ каждаго гостя. Пѣніе это стройно и красиво. Вообще объ аббиссинскомъ пѣніи съ большой похвалой отзываются Villotean и Быстровъ.

На массынко играютъ акшеры [14]). Не разъ слышишь, какъ акшеръ на конюшнѣ съ утра до вечера съ наслажденіемъ повторяетъ одну и ту-же музыкальную фразу. Гораздо пріятнѣе слушать любителей на флейтѣ — вспоминается наша свирѣль.

Въ Абиссиніи много бродячихъ музыкантовъ-пѣвцовъ.

Лалибелла, дѣти прокаженныхъ, собираютъ милостыню, оплакивая въ пѣсняхъ свою судьбу. Они признаны императоромъ, имѣютъ своего начальника и платятъ ему двѣ соли [15]) въ годъ. Кто отказываетъ въ милостынѣ, того они осыпаютъ бранью и проклятіями безнаказанно. Ночью лалибелла мѣшаютъ музыкой спать, играя подъ окнами—и никто ихъ не смѣетъ остановить.

Менѣе многочисленны *амина*. Они поютъ импровизаціи, и тоже поносятъ тѣхъ, кто имъ

13) Графинчикъ, изъ котораго пьютъ, не прибѣгая къ стакану.

14 Ашкеры, слуги.

15) «Амоли», кирпичъ каменной соли, былъ наиболѣе распространенной денежной единицей, равняясь по цѣнѣ суммѣ отъ 10 до 20 коп. Ту же роль играли патроны. Сейчасъ и соль и патроны вытѣсняются серебрянымъ талеромъ и его частями.

откажетъ въ милостынѣ. Они платятъ двѣ соли въ годъ императору. Часто это молодые, здоровые люди, обладающіе даромъ риѳмы. Ихъ презираютъ, какъ дармоѣдовъ. Есть амина наслѣдственные.

Симпатичный типъ пѣвца-музыканта—это *азмари*,—весельчакъ, пѣвецъ, танцоръ и шутъ въ одно и то-же время. Поетъ онъ обыкновенно высокимъ теноромъ.

Азмари, какъ трабадуръ, странствуетъ со своею массынко, или состоитъ при дворѣ императора или большою геты [16]). Одѣтый въ шелковую рубаху, онъ является желаннымъ гостемъ на пирушкахъ, на большихъ фантазіяхъ, пирахъ, которыми чествуютъ охотника на слоновъ или львовъ. Увлекаясь собственной пѣсней, одобреніемъ гостей и крѣпкимъ медомъ, онъ расходится во всю, пляшетъ, поетъ; иногда изображаетъ охотника, наѣздника на лошади, воина въ битвѣ. Все его тѣло вздрагиваетъ и описываетъ плавныя движенія, Глупыя шутки и мѣткія остроты не остаются безъ одобренія. Вотъ хозяинъ на голову азмари кладетъ графинъ—брилли теджу [18]). Азмари танцуетъ танецъ живота, не проливая одной капли меду; становится на колѣни, нагибается. Вдругъ брилли скользитъ съ головы къ его рукѣ, сразу опрокидывается въ ротъ и опоражнивается однимъ духомъ. Иногда азмари поетъ хвалебныя пѣсни, Случается, самъ гета, увлекшись, импровизируетъ пѣсню, а за нимъ, какъ по сигналу, затягиваетъ компанія причемъ каждый поетъ свое. Я слышалъ на одномъ обѣдѣ дуетъ, исполненный мужчиной и женщиной. Азмари подчасъ пользуется большой любовью, но рѣдко подымается вверхъ по общественной лѣстницѣ. Это занятіе считается недостойнымъ солиднаго человѣка.

ПОЭЗІЯ.

Причитанія надъ покойникомъ и плачъ, пѣсни женщинъ за работой на развѣтѣ, колыбельныя пѣсни, существуютъ въ Абиссиніи, какъ и въ другихъ странахъ. Церковныя пѣсни называются кне; имъ обучаютъ въ особыхъ школахъ кне. Стихи бываютъ въ 3, 4, 5 строкъ и т. д. до 12.

Какъ въ форму изъ воска льютъ золото которое застываетъ, растапливая воскъ такъ и для стиха дѣлаютъ форму изъ словъ имѣющихъ смыслъ—семена. Слова для украшенія хоркъ вставляютъ позже и могутъ быть выброшены главное техничекое правило абиссинской веренфикаціи. Каждый стихъ имѣетъ опредѣленное число слоговъ, соотвѣтствующихъ совпадающихъ съ опредѣленными нотами.

Стихи бываютъ очень туманны, что ставится въ заслугу стихотворцу,—темно какъ пророчество. Лучшіе стихотворцы выходятъ изъ Годжама; они часто разговариваютъ стихами. Пѣсни учениковъ поются въ церкви. Мымыръ, гордый ученикомъ,, иногда набрасываетъ на него собственную одежду. Примѣромъ витіеватости могутъ слушать слѣдующіе стихи:

«Мечъ молитвы изъ ноженъ слова вынулъ»
«Съ плечъ сердца своего онъ бремя мщенья скинулъ»
«Бурей своего воскресенія адское море взолновалъ»

16) Гета, господинъ.

17) Фантазія, пиръ, сопровождающійся пѣніемъ, плясками и играми.

18 Теджъ, абиссинскій напитокъ, приготовляемый изъ меда. Бродиломъ для меда служитъ туземное растеніе гешо, содержащее очень сильный алколоидъ.

Негусы любятъ отдавать свои досуги музыки и сложенію стиховъ

Для примѣра приведу.

Вирши царя Наода въ честь Салясе (Троицы) въ переводѣ П. Тураера.

Михаилъ славный вождь тысящъ
Трубитъ въ трубу летая на крыльяхъ,
Ангелъ лица, птица тверди:
Собраніе вѣка вѣковъ да соберутся безъ замедленія на вѣки!

Роса благословенія его да ороситъ меня
Горницы дома моего да не покинетъ
Исторгнувшая мечъ изъ руки его».

Такъ какъ абиссинскому языку въ высокой степени присущи игры словъ, то свѣтскія пѣсни нерѣдко имѣютъ двойной смыслъ, заключающій и похвалу и укоръ въ одно время. Сарказмъ и трагическій пафосъ лучше удаются абиссинцу чѣмъ лирика. Удовлетворенная страсть не оставляетъ мѣста для нѣжныхъ изліяній любви. Въ приводимыхъ переводахъ выдержаны каждая строфа и слово въ строфѣ; филологической точности нельзя было придать переводу за недостаткомъ „спиральныхъ“ познаній. Но духъ каждой пѣсни по возможности передать чтобы имѣть представленіе о характерѣ абиссинской пѣсни слѣдуетъ прочесть 4 пѣсни абиссинскихъ Н. Гуляева. Хотя онѣ—оригинальныя произведенія нашего поэта, но въ нихъ превосходно переданы неожиданные переходы, сдерживаемая сила и страстность и глубокая горечь, выступающія выпукло на игривой формѣ; средствомъ выраженія нашему поэту какъ и абиссинцу служатъ самые простые слова и образы.

Одна абиссинская пѣсня въ двухъ стихахъ изображаетъ два разныхъ настроенія по поводу смерти Гарада брата и соперника Императора Феодора. Эту пѣсню спѣлъ азмари на обѣдѣ Гыбырѣ который былъ данъ послѣ казни 500 солдатъ погибшаго Гарада, головы казненныхъ были сложены круткомъ „какъ кладутся хвосты зарѣзанныхъ быковъ для лучшаго счета“ поясняетъ съ ироніей абиссинскій хроникеръ.

Азмари пѣлъ:

Гарадъ мертвецъ—его ужъ закопали;
Но онъ твой братъ—предъ нимъ мы трепетали.

Но игра словъ означала также:

Гарадъ мертвецъ, пусть Богъ ему проститъ.
Твой братъ, мы ждали, онъ тебя смѣститъ.

Другая пѣсня почтительно говоритъ о наказаніи Феодоромъ II жителей Анкобера за возмущеніе:

Царь батюшка Феодоръ для другихъ постарался;
Почетъ оказавъ всѣмъ шоанцамъ, домой онъ собрался.

Это-же двустишіе означало;

Царь батюшка Феодоръ для другихъ постарался;
Всѣмъ руки порѣзавъ шоанцамъ. домой онъ собрался.

Въ этотъ день 500 шоанцевъ по указанію Ато Базабехъ лишились правой руки и лѣвой ноги.

Красивая игра словъ заключается въ слѣдующей пѣснѣ жалобѣ:

Есть у негуса много мастеровъ;
Всѣхъ женъ они перекуютъ на вдовъ.

Но ту же пѣсню можно понять и иначе:

Есть у негуса много мастеровъ;
Они скуютъ браслетъ для женъ и вдовъ.

Пѣсня была составлена по поводу ужасной казни въ Годжамѣ, въ Энджабаррѣ, когда Императоръ Феодоръ велѣлъ казнить 8,000 плѣнныхъ. Ночь остановила работу палачей. но утромъ казнь возобновилась въ присутствіи императора. Когда утомленные солдаты не дорѣзали одну жертву инесчастный приподнялся изъ горы труповъ, Феодоръ крикнулъ: ты вотъ какъ „рѣжешь", а затѣмъ, обративъ голову къ небу, сказалъ:

„Творецъ, предай мнѣ всѣхъ моихъ враговъ; пусть я увижу ихъ послѣдній и вѣчный сонъ какъ сейчасъ".

Слѣдующая пѣсня говоритъ съ глубокимъ сарказмомъ о поступкахъ Феодора II; чтобы лучше выразить сатанинскую гордость Феодора, Богъ въ этой пѣснѣ судится съ императоромъ.

Богъ и негусъ на судъ предстали вмѣстѣ;
Архангелъ Михаилъ былъ ихъ судьей.
Налѣво Богъ стоялъ, негусъ направо.
И слышалъ я, негусъ сказалъ: „Постой!
На то, чтобъ все разрушить, дай мнѣ право"!

Она была составлена послѣ того какъ Феодоръ II сжегъ живыми, заперевъ въ домѣ, жителей острова Метцерха на озерѣ Цана.

Часто смѣлый азмари несъ жестокое наказаніе за пѣсни, въ которыхъ выливалось народное горе и проклятіе.

Азмари Тафачъ, служившій у деджача Гуачу изъ Годжама, составилъ такую пѣсню на Касса, будущаго императора, врага Гуачу; Касса сперва служилъ у Гуачу, а позже отъ него перешелъ на службу къ расу Али.

Видали, нашъ повѣса
Изъ Гур-амба, съ пятеркой дураковъ,
Влюбленный пуще бѣса,
Бабеночекъ ведетъ: ужъ нравъ его таковъ.

Пѣсня стала извѣстна Касса.

Вѣроятно, этому-же азмари принадлежитъ пѣсня, въ которой осмѣивается расъ Али за его связь съ женой Гуачу:

Гуачу тотъ-же Урій; за Давида-Али:
По иному Гуачу лишь на смерть послали.

Когда Гуачу былъ убитъ, сражаясь на сторонѣ раса Али, азмари Тафачъ, былъ взятъ въ плѣнъ съ другими и приведенъ предъ грозныя очи Касса:

— „А повтори, что-ты пѣлъ про меня", крикнулъ Касса.

Несчастный азмари, охваченный ужасомъ, разсчитывалъ остроумной шуткой смягчить сердце Касса и пропѣлъ:

Господня кара-то; ахъ, Божья кара,
Что мой языкъ не пощадилъ и друга отъ удара.

Но тонкая шутка не помогла. По знаку Касса бѣднаго азмари схватили и тутъ-же засѣкли на смерть бамбуковыми палками.

Пѣсни жалобы—лексо—(слезы)—бываютъ удивительно красивы. Ихъ поютъ на поминкахъ плакальщицы и родственники. Они очень напоминаютъ наши причитанія. Иногда такія лексо составлялись императорами.

Феодоръ II на смерть своей жены Тауабычъ составилъ слѣдующее лексо:

Прошу васъ. скажите: пока она близко.
Вѣдь была царица женой и служанкой.
Вчера умерла съ ней всѣхъ радостей тайна,
Мой обѣдъ и лѣкарство! Ахъ жизнь, такъ случайна!

Расъ Али, отецъ Императрицы Тауабычъ, составилъ по этому-же поводу слѣдующее лексо:

Дай теджу, я скажу—она меня поила;
Покушать часто,—обѣдъ мнѣ приносила;
Когда я мерзъ,—шаму мнѣ высылала.
Но воръ пришелъ,—она теперь въ могилѣ.
Ахъ, столько горя вдругъ - его скрыть я не въ силѣ.

Здѣсь въ словѣ воръ намекъ на Феодора, который воевалъ съ расомъ Али несмотря на родство; но слово воръ, леба, можетъ означать сердце, лыбъ.

Среди составителей пѣсенъ извѣстны и женщины, особенно знатныя дамы.

Глубокимъ трагическимъ пафосомъ проникнута пѣсня Годжамской женщины:

Сорвали одежды грабители Меча, себѣ ихъ одѣли;
Угнали быковъ ружьеносцы, себѣ ихъ заклали.
Солдаты изъ тыла разграбили хлѣбъ мой и съѣли,
О, царь, ты лишь слово скажи по-амара, чтобъ знали,
Себя потревожь и покой ниспошли въ мою землю.

Другое лексо говоритъ такъ о бѣдствіяхъ Годжама, предостерегая сосѣдей:

Имъ весело грабить родимую землю, глядите;
Глупцы Бегемдыра, придетъ вашъ чередъ, погодите!

И дѣйствительно, чередъ Бегемдыра наступилъ скоро. Провинція была опустошена. Люди погибали отъ голода, а солдатамъ было запрещено оплакивать своихъ родичей.

Жена, одного изъ вождей Меча Уассонъ Биссауръ оплакиваетъ такъ своего мужа.

Государь ты нашъ, сынъ государевъ, Уассанъ-Биссауръ,
Просишь малость воды для питья и за это пятьсотъ таляри.

Поводомъ къ этому лексо послужилъ слѣдующій эпизодъ:

400 жителей Меча были закованы, обвиненные въ попыткѣ къ возмущенію. Они были выведены на ровное мѣсто, раздѣты и окружены колючей изгородью, за которой стояли часовые. Имъ не давали ни пить, ни ѣсть. Днемъ они страдали отъ солнца, ночью мерзли. Уассанъ Биссауръ предложилъ 500 талеровъ за глотокъ воды, но ему не дали напиться. Въ двѣ недѣли они погибли всѣ до одного.

Лексо отличаются силой и выразительностью, такъ какъ въ немногихъ словахъ они выражаютъ глубокій смыслъ. Лексо отдаютъ справедливость каждому. Когда умеръ деджачъ Убіе, главный феодалъ Тигре, и Феодоръ разрѣшилъ его оплакать, лексо оплакиваетъ Убіе, намекая тонко на данное Феодоромъ разрѣшеніе:

Нашъ добрый государь Деджачъ
Въ бѣдѣ всегда творилъ добро.
Коль слезы можемъ лить сейчасъ,
Ему спасибо и за то.

На смерть Феодора лексо интересно тѣмъ, что въ немъ, забывая звѣрства и преступленія Феодора, воздаетъ должное герою-царю:

Власть надъ страной ему судьба вручила,
Но жизнь мятежную своя рука сразила.
Крикъ всю Магдаля потрясаетъ:
Левъ лихой такъ умираетъ.
Чуждъ женскихъ слабостей, онъ былъ герой;
Считалъ стыдомъ пасть отъ руки чужой.

Трудно сдѣлать лучшую эпитафію на могилу этого безумца и героя. Надо замѣтить, что въ Абиссиніи самоубійство считается величайшимъ грѣхомъ и преступленіемъ, но народъ призналъ въ самоубійствѣ Феодора высшій патріотическій подвигъ. Феодоръ палъ подъ Магдаля, не желая попасть въ руки англичанъ (1868).

Эросъ. С. Судейкинъ.

Искусство говорить въ рифму въ Абиссиніи цѣнится и встрѣчается нерѣдко. Въ рифму между собою разговариваютъ школьники кне. Стихами говорятъ нищіе пѣвцы амина. Стихами говорятся рѣчи, прославляющія память покойника. Когда покойника несутъ изъ дома въ церковь, на пути шествіе останавливается „*Алкачъ*", плакальщикъ подходитъ къ покойнику и, указывая на него рукою, говоритъ надгробное слово. Вотъ образчикъ такого слова, взятый изъ книги Долганева; „Сынъ Цаги", знаменитаго полководца, сынъ Ацоры, ловкаго охотника, сынъ Тесфы, убитаго при негусѣ Малакъ-Сагидѣ, великаго деспота Дамботскаго, сынъ Цагаплы, побѣдившаго при негусѣ Василидѣ галласовъ... Этотъ сынъ стольких и столь великихъ людей былъ мудръ дѣломъ и искусенъ въ копьѣ. Ему владыка Уоллога пожаловалъ своего княжескаго мула за храбрость въ битвѣ съ мусульманскимъ народомъ Омайта. Дикіе балійцы подносили ему груду золота за голову плѣненнаго имъ и казненнаго при негусѣ Феодорѣ ихъ султана „Бедда"... Отъ описанія подвиговъ алкачъ переходитъ къ описанію тягости утраты, горя родныхъ и друзей. Рѣчь покрывается рыданіями. Женщины падаютъ на землю, царапая ногтями свое лицо. Затѣмъ поетъ речитативомъ хоръ плакальщицъ. При игрѣ въ „гана", мячъ, выигравшій имѣетъ право поносить и безчестить послѣдними словами противниковъ, но въ рифмѣ,—и тѣ должны молчать на красивую, хотя и ядовитую рифму.

Абиссинцы любятъ настолько рифму, что даже аваджи военные, наши сигналы, они рифмуютъ, какъ напр.: „мета негаритъ; кетатъ сарауитъ". (Бей въ негаритъ. „Пусть каждый спѣшитъ").

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО.

Абиссинецъ обыкновенно остроуменъ и краснорѣчивъ. Это также обязательно, какъ умѣніе

владѣть копьемъ. Въ самой бѣдной семьѣ ашкера по вечерамъ не прерываются бесѣды, вспоминаются событія дня, передаются другъ другу впечатлѣнія, искрятся горячіе діалоги, брызжутъ остроумныя фразы. Даромъ рѣчи абиссинецъ приближается къ арабу.

Въ привѣтствіяхъ, въ разговорахъ много формъ заученныхъ. Часто нѣсколько минутъ проходитъ, пока встрѣтившіеся обмѣниваются привѣтствіями, чтобы затѣмъ перейти къ дѣлу. Но каждая формула привѣтствія говорится иначе и въ другомъ тонѣ, съ новымъ выраженіемъ. Страсть краснорѣчія находитъ у абиссинца удовлетвореніе на судѣ. Однажды я былъ въ гостяхъ въ богатой абиссинской семьѣ въ деревнѣ. Послѣ ужина хозяева сидѣли въ одной горницѣ, а ашкеры скучали въ другой, не рѣшаясь войти туда, гдѣ былъ гость. Но человѣка два пришли и стали подпирать спиной стѣну. Вдругъ гета улыбнулся и сказалъ два слова ашкерамъ. Тѣ радостно одобрили. Собрались всѣ ашкеры, и началась игра въ судъ. Одинъ обвинялъ другого въ покражѣ барана. Истецъ обнажилъ правое плечо, сбросивъ съ него шаму и придерживая ее рукой у пояса. Передъ нимъ очистили пространство. Онъ выпрямился; огонь вспыхнулъ въ глазахъ; правая рука вытянулась впередъ. Обвиняя, онъ призывалъ Небо, Императора въ свидѣтели. Его напряженное туловище выбросилось впередъ на согнутую въ колѣнѣ правую ногу. Правая рука была вытянута, угрожая Поднялся отвѣтчикъ. Его движенія еще рѣзче, рѣшительнѣе; голосъ острѣе. Мимика лица, горящіе расширенные глаза, голосъ, бьющій по нервамъ, вывелъ присутствующихъ изъ обычно спокойнаго, полнаго достоинства состоянія. Публика замирая слѣдитъ за каждымъ, что онъ скажетъ, а еще болѣе за тѣмъ, какъ онъ скажетъ извѣстную всѣмъ напередъ формулу. И что было начато въ шутку при общемъ смѣхѣ, принимается въ концѣ вполнѣ серьезно. Возбужденіе охватываетъ всѣхъ, такъ же, какъ у насъ публику въ театрѣ, которая плачетъ, забывъ, что это не жизнь, а сцена.

ЛИТЕРАТУРА.

Неудивительно, что въ странѣ, гдѣ каждый чувствуетъ красоту и силу языка, къ книгѣ предъявляются еще большія требованія. Книга не печатается а пишется и переписывается. Работа совершается медленно съ благоговѣніемъ. Каждая фраза вынашивается. Книга стоитъ дорого и доступна только аристократіи ума. Улица, толпа не внесла еще своего разлагающаго вліянія, своихъ вкусовъ остраго и пряннаго, жажды эффектовъ и пинкертоновщины. Книгу читаютъ и перечитываютъ, а не пробѣгаютъ глазами какъ газету. Книга пишется не ради денегъ, а по внутреннему побужденію.

Поэтому абиссинская литература отличается простотой силой, сжатостью, ясностью и картинностью, какъ греческіе и римскіе классики. Конечно, она много бѣднѣе идеями и содержаніемъ и не имѣетъ такого міроваго значенія. Книги у абиссинцевъ больше религіознаго и религіозно-философскаго содержанія, но есть книги историческія, хроники, лѣтописи, есть юридическія и медицинскія книги. Даже научныя книги пестрятъ легендами иногда очень оригинальными по сюжету, какъ напримѣръ слѣдующая легенда, полная глубокой идеи и юмора.

Богъ создалъ ангеловъ до сотворенія міра, и оставилъ ихъ первое время во тьмѣ. Такъ какъ Богъ имъ ничего не открылъ о себѣ, то между ними завязался споръ. Ангелы хотѣли знать, кто ихъ сотворилъ; не между собой вѣдь они размножились.

Дьяволъ слушалъ разговоръ. Его тронъ былъ выше другихъ. И вотъ его обуяла гордость. Онъ подумалъ: ангельскій народъ скучаетъ по своемъ Творцѣ. Дай, скажу я, что это я ихъ сотворилъ. И онъ попробовалъ привести свой планъ въ исполненіе, ибо уста отверзаются, когда переполнено сердце. Дьяволъ воскликнулъ:

— Какъ кто? Сотворилъ васъ—я. А потому увѣруйте въ меня и почитайте меня.

Ангелы, тѣла которыхъ свѣтились луннымъ сіяніемъ, видѣли, что мечъ его такой же какъ и ихъ, что и крылья у него такія же,—и сказали:

— Развѣ ты не такой, какъ и мы. Если ты не превосходишь насъ, какъ же ты могъ насъ сотворить?

— Какъ вы можете говорить. что я не выше васъ, сказалъ дьяволъ. Развѣ я не сижу на тронѣ выше вашихъ троновъ. Я васъ сотворилъ, а потому поклонитесь мнѣ.

Но ангелы были люди разумные. Они сказали дьяволу:

— Хорошо, если ты насъ могъ сотворить, почему не сотворили мы? Скажи намъ, какъ ты насъ сдѣлалъ?

— Вы завистливы, отвѣтилъ дьяволъ. И въ васъ говоритъ зависть. Кто васъ могъ сотворить, кромѣ меня? Вѣруйте въ меня и поклоняйтесь мнѣ.

Но ангелы отвѣтили:

— Художника узнаютъ по его картинѣ, а творца по его творенію. Если ты творецъ, создай новое существо. И когда мы увидимъ тебя за дѣломъ, то поклонимся тебѣ.

Но пословица говоритъ: языкъ то сильный, да нога хромая. Дьяволъ и радъ бы показать, какъ онъ ихъ сотворилъ, но самъ ничего не могъ сдѣлать.

Тогда поняли ангелы, что Сатана лгалъ и что онъ возмутился. Ибо всякая ложь и измѣна исходятъ отъ Дьявола.

И вотъ образецъ простой красоты исторической легенды, отъ сюжета которой не отказался бы и самъ Теннисонъ.

„У деджача Убіе былъ любимый монастырь Дарасги. Въ немъ онъ приготовилъ для себя склепъ на случай смерти. Въ этотъ монастырь онъ помѣстилъ свою дочь, вручивъ ее дефтарамъ [19]) и монахамъ. Однажды съ долины прибѣжали заудня (стражи), говоря, что вдали показались вооруженные люди. Они думали, что это мятежникъ Тессу. Быстро припрятали монахи священные сосуды и ткани, а дѣвушку заперли въ склепъ. Велико же ихъ было изумленіе, когда передъ ними явился Феодоръ. Какъ всегда Императоръ опередилъ гонцовъ, разыскивая измѣну. Онъ все пожелалъ видѣть въ монастырѣ. Но ему отказали показать склепъ, давая клятву, что здѣсь Убіе приготовилъ для себя могилу. Императоръ, подозрѣвая неладное, велѣлъ отвалить камень. И что же? Его изумленнымъ взорамъ предстала молодая, прекрасная дѣвушка вся въ слезахъ и въ молитвенной позѣ. Феодоръ забылъ вѣрность къ своей первой женѣ. Онъ освободилъ Убіе и просилъ руки у его дочери, которая не замедлила стать Эфіопской царицей".

[19]) Дафтара ученый, начетчикъ, живущій при церкви.

Слѣдующая легенда имѣетъ медицинскій характеръ. Ея назначеніе убѣдить въ силѣ заговора.

Эта легенда тоже любопытна.

„Апостолы просили Христа показать имъ адъ. Христосъ ихъ отговаривалъ, убѣждая, что отъ одного дыма они помертвѣютъ отъ ужаса. Но они продолжали настаивать. Тогда Христосъ показалъ имъ чуть-чуть дымъ. Послѣ этого апостолы были 40 дней больны. Когда они выздоровѣли, то пожелали узнать средство отъ вѣчнаго огня. Христосъ далъ нижеслѣдующія слова, которыя суть имена Божества на таинственномъ языкѣ, слова, которыя онъ открылъ только Аврааму, Моисею, Маріи и матери Іоанна Крестителя.

Рафу, Рафу, Рафу, Раку, Раку, Раку, Наросъ (три раза), Каросъ (три раза), Фаллосъ (три раза), Тсираэль и т. д.". Въ этой легендѣ чувствуется то же настроеніе, какъ и у имяхлавцевъ.

РЕЛИГІЯ.

Какъ образчикъ исторической прозы, приведу отрывокъ изъ хроники аляка Уальда-Маріамъ.

Когда Менеликъ былъ уведенъ изъ родной страны Шоа, Феодоръ обращался съ нимъ первое время какъ съ сыномъ. Впрочемъ всѣ офицеры и вся армія оказывали почетъ и уваженіе молодому принцу. Менеликъ провелъ все это время въ Макдаля подъ стражей раса Убіе, въ обществѣ съ лидже̂мъ Машаша, сыномъ короля, и съ двумя молодыми людьми, которые его не оставляли. Позже негусъ далъ Менелику свою дочь въ жены.

Но только Менеликъ сталъ зятемъ Императора, какъ онъ ушелъ изъ Макдаля съ матерью и шоанскими людьми. Путешествіе совершалось ночью. Въ дорогу выходили когда наступалъ вечеръ.

Рано утромъ Императоръ сѣлъ на свою лошадь Кутама и отправился въ крѣпость. Въ сильномъ раздраженіи, онъ велѣлъ вывести всѣхъ плѣнниковъ и сказалъ позвать сына принцессы Уолло Уоркитъ. Послѣдній былъ внукомъ Императора, почему люди изъ свиты думали, что лиджъ ожидаетъ милость и поспѣшили его позвать. То же думалъ и юноша, такъ какъ онъ сказалъ Императору: „Джангой, я твой сынъ. Позволь мнѣ завтра съѣздить на праздникъ въ Жанбаръ, и дай мнѣ что нужно на дорогу".

Но сердце Феодора уже отвратилось отъ милосердія. Онъ послалъ юношу первымъ, а за нимъ 24 галласкихъ вождя изъ свиты Фарисъ Кассимъ и Али Уададже. Ихъ раздѣли до нага и потащили къ пропасти, которая открывалась подъ Магдаля. Въ эту пропасть ихъ сбросили. Такъ какъ имъ рѣзали саблями руки и ноги, собираясь бросать со скалы, то одинъ изъ юношей, привязанный къ ярму, умеръ раньше. Кто былъ тамъ сказали Императору:

— Джангой! этотъ человѣкъ мертвъ.

— Столкни его съ ярмомъ, сказалъ негусъ.

Когда тѣло юноши бросили, ярмо зацѣпилось за кустарники и повисло надъ пропастью. Негусъ приказалъ не оставлять такъ тѣло висѣть. И тѣло сбросили каменьями. Оно упало на дно и разбилось.

Возвращаясь съ казни, царь сказалъ:

— Абуна Салама вѣрно боленъ, если онъ меня не отлучаетъ отъ церкви".

Даже въ переводѣ чувствуется сила и красота языка; картина встаетъ какъ живая передъ глазами.

ФИЛОСОФІЯ.

Слѣдующій отрывокъ философскаго характера въ русскомъ переводѣ профессора Б. А. Тураева изъ его книги „Изслѣдованіе Зара-Якоба"; можетъ быть образчикомъ необычайно ясной логики абиссинскаго философа.

„Моисей сказалъ: „всякій плотской союзъ нечистъ". Но разумъ нашъ убѣждаетъ насъ, что тотъ, кто такъ говоритъ—лжецъ и дѣлаетъ лжецомъ своего Творца. Далѣе. Говорятъ, что законъ христіанскій отъ Бога... Но разумъ нашъ говоритъ намъ и убѣждаетъ насъ, что бракъ—установленіе Творца, а монашество уничтожаетъ премудрость Творца, ибо препятствуетъ рожденію дѣтей и уничтожаетъ естество людей... Также и Мухаммедъ говорилъ: „отъ Бога я принялъ то, что заповѣдалъ вамъ". Мы же знаемъ, что ученіе Мухаммеданъ можетъ быть отъ Бога, ибо мужчины и женщины рождаются равными по числу... Если же одинъ мужчина беретъ 10 женъ, то 9 мужчинъ останутся совсѣмъ безъ женъ, а это ниспровергаетъ установленіе Творца и законы Творенія. Это немногое испыталъ я относительно закона брака; если бы я также изслѣдовалъ остальное въ законѣ Торы, христіанскомъ и исламскомъ, то нашелъ бы многое, несогласное съ истиной и правостью Творца нашего, которыя открываетъ намъ разумъ. Ибо Творецъ вложилъ въ сердце человѣка свѣтъ разума, чтобы онъ видѣлъ доброе и злое, и зналъ, что прилично и что нѣтъ, и различалъ правду отъ лжи, и чтобы во свѣтѣ твоемъ, Господи, мы видѣли свѣтъ. И все, что укажетъ намъ свѣтъ разума нашего, происходитъ отъ источника правды, а то, что говорятъ намъ люди—отъ источника лжи, и разумъ нашъ убѣждаетъ насъ, что все—установленное Творцомъ—справедливо".

Дальше авторъ съ такой же отчетливой и ясной послѣдовательностью разбираетъ и другія правила религіозной дисциплины.

При переписываніи книгъ каждый авторъ прибавляетъ отъ себя и дѣлаетъ добавленія, что не считается проступкомъ. Напротивъ вышеупомянутый Зара-Якобъ проситъ въ концѣ своего произведенія развивать его мысли и идеи, производить дальнѣйшія изслѣдованія, руководствуясь, какъ это дѣлалъ онъ, одной лишь критикой разума. Въ силу такихъ добавленій житія святыхъ превращаются въ сказочныя описанія невѣроятныхъ чудесъ, иногда кощунственнаго характера. Ихъ можно сопоставить рыцарскимъ романамъ, описывавшимъ поединки съ чудовищами, звѣрями и демонами. Святые абиссинскихъ житій летаютъ по воздуху, носятся на колесницахъ, подымаются на молніи, ѣздятъ на львахъ, Христосъ ни сходитъ запечатлѣть своей слюной члены святого. Александръ Македонскій, царь

Навуходоносоръ, даже гонитель христіанства Маркъ Аврелій и самъ Пилатъ попадаютъ въ число святыхъ. Насколько цѣнилась литературная форма даже въ житіяхъ святыхъ видно изъ слѣдующихъ словъ житія Билята-Петросъ: „Я видѣлъ, что ты пишешь и оканчиваешь книгу (то есть житія) великую, пріятную по слогу и красивую по письму". (Б. А. Тураевъ). О другихъ достоинствахъ книги кромѣ какъ о красотѣ формы не упоминается. Насколько художественна форма и безгранична фантазія авторовъ житія можетъ иллюстрировать отрывокъ изъ житія Габра-МанфасъКеддуса въ переводѣ профессора Б. А. Тураева:

„Въ день смерти его плакало 60 львовъ и 60 леопардовъ, плакали горы и холмы, плакали птицы небесныя, померкло солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесныя, тряслась земля, трепетали громъ и молнія. Въ этотъ день пришли Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, пришли 4 животныя носящія престолъ, пришли 24 старца небесныхъ, пришло59 чиновъ ангельскихъ и 15 пророковъ, пришли и 12 апостоловъ отъ Стефана первомученика до Петра патріарха, совершителя свидѣтельства. Пришли всѣ святые съ отцомъ ихъ Антоніемъ, которые были до сего дня. Пришли младенцы и пришли всѣ святые отъ Адама и были до смерти его. И усугубили эти львы и леопарды и птицы небесныя плачъ свой, и говорили горы и холмы: „онъ не ѣлъ ни листьевъ, ни плодовъ нашихъ и травы не ѣлъ онъ отъ насъ". И вода плакала и говорила: „онъ не пилъ и не вкушалъ отъ меня". Птицы небесныя говорили: „мы жили, упиваясь сладостью его благовонія". Львы и леопарды говорили: „мы жили питаясь прахомъ ногъ его". И сказалъ отецъ нашъ этимъ птицамъ и звѣрямъ: „чего вы плачете? Если я и умираю, какъ человѣкъ, а все таки не буду погребенъ въ землѣ во гробѣ, но взойду на небеси въ томъ видѣ, какъ я нахожусь? И сказалъ Господь нашъ отцу нашему: „почему ты не будешь погребенъ во гробѣ? Развѣ изъ пророковъ ты выше Іереміи, или изъ апостоловъ Петра или Іоанна, который обиталъ въ пустынѣ, подобно тебѣ, или Георгія, который много пострадалъ?" И отвѣчалъ отецъ нашъ Господу: Развѣ Іеремія не сказалъ: „лучше умереть отъ меча, чѣмъ умереть отъ голода!

Петръ жилъ въ ѣдѣ и питіи и одеждѣ, и когда ему не доставало колосьевъ въ субботу. плоть его не выдерживала и одного дня. При распятіи Твоемъ онъ отрекся отъ тебя трижды; когда его допрашивалъ у вратъ воинъ, онъ не претерпѣлъ, не умеръ съ тобою, отрекся отъ тебя. И Георгій жилъ въ мірѣ, какъ князь въ санѣ называемомъ трибунъ; потомъ подвергли его страданію и ввели въ мѣсто яствъ; онъ попросилъ хлѣба для плоти своей и не вынесъ голода. Іоаннъ жилъ въ пустыняхъ, подобно мнѣ, но онъ ѣлъ медъ дикій и что лучше и слаще его? Цари и князья любятъ медъ болѣе всего.

Я же жилъ 562 года, выйдя изъ чрева матери моей, и не касался ея одежды, не сосалъ ея сосцевъ, не лежалъ на ея ложѣ, не видалъ ея лица, красное оно или черное, не пилъ воды, не ѣлъ ни плодовъ земныхъ, ни травы. Вѣждамъ своимъ не далъ я сна, и поддержки всей плоти моей, но пребывалъ водруженнымъ, какъ столпъ; рука моя не двигалась туда и сюда, и лицо мое не обращалось назадъ. Одежды я не зналъ до сего дня, и одѣяніемъ мірскимъ—травою и листьями не покрывался. Вѣрно ли это слово, пусть скажутъ горы и холмы, воды и страны, солнце и луна, небо и земля, эти львы и леопарды и птицы небесныя и ангелы. Господи, Ты знаешь тайны мои, скажи!" И отверзъ Господь уста свои:„ да рабе вѣрный, Габра-Мокрасъ-Кеддусъ, все это истинно, и нѣтъ неправды въ этомъ!" И горы, и холмы, небо и земля, солнце и мѣсяцъ, воды и страны и птицы небесныя, львы и леопарды и Ангели отверзли уста свои и сказали все вмѣстѣ: „истинно то. что онъ сказалъ и не ложно!" Небо и земля до камней говорили какъ люди: „мы не видимъ подобія его ни съ низа земли, ни съ высоты неба". Тогда ангелы небесные изрекли судъ, говоря: „да вознесется душа вмѣстѣ съ плотію сына и да не сокроется она во гробѣ". Іоаннъ присудилъ также, и Петръ съ апостолами присудилъ такъ же, Моисей съ пророками присудилъ такъ же. Георгій съ учениками присудилъ такъ же, Антоній съ монахами присудилъ такъ же. Тогда сказалъ Господь нашъ: „имя того, кто будетъ писать это чудо, Я впишу въ книгу живота, и онъ найдетъ обитель въ царствіи небесномъ. Не коснутся его огонь и ангелы мрака, но примутъ его ангелы свѣта въ мирѣ а радости, будетъ пребывать душа его съ возлюбленнымъ его Габра-Манфасъ-Кеддукомъ, и онъ положитъ сіе чудо, написавъ его, въ домѣ своемъ, и въ церкви да будетъ оно свидѣтельствомъ".

При чтеніи этого отрывка нельзя не обратить вниманія на стройность н пропорціональность его архитектурной постройки. Чтобы провести патріотическую идею о превосходствѣ абиссинскаго святого надъ всѣми другими, авторъ собираетъ всю природу живую и неодушевленную и ея творца къ кельѣ святого. Всѣ указываютъ на христіанскіе подвиги Габра-Манфосъ-Кеддуса. Изображается картина абиссинскаго суда, гдѣ Богъ является лишь безпристрастнымъ предсѣдателемъ какъ данія въ абиссинскомъ судѣ. Рѣшаютъ же ангелы и святые. Габра-Манфасъ какъ истецъ сравниваетъ себя съ другими святыми, доказывая свое право на искъ. Эта форма суда смягчаетъ нѣсколько нескромныя требованія Габра-Манфаса. Но понятно, что абиссинскій святой долженъ быть выше всѣхъ остальныхъ; такъ и въ обыкновенной жизни „тсру сау", честный человѣкъ можетъ быть лишь христіанинъ изъ Абиссиніи. Чтобы воздѣйствовать на читателя авторъ заставляетъ Бога воздать ему за составленіе житія. Такимъ путемъ самое житіе поіобрѣтаетъ особую боговдохновенность и силу. Весь отрывокъ читается отъ начала до конца съ возрастающимъ интересомъ благодаря его образности и художественности; интереса бы не было, если бы изложеніе имѣло характеръ риторическихъ похвалъ. Впечатлѣніе усиливается тѣмъ. что и святой и подвиги христіанскіе и вся природа и даже самъ Богъ являются образцомъ въ высокой степени національными. Любовно и проникновенно изображаетъ абиссинскіе землю и рай.

ИСТОРІЯ.

Еще полнѣе дается свобода фантазіи въ историческихъ произведеніяхъ, какъ напр. жизнь Александра Македонскаго. Въ нѣкоторыхъ исторіяхъ Александръ является съ арабскими или египетскими наслоеніями, но въ другихъ мы встрѣчаемъ въ немъ христіанскаго царя. Полеты на

орлѣ, которые онъ совершаетъ въ небесный Іерусалимъ служать сюжетомъ для абиссинскихъ художниковъ. Такія произведенія могутъ быть отнесены къ разряду романовъ.

АФОРИЗМЫ.

Пословицы, афоризмы, тексты изъ священнаго писанія являются обычнымъ украшеніемъ разговора и литературы. Въ приведенной выше легендѣ о дьяволѣ есть пословица „языкъ то сильный, да нога хромая". Укажу еще нѣсколько.

„У него нѣтъ тѣни", то есть, это человѣкъ ничтожный. „Малые глазки видятъ дальше большихъ". „Женщину узнаютъ по ногамъ". „Малаго роста человѣкъ настолько же вросъ въ землю" (то есть интриганъ). „Тонкія губы—губы нескромныя". „У плута волосы шелковые".

СУЕВѢРІЯ

Суевѣрія абиссинцевъ содержатъ богатый матеріалъ для легендъ. Буда и дзарры, описанные въ главѣ о религіи, отвѣчаютъ нашимъ чертямъ, бѣсамъ и лѣшимъ. Также они вѣрятъ въ рыжебородыхъ огромныхъ зендо, удавовъ. Нѣкоторыя суевѣрія принимаются всѣми. Напр., кто желаетъ смерти другому, тому надо лишь бросить подъ его кроват дохлую кошку. Когда былъ боленъ Императоръ, многихъ высокихъ лицъ обвиняли въ томъ, что они бросали кошку. Объ этомъ говорили въ столицѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ, какъ говорятъ въ Европѣ объ отравленіи. Распространена въ Абиссиніи вѣра въ „ятынтъ лиджъ", то есть въ тѣхъ, кто оставался во чревѣ матери 1, 2. 3 года и больше. Его вліяніе гибельно на тѣхъ, кто принимаетъ коссо [20]) и въ другихъ случаяхъ. Дѣйствуетъ одинъ человѣкъ на другого глазами. Поэтому во время ѣды лучше закрываться отъ постороннихъ шамой. Голубой глазъ есть глазъ кошки, а потому его надо особенно остерегаться. Вредно дѣйствіе вечеромъ восходящей луны утромъ восходящаго солнца. Кто обнажаетъ въ это время органы на луну или солнце, тотъ оскорбляетъ луну и солнце и за это наказуетея болѣзнью. Весьма опасны церкви въ ночное время, когда нѣтъ въ нихъ службы. Церкви тогда полны чертей, которые даютъ дерзкому пощечину, отчего является болѣзнь. А кто вошелъ въ Святая святыхъ кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ. тотъ получаетъ въ наказаніе проказу.

Рѣсницы и уши гіены, зубы крокодила, кожа чернаго козла. (когти льва и много другихъ предметовъ являются средствами), предохраняющими отъ разныхъ болѣзней и носятся какъ амулеты въ мѣшечкахъ.

Гіена, змѣя и обезьяна одни изъ главныхъ героевъ ихъ суевѣрныхъ легендъ. Отношеніе къ обезьянѣ гуреза интересно. Эта небольшая обезьяна водится въ дремучихъ хвойныхъ лѣсахъ, Ея шерсть очень длинная черная и бѣлая блеститъ, какъ шелкъ. Ея голова напоминаетъ монаха въ шапкѣ. Гуреза живетъ на деревьяхъ и быстро передвигается съ одной верхушки на другую. На разсвѣтѣ гуреза оглашаетъ лѣса своими острыми, тоскливыми и странными криками. Она очень пуглива, въ неволѣ погибаетъ

[20]) Коссо, глистогонное, получаемое отъ цвѣтовъ большого мѣстнаго дерева изъ семейства розоцвѣтныхъ.

отъ тоски, и уходитъ, завидя далеко человѣка. Абиссинцы вѣрятъ, что гурезы постятся по средамъ и пятницамъ и что онѣ очень религіозны. Этотъ разсказъ соотвѣствуетъ меланхолическому характеру гурезы.

ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

Въ животномъ эпосѣ какъ въ нашихъ басняхъ скрыта опредѣленная мораль. Абиссинцы любятъ цитировать въ бесѣдѣ такія басни.

Вотъ содержаніе одной изъ нихъ: Мышь, увлекшись молодой слонихой, просила ее у родителей въ жены. „Какъ-же ты будешь жить съ ней, такой маленькій?" удивился отецъ, но подумавъ согласился. Скоро мыши представился случай показать свою силу. Въ страну слоновъ пріѣхали охотники. Выслѣдивъ слоновъ они разбили лагерь, Но ночью мышь привела товарищей, которые перегрызли у муловъ всѣ уздечки и всѣ веревки въ лагерѣ. Охотники не могли выступить на охоту, а слоны ушли въ другую сторону. Эту басню мнѣ разсказалъ расъ Тасама, защищая свое намѣреніе въ 1912 г. послать въ Россію абиссинскимъ представителямъ ато [21]) Уонди, человѣка незнатнаго происхожденія, но талантливаго и преданнаго Россіи,

ИГРЫ.

Переходя къ играмъ, нужно сказать, что помимо пѣсни и музыки въ играхъ много драматическаго дѣйствія и діалога. Во многихъ изъ этихъ игръ можно видѣть зачатки драмы.

Маленькія дѣти играютъ въ куклы, въ жмурки, прятки, кошки и мышки, въ змѣя, въ щипки; устраиваютъ качели изъ веревки или качаются на рукахъ, держась за вѣтки деревьевъ; вертятся волчкомъ, схватившись по двое за руки и упираясь носками другъ въ друга. Мальчики метаютъ въ цѣль дротики-палки, послѣ чего проигравшій ложится животомъ на землю, а побѣдитель ходитъ по немъ ногами.

Въ жмурки одному закрываютъ глаза, закутывая голову въ шаму. Другой играетъ на крарѣ двѣ мелодіи. При одной поется—ты не нашелъ. При другой—ты подошелъ. Этимъ обозначаютъ, правильно-ли ищетъ ребенокъ съ завязанными глазами остальныхъ.

Наша игра въ „кошки и мышки" у абиссинцевъ называется „мистойе"—женушка.

Въ женушку играютъ такъ:

Дѣти становятся въ кружокъ, Котъ снаружи, женушка въ срединѣ. Хороводъ поетъ: „моя женушка, моя женушка, длинные волосы у женушки.—Облака на небѣ" Когда котъ врывается въ кругъ женушка выходитъ наружу. Когда женушка поймана, молодые садятся верхомъ на двухъ играющихъ и ѣдутъ къ родителямъ. Здѣсь происходитъ пиръ. Хоръ поетъ. Вдругъ котъ говоритъ: „держи" и хватаетъ женушку. Подружки кричатъ: „караулъ". Женушка садится на мула и уѣзжаетъ.

Прятки, называются „кулькулю" (пѣтушекъ). Маленькая дѣвочка Таботъ держитъ на колѣняхъ голову пѣтушка. Пѣтушекъ кричитъ: „Кулькулю, кулькулю". Таботъ отвѣчаетъ: „еще не свѣтаетъ". Когда всѣ попрятались, Таботъ гово-

[21]) Ато—господинъ.

ритъ: „день насталъ: ищи!" Кулькулю начинаетъ искать.

Игра въ змѣя сложная и образная. Въ ней много разговора и изображенія разныхъ дѣйствій: куренія, кашля, приниманія лѣкарствъ и пр.

Въ „алягой" дѣти садятся въ рядъ съ вытянутыми ногами, скрестивъ руки за спиной. Въ срединѣ сидитъ „аляка", начальникъ игры, Одна рука у него за спиной, другая держитъ палочку.

Въ началѣ игры поется молитва: „прошу тебя, мама Марія, пусть моя нога будетъ первой".

Затѣмъ поютъ:

Алягой, аллялогой,
Гарадіе, аляйуге,
Гарадіемъ Маріамъ сема,
Беркума тасакема, и т. д.

и оканчиваютъ словомъ, „толо—скоро".

При каждомъ словѣ стиха, аляка по очереди показываетъ палочкой на ногу сидящихъ, считая и свои. При словѣ толо, нога, на которую упало это слово, подымается, колѣно этой ноги приближается къ лицу. Ребенокъ, обнимая колѣно вытянутой ноги, говоритъ: „вышелъ изъ пропасти". У кого обѣ ноги вышли, считается счастливымъ, „гетой" [22]) И у кого обѣ ноги остались вытянутыми, тотъ горюетъ, а его жалѣютъ. Нога оставшаяся на землѣ послѣдней, наказывается. Аляка спрашиваетъ: „на землѣ или на небѣ?" Если на небѣ, ногу подымаютъ высоко и ударяютъ слегка о землю. Если на землѣ, ногу подымаютъ чуть-чуть надъ землей, но ударяютъ о землю съ силой. Затѣмъ всѣ садятся въ порядкѣ, въ какомъ вышли, на корточки и говорятъ, трогая руками при одномъ стихѣ землю, при слѣдующемъ колѣно: „Сдѣлай для меня кракъ, какъ газель!

Дамъ тебѣ кеты [23]) изъ шумбуры [24]),
Дамъ тебѣ кеты пшеничной,
Дамъ тебѣ куоло [25]) изъ шумбуры".

[22]) Господиномъ.
[23]) Кета—хлѣбъ.
[24]) Шумбура—горохъ.
[25]) Куоло, зерно, вымоченное въ соленой водѣ и высушенное на огнѣ.
[26]) Кремтъ, періодъ дождей.

По знаку аляка подымается быстро первый, держа, руки на колѣняхъ, Если при этомъ колѣно издало трескъ, онъ выигралъ. Проигравшихъ зовутъ „буда", колдунъ, или сифилитикъ.

При игрѣ въ щипокъ кисть одной руки накладывается на другую и держитъ ее въ щипкѣ между двумя пальцами. Нѣсколько играющихъ образуютъ такимъ образомъ пирамиду изъ рукъ. Та рука, которая внизу, подымаетъ и опускаетъ всю гору рукъ. Дѣти напѣваютъ. Затѣмъ хозяинъ нижней руки неожиданно говоритъ: „разсыпьтесь". Руки разъединяются, и ихъ прикладываютъ къ лицу, дѣлая видъ, что плачутъ.

Очень часто послѣ игръ побѣдитель садится на плечо другого, какъ на лошадь, и заставляетъ себя возить.

Любимая игра въ мячъ называется „гана". Въ нее играютъ большія партіи не только дѣтей, но и взрослыхъ. Мячъ дѣлается изъ тряпокъ, иногда обтягивается кожей. У каждаго играющаго палка съ кривымъ сучкомъ, какъ при игрѣ въ гоккей. Играющіе образуютъ два города, бета (домъ). Каждый бетъ старается загнать мячъ за черту въ чужой городъ. Выигрышъ отмѣчается на каждой сторонѣ однимъ очкомъ. Игра тянется долго. Сперва выбираютъ двухъ „абатя" (отцовъ). Они мѣряются, кому выбирать играющихъ. Избиратель спрашиваетъ каждую пару играющихъ, которые подходятъ по очереди.

— Кто вы?

— Конь и мулъ.

Онъ беретъ себѣ одного, другого отсылаетъ въ противный бетъ. Игра сопровождается пѣніемъ, импровизаціей стиховъ и проходитъ съ необычайнымъ оживленіемъ, привлекая много публики. Для игры требуется большая площадка.

У взрослыхъ есть свои игры.

Шахматы—сантарачъ—были особенно распространены при Гондарскомъ дворѣ среди знати.

Габата (столъ) встрѣчается по всей Абиссиніи, даже у негровъ. Въ габата играютъ дѣти и взрослые, ашкеры, господа, дома, на улицѣ, въ дорогѣ, на землѣ и на столѣ. Впервые игрѣ научилъ, говорятъ царицу Савскую Соломонъ. Габата состоитъ изъ 10, 12 или 14 гнѣздъ. Въ каждое гнѣздо кладутъ 4 шарика. Бросаютъ жребій, кому начинать. Начинающій перекладываетъ изъ одного гнѣзда 4 шарика въ другія по опредѣленнымъ правиламъ. Правилъ для игры очень много, какъ у насъ для игры въ карты. Игрой этой абиссинцы сильно увлекаются и нерѣдко габата кончается дракой.

Изъ физическихъ упражненій у взрослыхъ наиболѣе распространена игра въ бичи и „гуксъ".

Къ игрѣ въ бичи готовятся продолжительными упражненіями во время дождей. Молодежь старается хлопнуть въ воздухѣ длиннымъ бичемъ такъ, чтобы ударъ былъ слышенъ далеко, какъ выстрѣлъ изъ ружья. Затѣмъ устраиваются поединки. Противники становятся другъ противъ друга на такомъ разстояніи, чтобы можно было задѣть концомъ ремня. На такихъ поединкахъ иногда забиваютъ на смерть, а иногда повреждаютъ лишь глазъ. Говорятъ, что этимъ временемъ, концомъ кремта [26]) пользуются, чтобы во время игры освободится отъ соперника или врага.

Гуксъ—игра болѣе благородная. Она соотвѣтствуетъ рыцарскимъ турнирамъ или современнымъ каруселямъ. Играютъ въ гуксъ на новый годъ или маскаль и въ другіе дни Гуксъ былъ любимой

игрой Менелика II. Внукъ его Лиджь Яссу также отличается въ гуксѣ среди золотой молодежи. Для гукса требуется прежде всего быть хорошимъ наѣздникомъ, крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ, владѣть конемъ. Второе требованіе—это метать и принимать щитомъ ударъ. Лошадь должна быть хорошо выѣзжанная, свѣжая и горячая.

Я знаю болгарина Николая, который играетъ въ гуксъ не хуже любого абиссинца. Дротикъ въ игрѣ замѣняется палкой, но все-же игра опасна. Сила удара на скаку лошади бываетъ такъ велика, что палка пробиваетъ щитъ, а попавъ въ спину противника укладываетъ его на смерть.

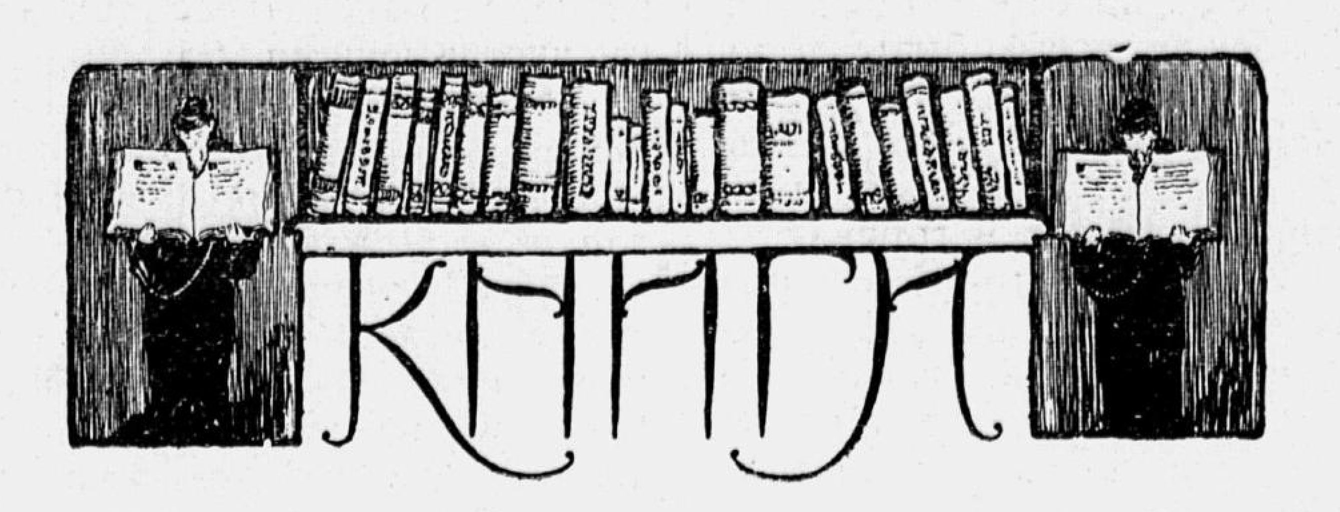
Игра въ гуксъ бываетъ одинъ на одинъ или партіями.

Гуксъ это большой праздникъ. Всадникъ выѣзжаетъ въ блестящей лемпдѣ или съ леопардовой шкурой на спинѣ. Львиная грива на головѣ придаетъ ему мужественный, гордый видъ. Въ его лѣвой рукѣ золотой щитъ, а въ правой дротикъ. Онъ весь вытянулся на лошади и приросъ къ парадному сѣдлу. Лошадь сверкаетъ серебряной сбруей Она танцуетъ на мѣстѣ, вся горитъ нетерпѣніемъ, и ея красивые большіе глаза на сухой головѣ мечутъ пламя. Короткимъ галопомъ, согнувъ шею, она выноситъ своего господина на большую ровную площадь, окруженную народомъ. Сотни и тысячи европейцевъ и абиссинцевъ собрались поглядѣть на это великолѣпное зрѣлище. Волненіе передавалось всаднику. Держа лошадь на поводьяхъ, онъ скачетъ на другой конецъ поля, гдѣ его ждетъ противникъ. Подъѣхавъ вплотную, онъ дѣлаетъ вызовъ. Бой начался. Конь какъ вихрь иногда на однѣхъ заднихъ ногахъ поворачиваетъ назадъ и чуя свободу и переживая бой, онъ несется обратно. Его гета (господинъ) повернулся лицомъ къ настигающему всаднику и ловитъ дротикъ на подставленный щитъ. Противникъ на скаку наклонился впередъ и впился глазами въ цѣль. Дротикъ виситъ на ладони правой руки, согнутой въ локтѣ. Рука отведена къ плечу и вибрируетъ. Дрожаніе передается дротику и вдругъ онъ вылетаетъ какъ стрѣла или птица. Всѣ глаза устремились за нимъ. Вотъ въ сторону качнулся торсъ вызывавшаго всадника. Блеснулъ повернутый щитъ и съ сухимъ ударомъ принялъ дротикъ, который падаетъ на землю Теперь очередь принадлежитъ наступавшему. Все больше и больше разгораются страсти. Окрашенная кровью пѣна покрываетъ удила; въ пѣнѣ весь крупъ коня:— онъ горитъ и въ серебряное ржанье выливаются его расходившіяся страсти. Всадники мечутъ другъ въ друга и дротики и пламенные, полные крови лучистые взоры. Какъ прекрасно всю душу, всю силу вложить въ одинъ моментъ, въ одно желаніе въ одинъ порывъ. Гибокъ и ловокъ всадникъ, легки и свободны его движенія; стройно его упругое тѣло, сквозящее черезъ красивыя складки одежды, но лошадь еще прекраснѣе. Она почти не касается земли. Ея хвостъ поднятъ на воздухъ. Ея гривой играетъ вѣтеръ. И каждый мускулъ ея горячаго тѣла сквозитъ черезъ кожу, какъ черезъ складки одежды. Какъ напряжена вся ея нервная система въ эту минуту. Какъ безкорыстенъ ея порывъ, и полно ея наслажденіе. Если-бы человѣкъ былъ способенъ жить такъ-же сильно, всѣмъ своимъ существомъ, чего-бы онъ не совершилъ и не достигъ.

Александръ Кохановскій.

Танцы. Ларіоновъ.

СЛЫХАЛИ-ЛЬ ВЫ...

Помните?—

Слыхали-ль вы за рощей въ часъ ночной.
Пѣвца любви, пѣвца своей печали...

Это не о Дмитріѣ Цензорѣ?
Это не о его книгѣ „Легенда будней“?
Это не о первой части этой книги „О любви и печали“?

ВСТРѢЧИ.

Суждены намъ случайности встрѣчъ.
Насъ влечетъ съ колыбели
Мелодичная рѣчь
Къ невѣдомой цѣли.
Кто то рядомъ идетъ и незримъ
Въ свѣтѣ луннаго диска.
Мы грустимъ и горимъ
Такъ близко, такъ близко...
Мнѣ приснились черты при лунѣ.
Кто же ты? Я не знаю..
Но въ начертанномъ снѣ
Мы близимся къ раю...
О, святыя случайности встрѣчъ,—
Какъ свѣтла ихъ загадка!
А надежду беречь
Такъ сладко, такъ сладко!...

Это не Ленскій написалъ Ольгѣ Лариной?

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Листья золотистые падаютъ въ саду.
Я люблю ихъ шелесты. Я туда пойду.
Тамъ ковры червонные, между черныхъ пней,
Пахнутъ увяданіемъ съ каждымъ днемъ сильнѣй.
Долго-долго по саду я бродить готовъ.
Вонъ поникла дѣвушка въ желтизнѣ кустовъ...
Какъ она задумчива! Цвѣтъ ея волосъ
Ласково сливается съ золотомъ березъ.
Дѣвушка печальная, что ты ищешь тамъ?
Что подносишь медленно къ сердцу и устамъ?
Отчего устала ты? Отчего блѣдна?
Поброди съ мечтателемъ, если ты одна...
Дѣвушка испуганно въ даль уходитъ прочь.
Потемнѣло золото. Скоро будетъ ночь.
Сказочныя сумерки развернулъ закатъ.
Листья осыпаются. Листья шелестятъ.

Это не Таню Ларину встрѣтилъ поэтъ?

Мои глаза печальные
Впиваются въ твои—
Не близкіе, не дальніе,
И самъ не знаю чьи...
Разсвѣта-ли, заката-ли
Исполнены они?
Какую тайну спрятали
Ихъ странные огни?
Я ухожу овѣянный
Твоею глубиной,
Не знаю самъ—осмѣянный
Иль близкій и родной...
И не хочу побѣдою
Утѣшиться,—о, нѣтъ!
Пусть никогда не вѣдаю,—
Ты полночь или свѣтъ.
Мнѣ дорого томленіе
Непонятаго „Да“.—
Быть можетъ—на мгновеніе,
Быть можетъ—навсегда...

Это не накануне-ли дуэли съ Онѣгинымъ набросано имъ трепетной рукой?

Слыхали-ль вы за рощей въ часъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей пачали?

Если не слыхали, такъ берите скорѣй книгу „Легенда будней“.

Любовь!—Святая съ улыбкой жгучей,
Голгофа счастья,—любовь, любовь!
Казни и смѣйся, пьяни и мучай,
Костеръ багряный душѣ готовь!
Я твой невольникъ. Я, изступленный,
Лобзаю тѣни твоихъ слѣдовъ,
Благословляю мой бредъ влюбленный,
Вериги страсти въ хмелю цвѣтовъ.
Онѣ любили. Онѣ склоняли
Уста сухія къ моимъ устамъ.
Бросали розы. Но розы вяли.
Шипы остались, глубоко—тамъ...
Благословляю тоску и муку,
Благословляю и страсть и стыдъ,
И эту руку, и эту руку,
Что въ тайномъ кругѣ меня влачитъ!

Милый баловень судьбы добродушный, безшабашный, лѣнивый и радостный Митя Цензоръ.

Онъ—всеобщій любимецъ: мужчины его любятъ, женщины—влюблены въ него...

Пусть его книгу всѣ встрѣчаютъ такъ же привѣтливо какъ его самого.

ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

Зналъ я въ Москвѣ одного актера, который, какъ двѣ капли воды, былъ похожъ на Пушкина.

Подойдетъ бывало къ памятнику Пушкина на Тверскомъ бульварѣ, встанетъ въ позу,—всѣ обертываются,—пальцемъ показываютъ:

— Настоящій Пушкинъ!

Тотъ актеръ думалъ что въ этомъ сходствѣ съ Пушкинымъ—его счастье.

А я такъ думалъ, что въ этомъ сходствѣ—его несчастье.

И никогда онъ не выбьется въ люди. Все будутъ пальцемъ на него показывать:

— Настоящій Пушкинъ.

Молодой, безусловно талантливый поэтъ Алексѣй Липецкій написалъ въ стихахъ повѣсть „Надя Данкова“ въ явное и удачное по формѣ подраженіе Пушкинскому „Евгенію Онѣгину“.

Да такой степени схожа что всѣ пальцемъ показываютъ:

— Настоящій Пушкинъ!

Алексѣй Липецкій думаетъ, что въ этомъ сходствѣ его счастье:

А по мнѣ—несчастье.

Впрочемъ поэтъ самъ проситъ судить его не за эту „Женю Онѣгину“ и въ посвященіи мнѣ пишетъ:

Ваше око слишкомъ взыскательно,
Но не судите поэму сію;
Я еще не высказалъ окончательно
Любовь и силу свою,
Еще будутъ такіе же томики
Изъ отдѣльныхъ стиховъ и поэмъ.
И скептики будутъ довольны и комики,
Угожу всѣмъ!

Будемъ ждать.

Будемъ ждать когда Алексѣй Липецкій перестанетъ походить на Пушкина и станетъ походить на самаго себя.

Будемъ ждать, когда, читая его стихи читатели будутъ восклицать:

— Настоящій Липецкій!

Лучше быть настоящимъ Липецкимъ, чѣмъ „настоящимъ“ Пушкинымъ!

КАМНИ.

Въ книгѣ Олега Леонидова „Стихи“ лучшій отдѣлъ это—„Камни“.

Поющіе камни большихъ городовъ.

Талантливый поэтъ воспѣваетъ городъ съ его автомобилями, кинематографами, ширманщицами, экзаменами, маскарадами..

Въ предразсвѣтныхъ обманахъ безшумно моторы
Ускользаютъ, какъ тѣни, въ неясной дали.
Неувѣренны клятвы, измѣнчивы взоры
И отъ губъ опьяняющій запахъ шабли.
Предлагаетъ мальчишка увядшія розы—
Онъ бросаетъ навязчиво въ окна цвѣты.
Я въ глазахъ вашихъ вижу и печаль, и угрозы,
И сокрытую боль неживой пустоты.
Отогнавъ отъ себя предразсвѣтныя думы,
Наклоняюсь къ рукѣ и цѣлую кольцо.
Ночь не кончилась. Дремлютъ докучные шумы.
Мы ночные. Дай плечи. Лицо!..
Но усталыя руки не просятъ объятій
Мы—чужіе—встрѣчаемъ безрадостный день
Нѣтъ ни жалобъ, ни слезъ, ни огня, ни проклятій.
Пустота одиночества... Скука... И лѣнь!..

Вотъ шарманщица:

Блѣдная шарманщица съ черными глазами
Поступью усталою ходитъ по дворамъ,
Держитъ клѣтку съ птичкою смуглыми руками
И поетъ подъ окнами, и киваетъ вамъ...
Улыбнитесь ласково, дайте „счастье“ вынуть—
Расцвѣтетъ отъ радости блѣдное лицо:
Мало ей копейку торопливо кинуть—
Нуженъ взоръ привѣтливый, теплое словцо...
Блѣдная шарманщица „счастье“ вынимаетъ,
Вынимаетъ каждому и беретъ гроши,
Одного не вѣдаетъ, одного не знаетъ:
Какъ ей вынуть счастье для своей души?..

Вотъ кинематографъ:

Мракъ... Картины... Шопотъ... Тѣни...
Бѣгъ недремлющей мечты..
Экзотическихъ растеній
Ароматные цвѣты.
Перелеты, сказки драмы.
Сновъ и видовъ длинный рядъ:
Берега широкой Камы.
Альпъ сверкающій нарядъ..
Безучастный звукъ рояли.
Зачарованный экранъ,
Гдѣ сплелись въ лазурной дали
Правда, шутка и обманъ...
Въ полчаса мы облетѣли
Сѣть народовъ, городовъ;
Жажда знанья зрѣетъ въ тѣлѣ,
Жажда новыхъ, чудныхъ словъ,
Жажда вѣчныхъ откровеній
Въ яркомъ блескѣ красоты..
Мракъ... Картины... Шепотъ... Тѣни...
Бѣгъ недремлющей мечты...

Вотъ любовь:

Мнѣ читалъ онъ много изъ Бодлэра,
Много строфъ плѣнительныхъ стиховъ,
Чаровалъ причудами размѣра,
Знойной лаской прихотливыхъ словъ.
Приносилъ въ часы вечернихъ тѣней
На балконъ душистые цвѣты
И въ тиши своей любви осенней
Никогда не смѣлъ промолвить „Ты“.
До утра цвѣты благоухали,
Проникалъ огонь изъ-за портьеръ,
До утра въ большой пустынной залѣ
Четко разлавался трепетный Бодлэръ
Ожидая дерзкаго порыва,
Я была надменно холодна,
Какъ мечта ваятеля красива
И какъ глыба мрамора блѣдна.
Я ждала безудержныхъ признаній,
Дерзкихъ и томительныхъ рѣчей,
Какъ слѣпящій свѣтъ горящихъ зданій,
Иль концы отточенныхъ мечей...
Но стихи смѣняются стихами—
Онъ со мной несмѣлый кавалеръ,
Полный робости къ прекрасной дамѣ...
И звучитъ попрежнему... Бодлэръ.

Вотъ дитя:

Ей только девять лѣтъ... А бальныя перчатки
Скрываютъ наготу красивыхъ дѣтскихъ рукъ,
Завитый локончикъ упалъ на лобикъ гладкій,
На бѣлыхъ туфелькахъ и пряжка и каблукъ...
Сжимаетъ хрупкій станъ затянутое платье;
Въ антрактахъ слышится салонный разговоръ...
И бросить я хочу горячее проклятье
Тому, кто потушилъ ребяческій задоръ,
Кто сдѣлалъ изъ нея забавную игрушку
И, пышно нарядивъ, повезъ съ собой въ балетъ,
Напудрилъ ей лицо, къ щекѣ приклеилъ мушку.
..Кто это совершилъ, тому прощенья нѣтъ..

Олегъ Леонидовъ весь въ городѣ и въ современномъ городѣ. Напрасно онъ резонируетъ.

Впрочемъ и изъ эпохи париковъ у Олега Леонидова есть миленькія камейки:

Сегодня маркиза не въ духѣ:
Весь день поясница болитъ,
Стрѣляетъ въ напудренномъ ухѣ,
И правая щечка горитъ.
Сегодня не будетъ пріема,
Хотя и уѣхалъ маркизъ,
Хотя для красавца—Гильома
Отъѣздъ этотъ, право, сюрпризъ.
Сегодня маркиза скучаетъ
И въ залѣ пустынной одна
О балѣ минувшемъ мечтаетъ,
Глядя на узоры окна.
Сегодня не будетъ пріема.
Но, знайте, ревнивый маркизъ,
Что прелесть и ловкость Гильома
Большой вамъ готовитъ сюрпризъ!..

Не все одинаково удачно въ „Стихахъ“ Олега Леонидова. Но удачнаго больше чѣмъ неудачнаго.

ПУТЬ АГАСѲЕРА.

Предисловіе къ книгѣ стиховъ Ал. Вознесенскаго написалъ Леонидъ Андреевъ.

Въ стихахъ Ал. Вознесенскаго меня привлекаетъ ихъ затаенная тревога мысли. Въ нихъ есть что-то безсонное: это душа, которая никогда не спитъ и не знаетъ колыбельныхъ, баюкающихъ пѣсенъ. Но только у дня нѣтъ сновидѣній: есть у безсонницы свои безсонныя грезы—тѣ странныя сочетанія ясности и мглы, ритма дня и ритма ночи, что какъ знакомые предметы въ туманѣ: и тѣ, и не тѣ.

Стихи всегда только сонъ, какъ и музыка: иныхъ

Рисунокъ. П. Герардовъ.

нѣтъ стиховъ и нѣтъ иной музыки. То, что глаза открыты, когда слушаешь стихи или музыку, еще ничего не доказываетъ; и многіе слушаютъ музыку съ закрытыми глазами: такъ ближе къ правдѣ. Но кто сталъ бы терпѣть искусственность стиха, неправдоподобіе рифмы, назойливый ритмъ, кто сталъ бы терпѣть темную власть музыки, если бы онъ уже не нашелъ все это въ своихъ темныхъ искусственныхъ, неправдоподобныхъ снахъ, уже не подчинялся бы многократно власти могучаго *настроенія.*

И книга стиховъ Вознесенскаго—книга *философскихъ настроеній.*

Такое предисловіе ко многому обязываетъ.

Тѣмъ болѣе, что дальше Л. Андреевъ еще добавляетъ:

Отнимите у подлинной философіи вс кое настроеніе, и она превратится въ математику, перестанетъ быть философіей, исчезнетъ; увеличьте настроеніе, наполните имъ философію до краевъ—и она станетъ стихами, зазвучитъ Вагнеровской музыкой...

Въ стихахъ Ал. Вознесенскаго менѣе всего музыки.

Они въ большинствѣ случаевъ тяжелы и скрипучи.

Но настроеніе всегда есть.

Онъ не стѣсняется риѳмовать „хозяинъ“ и „глинтвайнъ“, не стѣсняется съ цезурой.

МѢХОВЩИКЪ.

Жена, откинувъ голову, смѣялась, а я
Закрывъ глаза, припадалъ къ губамъ красно-яркимъ.
Она подъ поцѣлуемъ замирала, какъ змѣя—
Подъ южнымъ солнцемъ волнующе-жаркимъ.
Въ этотъ день—съ тѣхъ поръ уже годъ миновалъ—
Завороженный ея ласковымъ ртомъ и духами,
Я вышелъ и—весь въ радости—ѣхалъ на вокзалъ,
Чтобы отправить свои ящики съ мѣхами.
— Безъ этихъ документовъ я принять не могу,
Сказалъ мнѣ конторщикъ съ длиннымъ носомъ.
— Назадъ!.. Въ кабинетѣ я почти на бѣгу.
Взялъ бумаги... И вдругъ застылъ съ холодящимъ вопросомъ...
Въ ванной комнатѣ—я стоялъ у портьеры—жена моя,
Откинувъ голову, смѣялась. Кто-то жадный безъ опаски,
Закрывъ глаза, цѣловалъ ея ротъ и, какъ змѣя,
Она замирала подъ солнцемъ его ласки...
Уже годъ въ этой клѣткѣ брожу я, какъ звѣрь.
Завтра судъ... Ничего! Тотъ назадъ не вернется...
Но кто эти двое, что цѣлуютъ теперь,
Когда она, откинувъ голову, смѣется?

Развѣ въ прозѣ это не было-бы лучше и... музыкальнѣе?

АВТОМОБИЛЬ.

Дѣвушка пятнадцати лѣтъ умирала.
Ужъ не было больше надежды, и врачи
Иногда приходя изъ сосѣдняго зала,
Садились и сидѣли молча, какъ сычи.
Вдругъ дѣвушка тихонько сказала: я знаю...
И мать наклонилась съ улыбкой надъ ней.
И надъ ртомъ улыбчивымъ не сходящая съ краю
Слеза, вѣчно-скрытная, стала сразу виднѣй.
«Не плачь, мама... Теперь сдѣлать одно только надо,

И это поможетъ... и я не умру»...
— Воды не давайте, дайте лучше лимонада,—
Сказалъ докторъ, продолжая проигранную игру.
«Нѣтъ, не то... Ты пошли за самымъ лучшимъ автомобилемъ,
За самымъ быстрымъ автомобилемъ, какой въ городѣ есть,
И помчимся... полетимъ.. такъ движенье усилимъ,
Что никто ужъ... Ахъ, если-бъ такой изобрѣсть!»
— Вамъ вредно волноваться... И упала головка
На подушку, и дѣвушка закрыла глаза.
Мать поправила подушку «тебѣ такъ неловко»,
И откинулась: у рта переполнялась слеза...
И мать снова молилась Невѣдомой Силѣ,
А врачи молчали, испытавъ всѣ пути...
Лишь мертвая дѣвушка знала объ автомобилѣ,
Который—одинъ—могъ ее спасти.

Развѣ это не стихопроза?

И все-таки прочтешь книгу Ал. Вознесенскаго съ удовольствіемъ, потому что она—оригинальна.

И темы.

И подходъ къ темамъ.

ПЕНСНЭ КОРОЛЯ.

Короля лишили престола.
Такъ любилъ его добрый народъ
Безъ различія возраста и пола—
И вдругъ глупое слово: гнетъ!
И еще болѣе пошлое: свобода!
Король едва убѣжалъ
Отъ обожавшаго его народа:
Увидѣлъ безъ флаговъ вокзалъ,
Увидѣлъ курившаго жандарма,
Чего онъ не видѣлъ во-вѣкъ,
Увидѣлъ каюту безъ всякаго шарма,
И сталъ въ Англіи жить, какъ человѣкъ...
Легко это сказать про человѣка,
Но чтобъ на дѣлѣ ему подражать,
Нельзя цѣлый день, какъ калѣка,
На шелковой козеткѣ лежать'
Что же дѣлать? Король этой думой
Дни и ночи массировалъ умъ,
Обладая достаточной суммой,
Чтобы оплачивать медлительность думъ.
Но сколько ни думалъ—напрасно:
Онъ дѣлать ничего не умѣлъ...
Какъ вдругъ въ это время король несчастный
(Не отъ слезъ-ли?) глазами заболѣлъ.
Глазной профессоръ, трясясь отъ почтенья,
Прописалъ пенснэ для короля.
И во второе же замѣтилъ посѣщенье,
Что король все поетъ: тру-ля-ля...
Словно избѣжавшій меча Дамокла,
Наслаждался король жизнью взасосъ:
То снималъ пенснэ, то теръ стекла,
То опять надѣвалъ на носъ...
Наконецъ, на двѣнадцатомъ блюдѣ
Эксъ-королевскаго diner
Онъ вскользь молвилъ: «Профессоръ, вѣдь не всѣ люди
Умѣютъ носить пенснэ?»

Или вотъ еще:

ШОКОЛАДЪ.

Жена вернулась домой
И принесла коробку шоколада.
Взглядъ ея былъ прямой:
Прямѣе мужнина взгляда.
Мужъ оторвался отъ листа,
Покрытаго множествомъ чиселъ,
И спросилъ: «а сдача со ста?»
И видъ его при этомъ былъ киселъ.
Жена подошла, обняла, обожгла
Макушку, гдѣ волосъ былъ рѣдокъ:
«Ничего, что я принесла
Мужу любимыхъ конфетокъ?»
Мужъ улыбнулся и тихо поднесъ
Къ губамъ теплыя женины ручки.
«Она тебя любитъ, старый песъ,
А ты ворчишь на ея отлучки»...
Жена быстро считала въ умѣ,
Сколько вычесть за конфекты со сдачи?
(Ихъ любовникъ ей далъ въ полутьмѣ).
Мужъ понялъ раздумье иначе:
Сейчасъ онъ усадитъ жену, и у ногъ
Ея—виновато-любящій—ляжетъ...
. . . .
Правду знаютъ любовникъ и Богъ,
Но никто изъ нихъ ничего не скажетъ.

Почему книга названа „Путь Агасѳера?“

Правду знаетъ Ал. Вознесенскій и Богъ.

Но никто изъ нихъ ничего не разскажетъ.

НОЧНЫЕ СОБЛАЗНЫ.

Соблазнительное заглавіе для своей книги стиховъ придумалъ Михаилъ Гартевельдъ.

Но ничего грѣховно-соблазнительнаго въ самой книгѣ нѣтъ.

Напротивъ она пролессирована какою-то холодною, но красивою грустью.

Авторъ видимо талантливъ, но еще не самостоятеленъ.

Онъ тянется и къ Брюсову, и къ Блоку,—отвлекается отъ самого себя.

Это пройдетъ.

Какъ исчезнутъ и досадныя ошибки версификаціи вродѣ:

Какъ бы озаренные блескомъ грядущихъ побѣдъ.

Или:

Водный путь, воины спятъ, на кормѣ и носу...

Авторъ очевидно слово „воины“ читаетъ „войны“.

На стр. 25 такъ и есть:

Войны, шумно оружье бросая
Воздаютъ мнѣ хвалу какъ богамъ.

„Шандàлъ“, а не „шáндалъ“... и т. д., и т. д.

Все это, повторяю и неуклюжесть и перепѣвность стиха пройдетъ, потому что въ общемъ М. Гартевельдъ обладаетъ вкусомъ, его образы картинятся и въ эпитетахъ нѣтъ пошлости.

РЕВНОСТЬ.

Видишь, черный бархатъ колыхается портьеры?
Слышишь легкій шумъ заглушенныхъ шаговъ?
Въ моемъ сердцѣ нѣту прежней свѣтлой вѣры,
Лишь кипучій пламень вспыхнувшихъ костровъ.
Слышишь легкій шопотъ тайны запоздалой,
Двухъ преступныхъ губъ содѣянный обманъ?
Уходи, счастливый, сладостью усталый,
Выгибая тонкій и красивый станъ.
Шорохъ... Все затихло. Блѣдность полнолунья
Облекла всю комнату въ матовый коверъ,
Въ сердцѣ радость близкаго, тайнаго безумья,
Радость долгожданная съ непонятныхъ поръ.
Двери скрипъ протяжный, осторожно-близкій,
У портьеры черной снова тишина.
Мнѣ не надо тонкой, надушенной записки,
Я пришелъ испить съ тобой прощальнаго вина.

Въ перебояхъ музыки этого стиха чудится колыханье портьеры, и бархатъ, и матовый коверъ, и горечь заглушенной этимъ ковромъ ревности.

МАСКАРАДЪ.

Жемчужная блѣдность покрыла всѣ лица,
Бубенчики смѣха молчатъ,
Прочтенная жизни исчезла страница,
Прошедшее стѣны таятъ.
Но свѣтъ не погасъ еще въ залѣ усталой,
Тамъ запахъ дурманныхъ духовъ,
Тамъ призраки носятся мертваго бала
И тайны неконченныхъ словъ.
Одинъ я остался, змѣей серпантинной,
Прикованный къ ложѣ пустой,
Стою опьяненный. А въ залѣ пустынной
Молчаніе тайнъ и покой,

Забыта изъ бархата темная маска,
Владѣльца ея не найти,
То ласково тайная, тихая сказка
Ласкаетъ меня на пути.
Лежитъ конфетти, росою рубинной
Вездѣ на полу и у ложъ,
Рвать цѣпь не хочу я змѣи серпантинной.
Шептать, что прошедшее ложь.

Перебой „лежитъ конфетти росою рубинной"—умѣстенъ и красивъ.

ДВУНОГІЕ БЕЗЪ ПЕРЬЕВЪ.

Неожиданно вспыхнула и загорѣлась веселымъ смѣхомъ книжка Василія Князева.

Мы такъ о настоящемъ смѣхѣ соскучились,—казалось бы кричать да кричать о „Двуногихъ" Князева, да радоваться, что наше безвременье дало такую яркость.

А кругомъ—молчатъ.

Не хотятъ повѣрить, что изъ Василія Князева наирусскій Беранже можетъ выроcти.

Его призваніе—куплетная сатира и стихомъ онъ владѣетъ какъ жонглеръ.

Съ первыхъ же страницъ поэтъ васъ поражаетъ легкостью стиха.

МОИ ПРІЯТЕЛИ.

(Портретная галлерея)

I. Дядя Сарай.

У дяди-Сарая
Натура сырая:
Што лапоть, носище,
Што стогъ, животище,
А ноги-то—ровно
Морёныя бревна!
Для дяди Сарая
Не надобно рая:
Была бы избенка,
Въ избенкѣ - бабенка,
Да въ клѣти у бабы
Холстина была бы.
Возьмешь—не узнаетъ,
Пропьешь—не облаетъ:
«Моя-то Алена
Куды какъ смирена,
А пикнетъ, такъ разомъ,—
И вспухнетъ подъ глазомъ!»
Въ оглоблю ручище!
Въ сто-пудъ кулачище!

II. Павелъ.

Мой пріятель Павелъ,
Патріотъ по духу,
Выше рома ставилъ
Русскую сивуху.
Былъ борцомъ извѣстнымъ,
Златоустомъ мѣстнымъ
Русскаго Союза,
Но ему, о муза,
Выпалъ тяжкій номеръ:
Отъ патріотизма,
Отъ алкоголизма—
Померъ!

III. Партійный человѣкъ.

Мой пріятель Казиміръ
Мыслитъ очень здраво:
Если вправо есть трактиръ,
Онъ идетъ направо.
И—хоть тресни лѣвый станъ,
Онъ—не повернется...
Развѣ только... ресторанъ
Слѣва попадется.

IV. Вавила.

Вавила Утробинъ
Тюленю подобенъ;
Инертная глыба,
Нѣмая, какъ рыба.
Усядется рядомъ,
Окинетъ васъ взглядомъ:
«Што... мать-то... здорова?»
И... больше ни слова!

V. Савва Топорковъ.

Хохотъ—грохотъ грома,
Рѣчь—картечь!
Таковъ,
И въ гостяхъ, и дома,—
Савва Топорковъ.
— «Зарюми-илъ?... Эй, птаха,
Шевели рулемъ!»
Волею Аллаха—
Все прекрасно въ немъ:
Торопливость рѣчи,
Буйный ростъ руна,
А ужъ плечи .. плечи!—
Вотъ такъ ширина!
Хохотъ—грохотъ грома,
Рѣчь—картечь
Таковъ,
И въ гостяхъ, и дома, —
Савва Топорковъ.

VI Каракатица.

Лысый,
Бѣлобрысый,
Слѣпенькій, хромой...
Кликаютъ—Ѳомой.

Развѣ не мила и не изъ жизни выхвачена эта галлерея типовъ?

СЛЯКОТЬ.

Всѣмъ онъ недоволенъ,
Господинъ Ермолинъ...
Недоволенъ службой,
Недоволенъ дружбой,
Думой и Сенатомъ,
Прессой и салатомъ,
Кучеромъ Ипатомъ;
Жениной собачкой,
Косолапой прачкой,
Судомойкой-дурой
И—литературой.
Какъ съ постели встанетъ,
Одѣваться станетъ,
И—начнутся вздохи,
Воркотня да охи!..
«Я-ль, молъ, не униженъ!
Я-ль, молъ, не обиженъ!
Безъ изъятья всѣми,
Овыми и семи:
Думой и Сенатомъ,
Прессой и салатомъ,
Кучеромъ Ипатомъ;
Жениной собачкой,
Косолапой прачкой,
Судомойкой-дурой
И—литературой...»
Здравъ онъ, или боленъ,
Господинъ Ермолинъ?..

А вотъ вамъ подлинный Беранже:

ХРАБРЫЙ РЫЦАРЬ ДЕ-ЛЯ-РЮ.

Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
Вѣчно пьянъ, но—гордъ и пылокъ.
Я безъ шутокъ говорю!
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю,
Эго—левъ среди бутылокъ!
Онъ однажды—королю,
Что назвалъ его барономъ;
Онъ однажды—к о р о л ю
Заявилъ кичливымъ тономъ:
«Вотъ не ждалъ!.. Благодарю!
Гербъ, баронство... то-то диво!
Но... безъ шутокъ говорю
Я бъ сему инвентарю
Предпочелъ—боченокъ пива!»
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
Ѣдетъ драться въ Палестину...
Кромѣ шутокъ говорю!
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
Кличетъ скотницу Кристину:
«Эй, скажи пономарю,

Что торчитъ на колокольнѣ;
Маршъ, скажи пономарю,
Чтобъ сзывалъ народъ окольный!»
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
(Ну, а войско—наипаче),
Кромѣ шутокъ говорю!
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю—
Чуть торчитъ на тощей клячѣ.
«Завтра вечеромъ зорю»,
Объясняетъ онъ Кристинѣ:
«Я безъ шутокъ говорю!
Завтра вечеромъ зорю
Мы увидимъ—въ Палестинѣ!»
«Весь востокъ тебѣ дарю!»
(И кнутомъ ударилъ клячу)
«Весь востокъ тебѣ дарю,
А ботинки на придачу!»
»Хочешь бочку янтарю?
Мнѣ вѣдь подвиги—въ забаву...
Я се..серь-е-з-зно говорю!
Хочешь... бочку янтарю?..»
(И съ коня—бултыхъ въ канаву!)
Храбръ и пылокъ Де-Ля-Рю,
Но .. храбрѣй его Кристина!
Кромѣ шутокъ говорю!
Запертъ въ погребъ Де-Ля-Рю;
Спи спокойно, Палестина!

Просится на музыку такая шансонетка:

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

Тили тили-тили боммъ!
Били, били стѣны лбомъ;
Били такъ, и били этакъ,
И рѣшили напослѣдокъ:
«Кто не хочетъ быть рабомъ—
Пробивай дорогу лбомъ!»
Боммъ!
Тили-тили-тили-тили!
Стѣны лбами колотили,
Кулаками молотили—
Запретили!—
(Бимъ-бамъ-бомъ!)
Много шуму, много пыли!
(Бимъ-бамъ-бомъ!)
«Кто не хочетъ быть рабомъ—
Упирайся въ книги лбомъ!»
Боммъ!
Тили-тили-тили-боммъ!
Упирались въ книги лбомъ!
Въ пыльномъ хламѣ библіотекъ
Ждалъ несчастный идіотикъ:
Вотъ, молъ, вотъ!—
Отрощу себѣ животикъ...
Вотъ, молъ, вотъ!—
Подъ эгидой мудрой власти
Позабуду всѣ напасти;
Перестану быть рабомъ.
Бимъ-бамъ-бомъ!
Бимъ-бамъ-бомъ!
Тили-тили-тили-тили!
Ждали, ѣли, спали, пили:
Мозгъ и сердце притупили,
Но вопили:
(Бимъ-бамъ-бомъ!)
«Мы погрязли въ грязномъ илѣ!»
(Бимъ бамъ-бомъ!)
«Кто не хочетъ быть рабомъ—
Постучись къ Форелю лбомъ!»
Боммъ!
Тили-тили-тили-боммъ!
Снова били въ книги лбомъ!
Били такъ, и били этакъ
И рѣшили напослѣдокъ:
(Бимъ бамъ-бомъ!)
«Какъ привольно жилъ нашъ предокъ!»
(Бимъ-бамъ-бомъ!)
«Вольной воли не калѣча,
Да ужъ... видно—не про насъ
Дѣдовъ квасъ!..
Мда-съ!

Темы у Князева—неожиданны:

СТРАШНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРІЯ.

Прологъ.

Жила-была елка,
Пушиста и колка,
Средь темнаго лѣса
И жилъ-былъ повѣса—
Николка.

Глава I.

Николкина мама,
Серьезная дама,
Любила Николку,
Хотя и упрямо
Трепала за холку.
Приблизились Святки,
Гульливы да сладки.
«Ахъ, скоро-ли Елка?»—
Томится въ кроваткѣ
Николка.

Глава II.

У мамы—забота,
У мамы—ломота;
Растрепана чолка..
«Позвать мнѣ Федота!..
Гдѣ Елка?»
Бородка, что щетка,
Но.. адская сметка!
Гдѣ Елка?.. Подумалъ
И барынѣ кротко:
— Въ лѣсу молъ.
«Въ лѣсу?.. Ахъ, ду-би-на!
Въ лѣсу!.. Ахъ ско-ти-на!»—
Въ истерикѣ мама...
«Вонъ!.. Въ шею кретина!
Прочь хама!»

Глава III.

Ночь. Поле. Угрюма
Федотова дума:
«Ахъ, чирій тя язви,
Вотъ горе-то!.. Развѣ —
Толкнуться до кума?»

Глава IV.

Толкнулся. И—кратка
Печальная повѣсть:
Онъ пропилъ, (какъ гадко!),—
И дровни, и совѣсть.
Въ неслыханной злобѣ
Кричалъ: «Въ шею?.. Нат-ко!»,
А утромъ въ сугробѣ
Замерзъ безъ остатка.

Глава V.

Остались на свѣтѣ
Федотовы дѣти.
Четыре мальченка:
Митрошка, Федюшка,
Игнатка, Павлушка,
Да Ленка,
Дѣвчонка.
Живутъ, поживаютъ,
Добра наживаютъ.

Глава VI.

Старшой-отъ, Митрошка,
Мальченка съ задоромъ,
Подумалъ немножко
И... сдѣлался *воромъ* (!)
Словили...
Федюшка,
Съ нужды, да съ досады,
(Прощай, деревушка!),—
Пошелъ въ *конокрады* (!)
Словили ..
Игнатка—
Былъ сызмала франтомъ.
Судьба его гадка,
Онъ сталъ.. *интендантомъ* (!)
Словили...
Павлушка—
Зарѣзалъ старушку (!),
А Ленка,
Дѣвченка,
Не ждя ни минутки,—
Хихикнула звонко
И... маршъ въ *проститутки* (!)

Послѣсловіе.
О, если-бъ Николкѣ
Не дѣлали Елки!!!

Онъ отлично знаетъ городской бытъ.

МОТЯ и ТЕТЯ.

Говорила Мотѣ тетя:
«Брось романы,
Въ нихъ—обманы!
Жизнь черна, какъ уголь, Мотя!»

Отвѣчала Мотя тетѣ:
«Врете!».
Говорила Мотѣ тетя:
«На болтъ двери,
Люди—звѣри!
Злѣе змѣй и тигровъ, Мотя!»

Отвѣчала Мотя тетѣ:
«Врете!».
Померла старушка-тетя,
Мотя—въ Питеръ полетѣла
И... влетѣла!

Вотъ какъ скверно, другъ мой, Мотя,
Говорить старушкѣ тетѣ:
«Врете!».

Или вотъ еще:

ПОДАРОКЪ.

Пантелей Кузьмичъ, прикащичекъ
Изъ перловской развѣсной,
Подарилъ шкатулку-ящичекъ
Милой Дунечкѣ весной.
Дуня въ темномъ переулочкѣ
Расцвѣла, што маковъ цвѣтъ;
Дремлетъ въ Дуниной шкатулочкѣ
Ненаглядноба патретъ.
Взглянетъ—броситъ, расхохочется:
Хи-хи-хи, да ха ха-ха;
За шофера Дунѣ хочется...
Ишь, блоха!

Но еще лучше онъ знаетъ бытъ деревенскій:

ВЕСЕЛАЯ ИСТОРІЯ.

Про Наташку Патрашкину,
Воспитомку Игнашкину,
Слухъ пустили робята,
Что Наташка, де—модница:
Съ писарямъ хороводится
И теперя—брюхата.
Про Наташку Патрашкину,
Воспитомку Игнашкину,
Точатъ бабоньки когти:
«Что на свѣтѣ-те дѣется?
Съ виду—бытто и дѣвица,
А ворота те—въ дегтѣ!»
Какъ Наташку Патрашкину,
Воспитомку Игнашкину,
Игначиха трепала:
Сжала горло колѣнями,
Да—на-отмашь полѣньями,—
По чему ни попало!
Какъ Наташка Патрашкина,
Воспитомка Игнашкина,
Закручинилась крѣпко:
Грудью кашляетъ впалою,
Кровью харкаетъ алою,
Исхудала, что щепка...
. . . .
Какъ Наташкѣ Патрашкиной,
Воспитомкѣ Игнашкиной,
По дѣломъ ей и мука!
Потому—кочевряжится,
За робятамъ не вяжется...
Сука!

Василій Князевъ смѣется, хохочетъ надъ всѣми
Даже надъ собой:

НА СВЯТОЙ.

Весенній звонъ весеннихъ колоколенъ,
Свѣжо вокругъ и на сердцѣ свѣжо...
Сегодня я до чортиковъ доволенъ
Тѣмъ обстоятельствомъ, что я—румяный Джо,
Что я—талантъ, что я—Микешки выше
И что иду не къ Настѣ, а къ Иришѣ.
Володька говорилъ, (талантливый парнюга,
Живетъ на Лиговкѣ, въ четвертомъ этажѣ;
Я въ немъ нашелъ прекраснѣйшаго друга),
— «Ты, говоритъ, нашъ русскій Беранже,
Талантливъ ты, тобой вся Русь гордится!
Микешка намъ съ тобой въ подметки не годится!»
«Какъ иглы, говоритъ, остры твои остроты!
Твой грозный стихъ разитъ, какъ кованный металлъ!
Да ты... ты—выше всѣхъ, чтобъ чортъ ихъ всѣхъ побралъ!
И... нѣтъ-ли у тебя пятерки до субботы?»

———

Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что я Микешки выше,
Я бросилъ Настеньку и сталъ ходить къ Иришѣ.

Но онъ умѣетъ иногда быть и трогательнымъ:

НАХОДКА.

Павлуша Бенхенъ, «нѣмецъ-перецъ»,
Зубря старательно урокъ,
Въ своемъ учебникѣ латинскомъ
Нашелъ засушеный цвѣтокъ.
Межъ двухъ кошмарныхъ исключеній,
Средь уймы вражьихъ волчихъ ямъ,
Лежала милая фіалка,
Точа предсмертный фиміамъ.
Павлуша Бенхенъ, «нѣмецъ-перецъ»,
Своей находкѣ очень радъ;
Прильнулъ къ цвѣтку и ловитъ жадно
Его чуть-слышный ароматъ.
И—вдругъ... (неслыханное чудо!)—
Ни стѣнъ, ни партъ, ни потолка.
Предъ нимъ—лишь небо голубое,
Да полусонная рѣка,
Да старый челнъ, да отраженье
Прибрежныхъ ивъ, да поплавка
На зыби легкое качанье...
. . . .
Павлуша Бенхенъ, «нѣмецъ-перецъ»,
Очнувшись, третъ свой мудрый лобъ
И съ новой силой запѣваетъ:
«...cis, infra, intra, justa, ob...».

И даже печальнымъ:

REQUIEM.

I.

Мы—пассажиры съ разбитаго брига,
Сжатаго льдомъ...
Всѣмъ намъ мерещится, ночью и днемъ,—
Бѣлая лампа надъ бѣлымъ столомъ,
Тихая комната, мирная книга...
Мы—пассажиры съ разбитаго брига;
Намъ-ли, живущимъ въ быломъ,
Сбросить стоцѣпное Иго?
. . . .

II.

Тише... душа умираетъ!
Борется, рвется сквозь мглу...
Кто тамъ рыдаетъ?
Кто тамъ рыдаетъ въ углу?
Тише: душа умираетъ:
Камнемъ подбили орла!..
Тише: душа умираетъ. . . . . . .
. . . .
Плачьте! Душа—умерла!

Съ хорошей книгой можно поздравить русскаго читателя.

КУЛЬТУРНЫЯ РАДѢНІЯ.

Петръ Погодинъ прислалъ мнѣ свою поэтическую визитную карточку—брошюрку въ 46 страницъ—„Стихи“.

Петръ Погодинъ—хорошій знакомый Игоря Сѣверянина,—быть можетъ даже его родственникъ.

Онъ прекрасный версификаторъ, неожиданенъ въ риѳмахъ, коваренъ въ темахъ, улыбчиво-грустенъ въ настроеніяхъ. Въ его стихахъ слышенъ какой-то аристократитическій изломъ.

Садитесь вы одни за ужинъ.
Малинной дайте мнѣ травы,
Я теплой сыростью простуженъ.
Въ тоскѣ своей прошелъ я городъ.
Вы разстегните поскорѣй
Моей рубахи узкій воротъ.
Веселый смѣхъ мнѣ легъ на сердце.
На ноги киньте теплый мѣхъ,
Да ключъ переверните въ дверцѣ:
А то Весна взойдетъ, алѣя.
Мнѣ будетъ стыдно, коль она
Увидитъ, что я боленъ ею.

Поэтъ самъ не высокаго мнѣнія о своей поэзіи:

Сквернословить безстыдно мнѣ хочется.
И гримасничать въ сонной тиши.
Все равно, никогда не упрочится
Колебаніе шаткой души.
Изучаетъ сіяющій маятникъ.
Недалекій, но тягостный путь,
Созидая изъ Времени памятникъ,
Подъ которымъ нельзя не уснуть.
Вспоминаю забытые вымыслы
И гляжу въ мѣловой потолокъ.
Что мечты изъ пожарища вынесли,
То туманъ въ Пустоту уволокъ.
Напослѣдокъ у вратъ запираемыхъ
Неизбѣжно отмщенье мое:
Въ торжествѣ опрѣсненнаго гаера
Сквернословить и клясть бытіе.

Онъ на свое стихотворство кажется смотритъ, какъ на „культурное радѣніе“:

Мошеннику съ бубновымъ тузомъ
Отдамъ мой паспортъ никчемный,
А самъ проберусь тайкомъ,
Какъ воръ, на корабль чужеземный.
Увижу я Южный Крестъ
И воды, густыя какъ смолы.
Поставлю у берега шестъ
И флагъ повѣшу веселый.
И буду жить, какъ король,
Въ пустынѣ ничьихъ владѣній.
Авось утихнетъ боль
Моихъ культурныхъ радѣній.

Темы Петра Погодина вычурны, „культурны“, Игорь Сѣверянинъ сказалъ-бы „лимузинны“.

Напримѣръ:

Ни одно животное въ звѣринцѣ
Не имѣетъ такой странной клѣтки,
Какую имѣю я,
Поднимаясь въ лифтѣ
Блестящіе прутья,
Полированное дерево, зеркала,—
А, главное, черезъ минуту
Я буду свободенъ.

Никого въ восторгъ книжка эта не приведетъ.
Но кое кому понравиться можетъ.

СТАРЫЕ БОГИ.

„Старые боги“—третій томъ стиховъ незлобиваго поэта В. А. Мазуркевича.

Поэтъ самъ сознается въ служеніи старымъ богамъ.

А кто эти старые боги поэта?

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

Надъ мракомъ измятой постели
Курился удушливый ядъ;
Пѣснь Пѣсней въ безумьѣ мы пѣли,
Вдыхая цвѣтовъ ароматъ.
Чѣмъ гуще, страшнѣй и чудеснѣй
Сдвигалась желанная мгла,
Тѣмъ громче и жарче Пѣснь Пѣсней
Манила, томила и жгла.
Въ созвучіи властномъ и гордомъ
Напѣвъ чародѣйный звенѣлъ,
И грянулъ конечнымъ аккордомъ
Въ согласномъ біеньѣ двухъ тѣлъ.
Усталая нѣгой пожатья
Пѣснь стихнула въ шопотѣ струй...
Въ ней риѳмами были объятья
И каждымъ стихомъ—поцѣлуй!

И выходитъ на повѣрку, что старый богъ поэта—женщина.

И вѣроятно молодая.

Въ такомъ случаѣ и я хочу быть съ Мазуркевичемъ старовѣромъ.

КЛЕОПАТРА.

Тихо плещется Нилъ... Пирамиды
Спятъ въ сіяніи блѣдной луны;
Дремлютъ храмы священной Изиды,
Заповѣднаго мрака полны.
Жаждой ласки, любви и лобзанья
Истомилась высокая грудь...
Въ эту ночь горячѣе желанья:
Не могу, не хочу я заснуть!
Предъ велѣніемъ высшей святыни,
Посылающей страсть,—я слаба!..
Погасите свѣтильникъ, рабыни...
Позовите раба!

Это пишетъ старовѣръ.

ЮДИѲЬ.

Полночь... Смолкла Ветилуя;
Мракъ въ долинахъ, въ сердцѣ мракъ.
Ждетъ меня въ шатрѣ, ликуя,
Безпощадный, злобный врагъ.
Точно трепетная серна,
На закланье отдана,
Я въ объятьяхъ Олоферна
Стыдъ и честь забыть должна.
Пусть, хранимый вѣрной стражей,
Убаюканный виномъ,
На груди моей лебяжей
Онъ заснетъ послѣднимъ сномъ.

Это пишетъ старовѣръ.

ТАМАРА.

Не бойся меня... Это старыя сказки...
Напраснымъ сомнѣньемъ души не тревожь;
Тебѣ говорили, что въ трепетѣ ласки
Тамара вонзаетъ любовнику ножъ.
Не вѣрь этимъ баснямъ... Какъ жало кинжала
Къ нему прижимала я губы свои,
И вмѣстѣ съ лобзаніемъ жизнь выпивала;
Кто умеръ,—тотъ умеръ отъ счастья любви.
Кинжалъ обнажилъ ты... Скажи, неужели
Ко мнѣ ты явился для ссоръ и войны?
Блаженство такъ близко... Огни потускнѣли...
Такъ вдвинь-же скорѣе кинжалъ свой въ ножны!

И это.

ЕЛЕНА СПАРТАНСКАЯ.

О, златокудрая Елена,
Прообразъ вѣтреной жены,
Твоя коварная измѣна
Была причиною войны.
Ахейцевъ строгихъ безпокоя,
Отъ нихъ ушла ты, въ чуждый край;
Изъ-за тебя погибла Троя
И опозоренъ Менелай.
Съ тѣхъ поръ у насъ, какъ раньше въ Троѣ,
Извѣстна истина одна,
Что привлекательнѣе втрое
Чужая мужняя жена!

И это:

АСПАЗІЯ.

Пускай задумчивый философъ
Въ кругу собравшихся гостей
Рѣшать стремиться тьму вопросовъ,
Столь чуждыхъ юности моей.

Игрѣ ума всегда я рада..
Умъ и въ любви необходимъ,—
Вотъ почему Алкивіада
Я другомъ выбрала своимъ.
И изо всѣхъ людскихъ вопросовъ
Одинъ лишь близокъ мнѣ вполнѣ:
«Алкивіадъ мой, мой философъ,
«Когда же ты придешь ко мнѣ?»

И это:

СЕМИРАМИДА.

О, чужестранецъ! Для ночлега
Стряхни съ сандалій дольній прахъ!..
Войди сюда! Любовь и нѣга
Въ Семирамидиныхъ садахъ.
Средь пальмъ до утренней денницы
— Уста съ устами, съ грудью грудь,—
Въ объятьяхъ пламенной царицы
Усталость странствій позабудь.
Пусть въ ощущеньѣ, сердцу новомъ,
Кружится сладко голова...
И будетъ небо намъ покровомъ,
И будетъ ложемъ намъ трава!

И это.

МЕССАЛИНА.

Ты не вождь, не тріумфаторъ,
Прославляемый толпой,
Ты лишь рослый гладіаторъ,
Реціарій молодой.
Сѣтью тоньше паутины,
Чуть замѣтною для глазъ,
Сердце рыжей Мессалины
Ты поймать съумѣлъ на часъ.
Въ грязный портъ, гдѣ лупанарій
Ждетъ разнузданныхъ гостей,
Приходи, мой реціарій,
За любовницей своей.
Позабудь, что я царица!
Безсловесною рабой
Ницъ паду я, какъ тигрица,
Укрощенная тобой
Мучь меня... Брани сильнѣе ..
Плеть со мной... Возьми и бей!
Чѣмъ объятія грубѣе,
Тѣмъ восторгъ любви острѣй!

Старые боги В. А. Мазуркевича — старыя богини!

Вспоминаются „Камеи Мея“.

В. А. Мазуркевичъ прекрасный техникъ, хотя и злоупотребляетъ порой глагольными риѳмами.

Въ его маленькой книжечкѣ много такихъ стиховъ, которые съ успѣхомъ можно читать съ эстрады.

По моему лучшее:

СУФЛЕРЪ.

Суфлеръ! Для каждаго актера
Скрытъ въ этомъ словѣ тайный смыслъ;
Суфлеръ молчитъ и безъ суфлера
Актеръ на сценѣ вялъ и кислъ.
Заговоритъ суфлеръ,—и снова
Зажжется въ сердцѣ яркій пылъ
Одушевленья молодого
И неиспользованныхъ силъ.
Опять въ сознаньѣ превосходства
Актеръ начнетъ громить порокъ,
Твердя въ порывѣ благородства
Вчера заученный урокъ.
Зажженъ восторгомъ вдохновенья,
Вступивъ опять въ свои права,
Онъ весь—высокій стремленья
И благородныя слова.
А тамъ внизу, изъ тѣсной будки,
Суфлеръ средь пыльной духоты
Ему подсказываетъ шутки,
Поступки, чувства и мечты.
Мы всѣ актеры жизни пестрой;
Необходимъ суфлеръ для насъ,
Чтобъ въ мигъ забывчивости острой
Онъ нашу честь и память спасъ.
Боясь заслуженно укора,
Ища спасенья на пути,
Мы въ рѣзкомъ шопотѣ суфлера
Опору жаждемъ обрѣсти.
И дружно ткутъ живую повѣсть
Въ одинъ затѣйливый узоръ,
Суфлеръ—сценическая Совѣсть
И Совѣсть жизненный Суфлеръ!

ПОРОСЛЬ.

Тамъ и тутъ молодость проростаетъ альманахами, которые издаются вскладчину.

Это отрадно.

Лучше „произдовать“ деньги, чѣмъ ихъ прокутитъ.

Эпиграфомъ для альманаха „Поросль“, изданнаго кавказскою молодежью въ Тифлисѣ взяты слова Овидія.

Пусть силъ и нѣтъ, желаніе похвально...

Такъ же выразительно и предисловіе взятое у С. Аксакова.

Поросль, т. е. молодой лѣсъ, пріятна на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни: онъ тонокъ и такъ бываетъ часть, что сквозь него не пройдешь.

Со временемъ большая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ рости не только въ вышину, но и въ толщину.

Въ книгѣ участвуютъ: А. Агаронянъ, Армо, І. Аріенцъ, Клара Б. Ведребисели, Г. Дараганъ, Ник. Добровъ, Ив. Дондаровъ, Лев. Кипіани, Дмитрій Медынскій, Степ. Нуровъ, А. Радике, Ник. Реулло, С. Спасскій, М. Сирота, Л. Тарасевичъ, В. Фонъ-Бадеръ.

Кое у кого изъ участниковъ есть вѣяніе таланты. Напримѣръ у Георгія Дарагана:

Ахъ давно! Это было давно такъ,
Это было одинъ только разъ.
Нѣжный взглядъ былъ такъласковъ, такъ кротокъ
Этихъ грустныхъ, задумчивыхъ глазъ.
Ахъ, по своему грустенъ былъ каждый
Въ поржавѣвшемъ осеннемъ саду.
Это было всего лишь однажды,
Я не знаю, быть можетъ, въ бреду.
Западъ тихо одѣлся зарею.
Алый отсвѣтъ ложился на садъ
И казалась она мнѣ святою
Подъ мерцаніемъ красныхъ лампадъ.
А шелка были бѣлы, такъ бѣлы,
Шелестѣли, шуршали на ней.
И ушла она тихо несмѣлой
Въ мягкій сумракъ уснувшихъ аллей.
Возникали и радость и горе,
И напѣвы родившихся грёзъ
Оттого, что въ загадочномъ взорѣ
Были капли удержанныхъ слезъ,
Ахъ давно! Это было давно такъ,
И съ тѣхъ поръ я ея не видалъ.
Ахъ, я помню былъ вечеръ такъ кротокъ
И закатъ былъ такъ грустенъ и алъ.

Ангелъ. М. Врубель.

ЧЕРТОПОКЛОННИКИ.

Страшную, жуткую, кошмарную, но безумноталантливую книгу создалъ Пименъ Карповъ:

„Пламень“.

Онъ прислалъ ее мнѣ съ надписью:

„Моему крестному литературному отцу отъ любящаго сына-автора на гласный судъ. Поймите Крутогорова и пощадите меня“.

Мнѣ радость отъ книги,—Пименъ Карповъ въ „Веснѣ“ дѣлалъ первые шаги свои.

Но никогда не зналъ, что Пименъ Карповъ—сынъ „Весны“—такой,—думалъ, что онъ прозрачный и ясный какъ его глаза, какъ его первые стиховные лепеты.

А оказался онъ сумбурнымъ, смятеннымъ, стихійнымъ, пламеннымъ богоискателемъ.

Удушливые ужасы косноязычной, косноязыческой, хлыстовствующей Загорской пустыни выкорчевываетъ онъ изъ сырой мати-земли и сгруживаетъ и нагромождаетъ...

Хлысты, чертопоклонники, злыдотники раскрываютъ свои раны,—парная кровь дымится, и хлещетъ, и обжигаетъ, и опьяняетъ...

Кликушечьимъ языкомъ радѣній зашаманиваетъ читателя Пименъ Карповъ...

Вотъ начало этой чертовдохновенной книги:

Подъ окномъ въ холодномъ огнѣ заката качали тяжелыми шапками сонно тополя, липы. Гдѣ-то у горы въ лѣсныхъ камышахъ, одинокій, плакалъ о любви коростель. Въ кельѣ плясали и ухали мужики подъ всплески струнъ.

А за плетневой, открытой настежь дверью Феофанъ, крѣпкій какъ кремень, преклонивъ передъ низкимъ дубовымъ престоломъ колѣно, читалъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ акафисты праведникамъ, переступившимъ черезъ кровь.

Шумы росли, вздымались, покрывая струны и пѣсни. У престола, въ порогѣ падали навзничь жеглыя духини. Рвали на себѣ свирѣпо, скидывали чекмени; двигали животами страстно. Потныя, трясущіяся, красныя, съ разгоряченными тѣлами мужиковъ сплетаясь емко, кликали кличъ:

— Гей, загасите солнце!... Супротивъ Сушшаго ополчитесь!... А примите муку лютую, любжу смертную!...

Недвижимо Феофанъ стоялъ на колѣняхъ передъ престоломъ, зажавъ въ костлявыхъ рукахъ черную закапанную желтымъ воскомъ книгу.

За ни подъ дубовымъ, изукрашеннымъ старою

рѣзьбою балдахиномъ, въ рамахъ малиноваго бархата висѣли надъ престоломъ отреченныя картины: праматерь Ева съ обнаженнымъ сердцемъ прободеннымъ острыми мечами, и Каинъ, въ смятеньи и ужасѣ застывшій надъ убитымъ имъ Авелемъ.

Передъ картинами горѣли лампады. Кровосмѣсительницу Еву, братоубійцу Каина и иныхъ отверженцевъ Феофанъ чтилъ, какъ истыхъ мучениковъ, прошедшихъ черезъ очистительный огонь зла и принявшихъ муки отъ духа.

Въ свѣтѣ, смѣшанномъ съ невѣрнымъ сумракомъ, голубой плавалъ по кельѣ ладанъ. Феофанъ стоналъ. А духини катались по полу, кувыркались, выли, топая пятками, такъ, что пламя лампадъ вздрагивало, колебалось и гасло. Кидались на Феофана:

— Ог-вѣ-дай нашей сестры... Охъ, грѣши... Одинъ Богъ безъ грѣха!...

Но твердъ былъ Феофанъ, хоть и жегъ сердце его острый, какъ коса смерти, искусъ.

Со взоромъ отверженнымъ и жестокимъ, съ клеймами ожоговъ на щекѣ и тучей черносѣдыхъ, взвахлаченныхъ волосъ Феофанъ весь былъ, точно глухой ночной ураганъ.

Сокаталъ духъ. Въ келью вваливались кузнецы-молотобойцы, бобыли, грабари, дровосѣки, каменотесы, побирайлы, что день-деньской по деревнямъ и лѣсамъ шатались, работали, жгли, мучили, а все, чтобъ муки отъ духа принять. Мужики язвили ихъ:

— Ага, невтерпежь?... А хто держалъ?... Не крѣпко-то заритесь. Наша любжа—пытка, не радость!...

За престоломъ въ нудѣ и страхотѣ бились духини со спутанными мокрыми волосами и мутными глазами, обожмавъ собой бородачей-мужиковъ.

А мужики емко подхватывали ихъ, изомлѣвшихъ на перегибъ. Несли къ тяжелому дубовому кресту. Распинали каждую на крестѣ, прикручивая распростертыя руки и ноги ѣдкой мокрой веревкой. Цѣловали, мучили пропятую въ кровь. Носились вкругъ креста, гудя и свистя.

— И-ихъ.. змѣи-и!... Соситя сердцо... Яри, духъ!...

Прикрутили Неонилу, духиню Феофана, сладкую и крѣпкую, какъ ядъ.

. . . .

. . . .

Передъ аналоемъ, въ огнѣ свѣчъ и лампадъ молніевзорный стоялъ Феофанъ. Молча глядѣлъ на тяжкую злыдоту, откинувъ черную. съ искрами сѣдины, тучу волосъ.

Черезъ грѣхъ, черезъ страданіе, черезъ страсть ищутъ своего бога злыдотники.

Въ ихъ душу, въ ихъ міръ, въ ихъ адъ и рай вводитъ Пименъ Карповъ...

Захватилъ не фабулой хитрозадуманной, не картинами яркосплетенными, не періодами гладко отточенными, а непокрытой безыскусственностью этихъ глыбъ живого мяса и живой земли...

Нѣтъ ни типовъ, ни героевъ, ни мыслей, ни дѣлъ,—есть только кликушествующая, хлыстовствующая душа, ищущая бога или... чорта.

Вы понимаете, что Пименъ Карповъ самъ своими глазами видѣлъ это, самъ присутствовалъ на радѣніи злыдотниковъ, на литургіи сатаны...

За монастыремъ, въ глухомъ лѣсу, въ душномъ безоконномъ скиту, обнесенномъ высокой оградой, въ полночь чистаго четверга, послѣ страстей Господнихъ, кровавую правили монахи литургію сатанѣ.

Смертно, истошно выли въ тишинѣ, взрывая безуміе и хаосъ. У черныхъ, съ черепами стѣнъ, на высокихъ желѣзныхъ подсвѣчникахъ чадили сѣрыя, топленыя изъ человѣческаго жира свѣчи... Мутная, тяжелая плавала подъ низкимъ закоптѣлымъ потолкомъ удушливая гарь.

Въ запсивѣвшемъ кругломъ придѣлѣ, передъ высѣченнымъ изъ суровца, перевернутымъ внизъ распятіемъ, на окровавленномъ каменномъ жертвенникѣ колдовскіе возжигалъ Вячеславъ ересные корни, выкрикивая свирѣпо какія-то заклинанія, ворожбы и хулы.

Изъ щелей захарканнаго грязнаго пола зачуявъ гарь человѣческаго жира и заклятыхъ, острыхъ, дурманящихъ травъ и подсухъ, глухой, истошный вой чернеца заслышавъ, выползали бурыя, покачивающіяся лѣниво змѣи. Окруживъ жертвенникъ сатаны, сцѣплялись острозелеными, сыплящими мутныя искры, глазами съ прожженнымъ взглядомъ чернеца, шипя на своего заклинателя...

А тотъ ближе и ближе подводилъ къ змѣинымъ непонятнымъ глазамъ заплеванные, сумасшедшіе свои зрачки. Каменѣлъ надъ головами кадюкъ, перекликаясь съ ними страшными молчаливыми голосами бурь и хаосовъ...

Но вотъ, зрачки Вячеслава съузились, пропали. Вѣдовской. истошный вой затихъ. Змѣи, разсыпавъ мутныя зловѣщія искры, припавъ головами къ полу, медленно поползли въ тѣсныя щели...

Изъ-за черныхъ завѣсъ, повисшихъ надъ черепами, нагую выводили Неонилу. На бурый отъ шматьевъ запекшейся крови жертвенникъ сатаны клали. Рубили, полосовали пышное ея, тугое бѣлорозовое тѣло желѣзными прутьями до кровавыхъ фонтановъ. Жгли ей сосцы горящими свѣчами. Запускали иглы подъ ногти. Зубчатыми рвали ей клещами плечи и грудь...

Безропотно и молча, лишь вздрагивая и вздыхая нѣмо, окровавленная лежала на жертвенникѣ Неонила. Терпѣливо возносила огненнымъ рѣжащимъ прутамъ страстное свое тѣло, боль и кровь свою непереносимую...

Въ маетѣ, ужасѣ и безуміи закрывъ глаза-ножи, глаза-бури, голубые бездонные омуты, надъ головами зловѣщіе вскинувъ остромья рукъ и въ жуткихъ, сладострастныхъ окаменѣвъ выгибахъ, крутились сатанаилы вокругъ жертвенника черными языками огня... Охватывали Неонилу гремящимъ смертоноснымъ буруномъ...

. . . .

. . . .

А Вячеславъ, передъ жертвенникомъ упавъ на колѣни, завылъ псомъ жуткій вой полночи:

— Хва-ла-а!..
Те-бѣ,
Ма-ти—пусты-ня—но-очь,
Ма-ти—воля...
Хва-а-ла-а...

Когда Вячеславъ и монахини притихли Неонила, дрогнувъ, со всего размаха ударила любимаго своего въ сердце. И раскинулась передъ нимъ мертво...

Встрепенулся чистый, бездыханный отрокъ подъ ножомъ, простерши руки вытянулся во весь свой юный ростъ да такъ и застылъ...

Желтый зловѣщій свѣтъ отливалъ на свѣтлыхъ кудряхъ его жженымъ золотомъ...

Безумный Вячеславъ и суглобые, чадные, зловѣще молчаливые друзья его—сатаинилы, подставивъ низкую желѣзную чашу подъ хлещущій изъ подъ отрока кровавый потокъ, собирали кровь. И выли:

— Здра-вствуй, воля безмѣрная!...

Отецъ!... Кровь тебѣ приносимъ! Сокруши, отецъ, окаяннаго!... царя рабовъ.. и свѣтъ... отецъ!... Побѣди!...

Изъ щелей бурыя выползали змѣи. Окунувъ юркія головы въ чашу, лакали кровь...

Жуткую книгу написалъ Пименъ Карповъ.

Пылаютъ страницы, синимъ дымомъ заволокло и въ дыму корчатся кошмарныя видѣнія. Тьмяному поклоняются.

Стонутъ, извиваются, бѣснуются въ сладкихъ мукахъ религіознаго садизма и мазохизма фанатики, а надъ ними измывается отецъ грѣха Гедеоновъ.

Будутъ говорить:

— Многое отъ Достоевскаго у Карпова.

— Есть и отъ Сологуба.

— И И отъ Алексѣя Ремизова.

— И отъ графа Алексѣя Толстого...

И все это не вѣрно:—ни на кого не похоже написалъ свою жуткую книгу талантливый Пименъ Карповъ.

И ни отъ кого не взялъ—ни отъ Достоевскаго, ни отъ Ремизова, ни отъ Сологуба,—а взялъ да вырвалъ изъ жизни и вѣры, изъ души и крови хлѣбородовъ...

Знали-ли вы что у насъ на Руси до сихъ поръ водятся чертопоклонники?

Пробовали-ли вы сближать ихъ радѣнія съ „литургіей сатанѣ", которая въ Парижѣ служится?

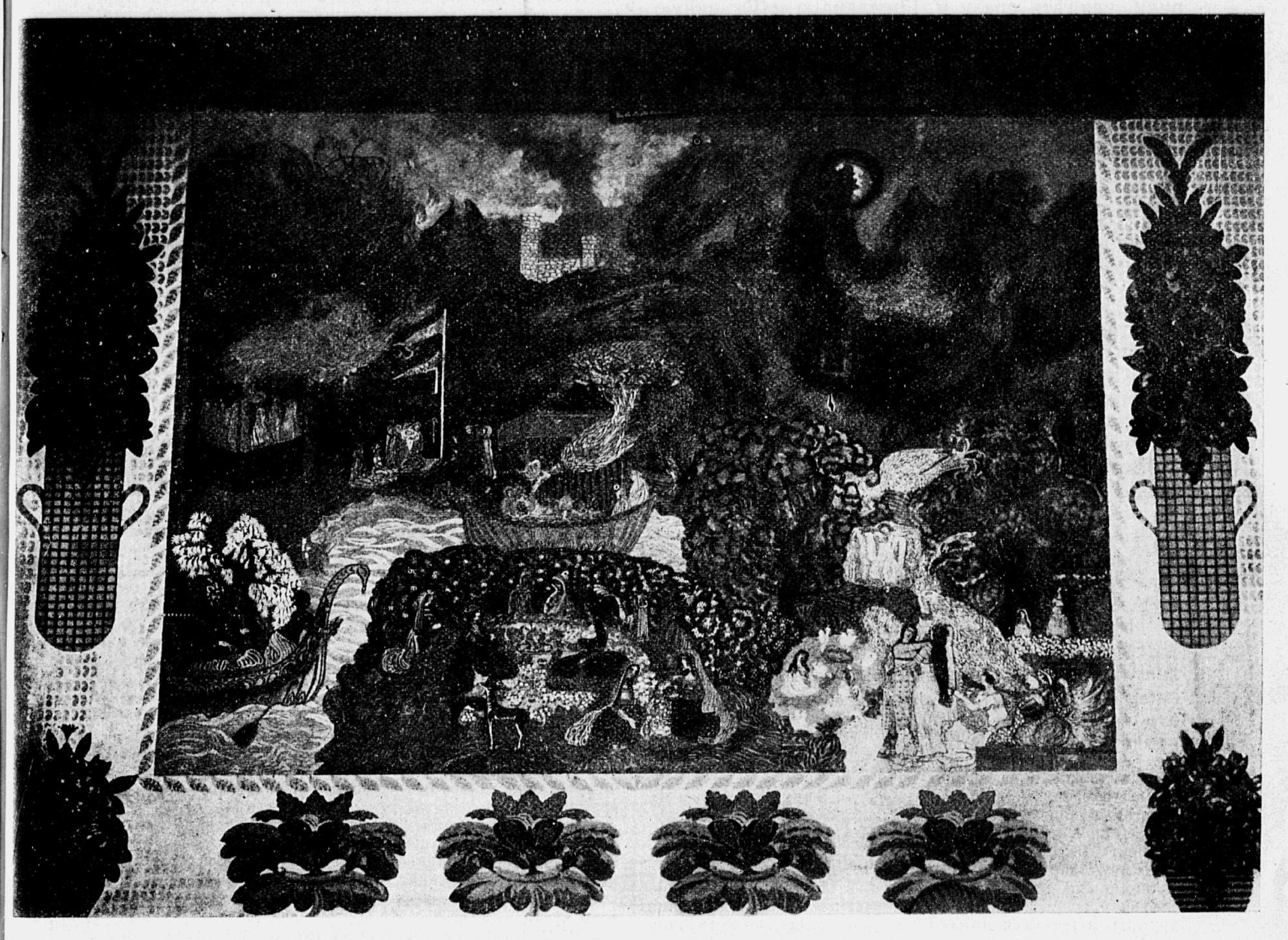
Пытались-ли вы сблизить смѣшанность ихъ души съ нашимъ богоискательствомъ?

Помните книгу „О чортѣ" Мережковскаго?

Жуткую книгу о нашихъ землеробныхъ богоискателяхъ написалъ Пименъ Карповъ.

Ищутъ бога.

А находятъ—дьявола.

Занавѣсъ для „Забавы дѣвъ". С. Ю. Судейкинъ.

Тьмы кромѣшной, ужасомъ сжимающей душу до сихъ поръ еще полны Брынскіе лѣса.

Со страхомъ отворачиваешься отъ кошмарныхъ страницъ „Пламени".

Хочешь крикнуть:

— Нѣтъ, не такъ! Это сказка, это сонъ, это галлюцинація!..

И—не можешь.

ЛУЧЕЗАРНОЙ.

Послѣ яркой вдохновенной книги—„Театръ какъ таковой" Н. Н. Евреиновъ выпускаетъ болѣе умѣренную, болѣе обдуманную и менѣе строгую—„Pro scena sua".

Если первую книгу можно было охарактеризовать тремя словами.

— Евреиновъ какъ таковой!

То эту всего лучше характеризуетъ онъ самъ:

. . . .

Трое слѣпыхъ наткнулись въ лѣсу на слона. Наткнулись съ трехъ сторонъ: спереди, сзади и сбоку. И вотъ первый, нащупавъ хоботъ, сказалъ „это змѣя"; второй, взявшись за хвостъ, сказалъ „это веревка"; третій, подошедшій сбоку, сказалъ „это стѣна".

Многіе изъ насъ, въ отношеніи величайшихъ проблемъ искусства и науки, иногда похожи на такихъ слѣпыхъ. Радуемся Колумбовой радостью, пьянѣемъ Архимедовымъ хмѣлемъ: „это змѣя!" „это веревка!" „это стѣна!"

А на самомъ дѣлѣ это слонъ.

Но вѣдь слонъ такой большой, а слѣпой человѣкъ, рядомъ съ нимъ, такой маленькій! Какъ огладить гиганта пигмейской рукой?..

И ужъ то добродѣтель, что пигмей, наткнувшись на незнакомое, не отошелъ отъ него лѣнивой походкой: „не мое, молъ, дѣло". И то добродѣтель, если онъ распозналъ въ этомъ новомъ похожее на „змѣю", или на „веревку", или на „стѣну". И ужъ большая въ томъ добродѣтель, если пигмей терпѣливо успѣлъ набрѣсти и на „змѣю", и на „веревку", и на „слона". Если-жъ упорство пигмея обведетъ его, наконецъ, вокругъ чудища со всѣхъ сторонъ и дастъ стѣну распознать въ этихъ „змѣѣ", „веревкѣ" и „стѣнѣ" слона, то тутъ ужъ и словъ для похвалы не найти.

Сразу-жъ это невозможно, какъ невозможно было самому Колумбу, въ часъ открытія Америки, увидѣть сразу и Гренландію и Огненную Землю.

. . . .

Все это я наговорилъ въ похвалу себѣ и поощреніе.

Мнѣ пріятно сознавать свое упорство и сосредоточенность. Пріятно сознавать, что къ своимъ книжкамъ я отношусь какъ къ главамъ одной большой Книги, надъ концомъ и заглавіемъ которой стоитъ пока вопросительный знакъ.

Кто читалъ меня прилежно, знаетъ, что это правда, и онъ будетъ радъ, при чтеніи этой книги, утвердиться въ своемъ мнѣніи.

Здѣсь я собралъ и привелъ въ порядокъ статьи, относящіяся, главнымъ образомъ къ *моей* практической дѣятельности и касающіяся, въ большинствѣ, той сценѣ, гдѣ я посильно служилъ радостному искусству представленія пріобрѣтенной дѣйствительности.

Вотъ почему этой книгѣ дано скромное названіе „Pro scena sua".

. . . .

Книга „Театръ какъ таковой" была нескромная книга.

И радовала своей нескромностью.

А эта—скромная.

И радуетъ скромностью.

Особенно цѣнный и радостно вспоминаетъ талантливая авторъ-сподвижникъ и сотрудникъ по сценѣ самой В. Ѳ. Комиссаржевской о драмѣ этой Лучезарной такъ скоро забытой великой артистки.

Когда на послѣднемъ, на прощальномъ спектаклѣ Драматическаго Театра я видѣлъ Вѣру Ѳедоровну въ «Норѣ», я испытывалъ жгучее чувство невыразимой грусти и злобы. Смотрѣлъ на сцену, съ которой я сроднился, слушалъ Вѣру Ѳедоровну, которую я любилъ, какъ никого изъ современныхъ артистокъ, твердо зналъ, что это прощальный спектакль, перебиралъ въ умѣ слова прощальной рѣчи, которую я долженъ былъ сказать отъ лица труппы, и все-таки никакъ не могъ понять, не могъ примириться съ той мыслью, что этотъ Театръ, Театръ имени большой русской актрисы, Театръ, въ который она вложила всю свою душу, этотъ самый дорогой мнѣ Театръ прекратитъ свое существованіе, хотя бы временно, хотя бы только на одинъ годъ.

Но вотъ начался III-ій актъ «Норы», быть можетъ одинъ изъ лучшихъ актовъ Ибсеновской драматургіи. Нора разставалась съ Гельмеромъ. И странно—эти слова прощанія Норы какъ будто вывели меня изъ моего тяжелаго оцѣпенѣнія. Я какъ-то сразу поняла, что Вѣра Ѳедоровна не можетъ здѣсь остаться, должна уѣхать отъ этой публики. Послѣднія слова прощанія Норы съ близкимъ человѣкомъ — да близкимъ и такимъ чужимъ, въ концѣ концовъ,—эти слова въ моемъ сознаніи превращались въ горькія слова къ толпѣ, которая взывала къ ней теперь съ мольбой остаться. «Мнѣ очень прискорбно, говорила Нора, вы всегда относились ко мнѣ раньше такъ дружески, такъ привѣтливо, но... я не люблю васъ больше!.. и вы никогда не любили меня. Вамъ только доставляло удовольствіе быть въ меня влюбленнымъ»... — «Развѣ это неправда?.. Дома, у отца, со мной обращались какъ маленькой куклой, здѣсь — какъ съ большой»... «Когда я теперь думаю о своемъ прошломъ, мнѣ кажется, что я жила здѣсь, какъ бѣднякъ, обязанный забавлять пріютившаго его господина». «Прощайте!.. То, что принадлежитъ мнѣ, я возьму съ собою. Отъ васъ я не желаю получать ничего—ни теперь, ни послѣ. Я не принимаю отъ чужихъ ничего». «Я оставляю васъ, такъ какъ знаю, что для меня это необходимо».

«Нора! Нора!» закричалъ Гельмеръ словно отъ имени толпы, переполнившей театръ. «Пусто!.. Нѣтъ ея»...

Она ушла. Она сказала наболѣвшую правду и ушла навсегда. — Когда послѣ финальнаго акта ей говорили длинныя и трогательныя рѣчи, она кланялась, благодарила, но ничего существеннаго не прибавила къ прощальнымъ словамъ Норы.

И какъ Нора не нашла силъ остаться хотя бы ради дѣтей, любимыхъ ею и лыбившихъ ее, такъ и Коммиссаржеская не могла остаться хотя бы ради той молодежи, которая дѣйствительно любила ее, не мудрствуя лукаво, любила просто. безъ всякой примѣси буржуазной сентиментальности, свойственной господамъ Гельмерамъ. Ей было слишкомъ тяжело. Имѣть общеніе съ господиномъ Гельмеромъ ради дѣтей... О! «цѣлыхъ восемь лѣтъ я протерпѣла эту муку», сказала Нора-Коммисаржевская. «Прощайте». И Нора, и Коммиссаржевская—каждая по своему, совершенно различно, но обѣ во имя высшаго блага—поступили вопреки коснымъ мнѣніямъ толпы и обѣ въ критическій моментъ не получили той подержки, на которую имѣли право разсчитывать.

Если-бъ Вѣра Ѳедоровна, вмѣсто того, чтобы броситься въ бурное море исканій, спокойно продолжала свою работу на тихомъ берегу бытовой драмы, толпа осталась бы ей вѣрна, здоровье ея нерастраченнымъ, деньги пріумноженными.

Но она ушла изъ Александринки, она не приняла условій Малаго Театра, отреклась отъ рутины, отъ устарѣвшаго быта, разсталась со всѣмъ. что было дорого толпѣ консервативныхъ Гельмеровъ. И вмѣсто стараго, такого «вѣрнаго», понятнаго, привычнаго искусства, она вдругъ предпочла то новое, что словно жупелъ пугаетъ и смѣшитъ нечуткихъ и необразованныхъ. Ибсенъ, Метерлинкъ, Цшибышевскій Габріель д'Аннунціо, Гуго фонъ-Гофмансталь. Оскаръ Уайльдъ, Ѳедоръ Сологубъ, Алексндръ Блокъ и Леонидъ Андреевъ—вотъ драматурги, исканіямъ которыхъ она привѣтливо открыла врата своей сцены, отдавъ на помощь имъ свой мощный и плѣнительный талантъ. Художниками-декораторами ея душа избрала Бакста, Александра Бенуа, Добужинскаго, Денисова, Судейкина, Сапунова, Анисфельда и Калмакова, словомъ, всѣхъ тѣхъ, молодыхъ и дерзкихъ, кого толпа зоветъ упорно декадентами. Измѣнивъ старой режиссурѣ съ ея просторомъ для личныхъ прихотей актера, она отдала свой талантъ во власть тѣхъ режиссеровъ-новаторовъ, которые, худы ли они, хороши-ли, но домогались новаго и создавали спектакль, проникнутый единствомъ исполенія.

Она нашла въ себѣ достаточно воли, чтобы подчинить свой геній новой дисциплинѣ, и тѣмъ явила, между прочимъ, примѣръ исключительнаго уваженія къ исканіямъ другихъ.

Всѣмъ этимъ она измѣнила толпѣ, измѣнила ея вкусамъ, привычкамъ, бросила ей дерзкій вызовъ и... была за то наказана равнодушіемъ къ ея «декадентскому» искусству.—Толпѣ некогда разбираться, кто правъ въ коиечномъ результатѣ;—ея лозунгъ: «кто не съ нами, тотъ противъ насъ».

В. Ѳ. Коммиссаржевская освѣтила свѣточемъ своего таланта и освятила правдою своей души тѣ пути исканія прекраснаго къ которымъ зоркіе изъ насъ такъ страстно и такъ непреклонно тяготѣли, задыхаясь въ пошлостяхъ натурализма.

Ея участіе въ «революціи искусства» было глубоко важно по своей авторитетности.

Вѣдь если неоперившійся новаторъ вѣщаетъ новый лозунгъ,—толпа не встрепенется, не задумается и не обратитъ вниманія, полуглухая къ дѣтской правдѣ и ребяческимъ капризамъ. И точно также, если зрѣлый мужъ, ничѣмъ себя не заявившій въ глазахь толпы, изречетъ правду, противуположную «правдѣ» толпы,—она нисколько не смутится, принявъ парадоксальное за непремѣнно ложное, за заблужденіе въ лучшемъ случаѣ и за кривляніе—въ худшемъ.

Но здѣсь за новое искусство раздалось слово не ребенка, не неизвѣстнаго «оригинала», а знаменитой и прославленной артистки, той самой, предъ которой даже талантъ Савиной, огромный талантъ Савиной, тускнѣлъ, подчасъ терялъ свой ароматъ, казался многимъ скучнымъ, вдоль и поперекъ извѣданнымъ, а кое-кому и до смѣшного старомоднымъ. — Заговорила Вѣра Ѳедоровна Коммиссаржевская! Сама Коммиссаржевская!

О! если толпа любитъ новенькое, это не значитъ, чтобъ она прощала безнаказанно «глумленіе» надъ своимъ «истиннымъ искусствомъ». Толпа забастовала. Возникъ какой-то tacitus consensus, въ силу котораго «благоразумные» и «правовѣрные» не стали посѣщать театра новой драмы, новой режиссуры, новой сценической дисциплины. Начался какой то нелѣпый, непонятный, возмутительный бойкотъ... Прекрасная душа несла толпѣ цвѣты своихъ стремленій...—толпа смѣялась. Свободный умъ дарилъ толпѣ свои раздумья...—толпа съ презрѣніемъ отвергла даръ. Большое сердце на глазахъ толпы точилось кровью..—толпа не тронулась,—не вѣрила, отвѣтила насмѣшкой, отвернулась... И пресса уличныхъ газетъ вмѣстѣ съ солиднымъ «Новымъ Временемъ» поддерживала этотъ черносотенный бойкотъ позорнѣйшими разсужденіями о «начинаніяхъ г-жи Коммиссаржевской». То, что писалъ о ея дѣлѣ, напримѣръ, Юрій Бѣляевъ, просто-напросто неповторимо по своей безграмотности, грубости и абсурдности. А вѣдь извѣстно, что наша богатая «интеллигентная» публика учится музыкѣ у М. М. Иванова, литературѣ у Бухенина, живописи у Кравченко и сценическому искусству у Юрія Бѣляева! «Новое Время» въ своемъ родѣ «академія изящныхъ искусствъ» для нашей буржуазіи. И вотъ эта «академія» сдѣлала, разумѣется, все возможное, чтобъ оттянуть простодушныхъ отъ театра на Офицерской въ театръ на Фонтанкѣ, гдѣ гг. Суворины отлично знаютъ, что нужно «представлять» толпѣ и какъ «представлять». О другихъ газеткахъ, гдѣ долгое время путали стилизацію со стерилизаціей, и говорить не стоитъ: имъ самъ Богъ велѣлъ.

Побѣда осталась на сторонѣ большинства: Театръ Исканій Вѣры Ѳедоровны Коммиссаржевской, несмотря на дружную работу ея сотрудниковъ, несмотря на изысканный репертуаръ, участіе лучшихъ художественныхъ силъ, творческій геній артистки и огромныя деньги, затраченныя на предпріятіе, этотъ, несмотря на всѣ свои недочеты, примѣрный въ исторіи сценическаго искусства Театръ былъ обреченъ на голодную смерть.

И она уѣхала отъ этой неблагодарной толпы, уѣхала бросивъ ей со сцены горькія слова прекрасной и неоцѣненной Норы.

Долго и горько плакала она, разставаясь съ близкими. Вѣдь ее прогнали! ей не дали жить Ее заставили уѣхать! Да, ее прогнали!..

Усталая, она пыталась расправить надломленныя крылья въ провинціи, но видимо терпѣніе ея было въ конецъ истощено, а силы надорваны. И быть можетъ достаточно было одной безтактной рецензіи провинціальнаго хулигана, одной какой-нибудь неловкости, случайности, чтобы она, уже измученная и затравленная, рѣшила разстаться со сценой и «театръересталъ ей казаться нужнымъ»...

Надо знать Коммиссаржевскую, чтобъ понять, какихъ трудовъ, какой борьбы, какой муки стоили ей слова отреченія отъ сцены.

И какъ-бы боясь за силу ея воли, чрезмѣрно уступчивой къ мольбамъ твоихъ близкихъ, безжалостная въ своей мудрости и справедливости судьба послала Ангела Смерти, который подчеркнулъ слова ея отреченія черной чертой. Она умерла. Юріи Бѣляевы могутъ успокоиться: имъ ужъ не будетъ теперь досаждать своею «декадентщиной» артистка, которой они нѣкогда поклонялись, какъ богинѣ.

О, заблужденіе!—они приняли ее тогда за свою, «бытовую», безсильные угадать подъ старинной личиной новый ликъ свободнаго искусства.

Она умерла... и ничто не дрогнуло въ русскомъ театрѣ, ничто въ немъ не оборвалось. Напротивъ! ко дню ея похоронъ нашъ театръ словно пріосанился:—черезъ нѣсколько часовъ послѣ траурной процессіи премьерша Малаго театра помпезно справила свой бенефисъ, въ день похоронъ артисты веселились на балу «Сатирикона», черезъ три дня премьерша изъ премьершъ Александринки публично праздновала юбилей, а черезъ полторы недѣли въ театрѣ имени покойной, тамъ, гдѣ, мнѣ кажется, витаетъ еще скорбный духъ ея, началась разухабистая оперетка Брянскаго...

Преступная толпа!—на ея совѣсти великій, тяжкій грѣхъ! и этотъ грѣхъ не искупить ей своими грошевыми вѣнками!.. Коммиссаржевская не первая. Припомнимъ, скольких при жизни не признала толпа, ее облагодѣтельствовавшихъ! скольким пос лала терніи!..—Поистинѣ не стоитъ жить тамъ, гдѣ смрадное дыханіе толпы гаситъ священные огни, гдѣ она равнодушно топчетъ ослиными копытами чудесные ростки творческой жизни! Поистинѣ хорошо уйти отъ толпы...

Но тѣнь Коммиссаржевской можетъ успокоиться—ея завѣты живы, а ее трагическая смерть разожгла во многихъ такой огонь, такое рвеніе, что рано или поздно она будетъ отомщена.

Въ этой цитатѣ мнѣ хотѣлось-бы протестовать противъ словъ о Юріи Бѣляевѣ.

Правда онъ не понялъ Коммиссаржевской, не нашелъ ея, но уже самая страстность его протеста показываетъ какъ волновала его судьба великой артистки.

Ю. Бѣляевъ любитъ театръ, знаетъ театръ.

Въ особенности русскій, старинный.

Его идеалъ позади.

Но и вообще идеалъ русскаго театра позади.

Коммиссаржевская насаждала не русскій, а европейскій театръ.

Бѣляевъ-же націоналистъ, позитивистъ въ искусствѣ.

Можно не любить его, но не считаться съ нимъ нельзя.

Онъ на голову выше многихъ, которые прикрываясь модными словечками, въ сущности не любятъ и не знаютъ театра.

Кто страстенъ, тотъ можетъ быть и пристрастенъ.

Въ нашемъ театрѣ политики больше, чѣмъ въ Государственной Думѣ.

Есть не только свои октябристы, кадеты, эсдеки но и эс-эры.

И въ каждой партіи есть еще и большевики и меньшевики.

Я лично тянусь душой къ новому театру.

Но люблю и старую гвардію и не признавать брюзжаній Юрія Бѣляева молодежи не совѣтую.

Но за то я совѣтую отъ души слѣдить за лучезарными причудами талантливаго и молодого Н. Н. Евреинова.

Прекрасныя книжки Н. Н. Евреинова—„Театръ какъ таковой" и „Pro scena sua" рекомендую весенней аудиторіи.

Въ нихъ отталкиваетъ только наружность:—обложки ихъ размалеваны пріятелями Н. Н. Евреинова такъ же неумно, какъ неумно размалевываютъ другъ другу лица пріятели футуристы.

БЕЗУМЦЫ.

Безумія не существуетъ.

Есть только люди не удобные для общежитія потому что они или ниже ординара или выше ординара.

Этихъ-то чуждыхъ намъ, ординарнымъ людямъ ординарные люди и зовутъ безумцами.

Ихъ то и сажали сперва на костеръ и крестъ, потомъ въ тюрьму и застѣнокъ, а теперь въ дома умалишенныхъ.

Слова Христа: „кто скажетъ брату своему *рака* подлежитъ синедріону, а кто скажетъ *безумный* подлежитъ геенѣ огненной" (Матѳ. 5, 22)—забыты.

Синедріонъ психіатровъ говоритъ брату *безумный* и садитъ его въ геену огненную душевной темницы.

Не всегда и не вездѣ безумныхъ гнали.

Въ стародавніе времена ихъ признавали за пророковъ и святыхъ.

На Мадагаскарѣ, Явѣ, Суматрѣ, островѣ Товарищества и св. Георга и сейчасъ ихъ считаютъ одержимыми богомъ.

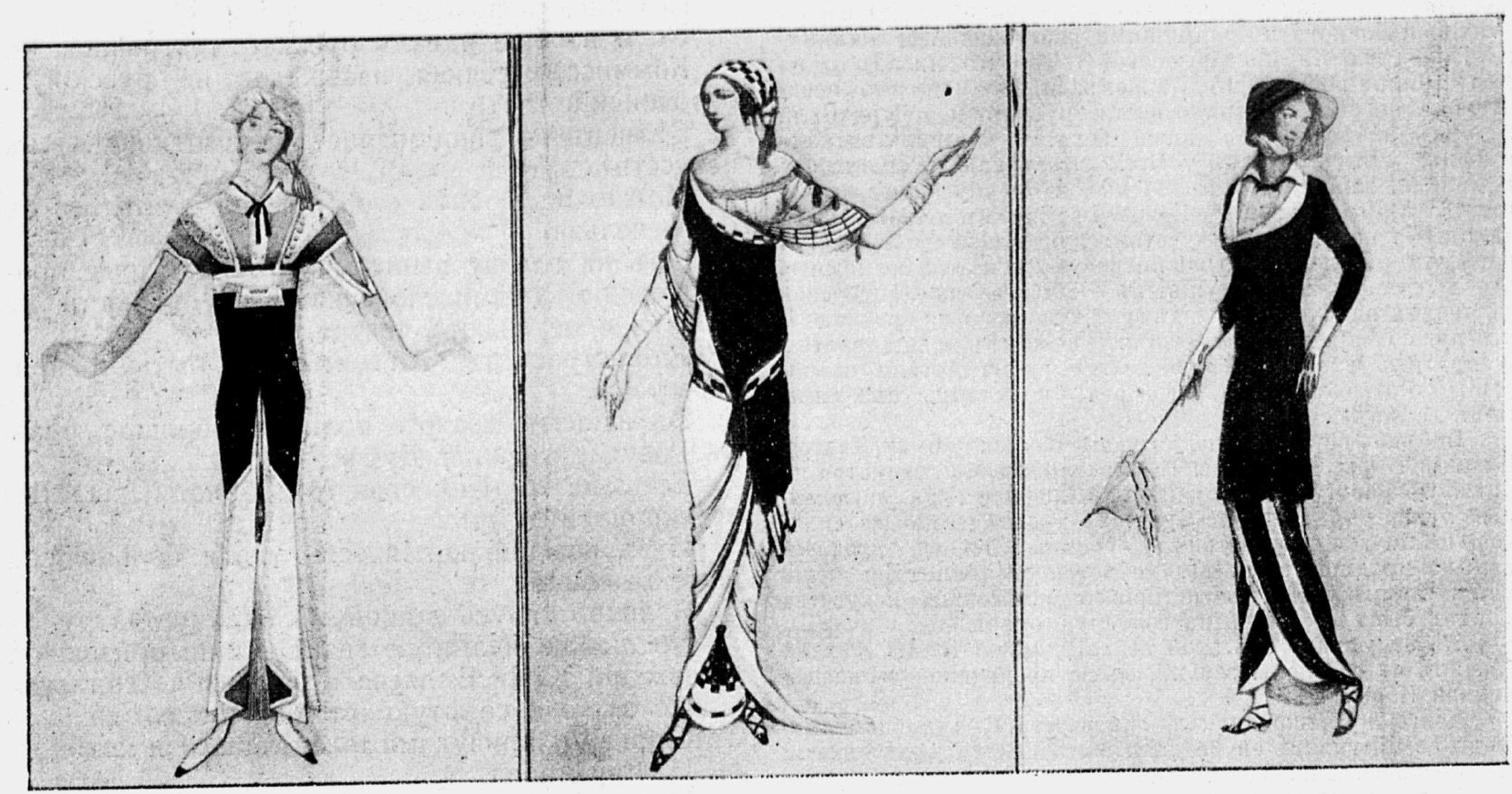
Барбары, турки, мусульмане Средней Азіи, абиссинцы, негры, сѣверо-американскіе индѣйцы, намаганцы, перуанцы видятъ въ безуміи проявленія божества.

Другіе народы считаютъ безумныхъ одержимыми бѣсомъ.

Русскій народъ называетъ ихъ то *блаженными*, т. е. одержимыми богомъ, то *кликушами*, т. е. одержимыми бѣсомъ.

Борьба съ безуміемъ началась въ XIII в.—запылали костры и три вѣка пылали.

Стильные костюмы Леона Бакста

Изасъ. Альціона. Іоланта.

Около десяти милліоновъ (10.000,000) безумцевъ было сожжено святѣйшей инквизиціей.

Теперь мы видимъ, что настоящіе безумцы были не на кострѣ, а у костра.

Мудрецы же — Аристотель, Демократъ, Платонъ, Паскаль, Шопенгауэръ, Маудслей, философы, поэты причисляли геніевъ къ безумцамъ, а безумцевъ къ геніямъ.

Каждый человѣкъ треть жизни проводитъ въ безуміи.

Когда спитъ.

„На чемъ основано утвержденіе, что сонъ— явленіе нормальнаго порядка, а сомнамбулизмъ, галлюцинація и т. п.—патологическаго?"

У якутовъ „меряченіе" считается нормальнымъ явленіемъ, и если бы кто-нибудь въ Петербургѣ замерячилъ, онъ попалъ бы на 11 ую версту.

Все относительно, все условно дѣйствительность и сказка, сонъ и жизнь, геніальность и безуміе.

Въ чемъ цѣнность безумія?

Безуміе—возмездіе за попраніе правъ природы.

Было бы непроизводительной тратой времени пытаться объяснить - результатомъ какихъ, именно, нарушенныхъ законовъ природы явилось то или иное мучительное состояніе.

Но путемъ анализа, не трудно придти къ выводу, что мучительныя проявленія душевныхъ состояній не только въ безуміи, но и въ повседневной жизни, являются результатомъ какихъ-либо нарушенныхъ законовъ природы. Личное же страданіе каждаго одержимаго мучительнымъ душевнымъ состояніемъ, является справедливымъ актомъ возмездія за нарушенія законовъ природы.

Но кого же наказываетъ природа за нарушеніе законовъ? Развѣ сами несчастные безумцы виноваты?

Итакъ, признавая, что въ природѣ существуетъ актъ возмездія за нарушеніе законовъ природы, невольно возникаетъ вопросъ: является-ли подобный актъ возмездія высшей справедливостью по отношенію къ тѣмъ, кто за грѣхи своихъ производителей расплачивается безуміемъ, не будучи самъ лично нарушителемъ законовъ природы.

На этотъ вопросъ не трудно дать положительный отвѣтъ, если признать (какъ я это и сдѣлалъ раньше), что безумцы, низшаго порядка не только не могутъ испытывать нравственныхъ страданій, но не могутъ и омрачить своего душевнаго покоя сознаніемъ своего з..а.

Въ томъ и сущность возмездія, что оно наказываетъ, будто бы, производителей.

Смотрятъ они на свое потомство и каются.

А потомки сами по себѣ не сознаютъ тяжести наказанія.

Ибо безумцы не сознаютъ безумія.

Что же касается страданій тѣхъ, у которыхъ страданіе является не возмездіемъ за нарушеніе законовъ природы, а лишь результатомъ ихъ нервной и чувствительной психо-физической организаціи, то и въ этомъ случаѣ высшая справедливость природы выражается въ томъ, что она избавляетъ человѣка отъ страданій путемъ того безумія, которое по своему переживанію служитъ наград й одержимому такимъ безуміемъ

Такъ, напр., когда въ жизни, въ кругу подобныхъ себѣ, мы видимъ, какъ наиболѣе хрупкіе и нѣжные люди надаютъ въ борьбѣ за существованіе, видимъ, какъ невыразимое горе коснулось ихъ и пахнуло имъ въ душу ужасомъ жизни, превышающимъ ихъ силы,—мы видимъ, какъ безуміе накладываетъ свою печать на одержимаго неимовѣрнымъ страданіемъ и уноситъ его въ иной міръ, гдѣ плачъ смѣняется смѣхомъ, тоска—радостью и ужасъ—удивительнымъ безразличіемъ къ той жизни, которая дала лишь однѣ страданія.

Итакъ, для производителей безуміе произведенныхъ является наказаніемъ.

А для произведенныхъ... наградой.

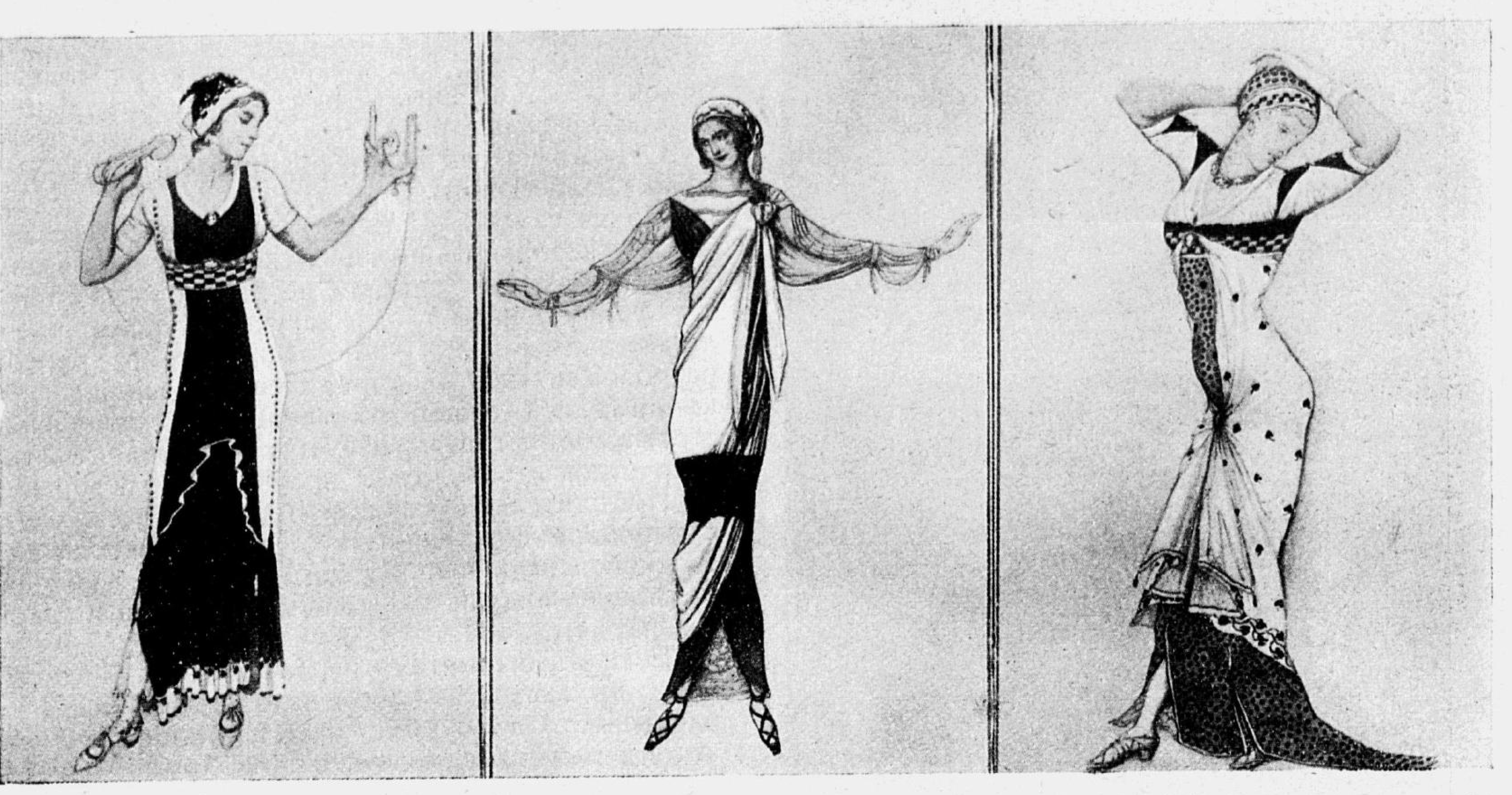
Disputandum est..

МАСКИ.

Третій номеръ театральнаго ежемѣсячника „Маски" испорченъ статьей невѣдомаго московскаго критика Евгенія Гнуста о Вилли Ферреро.

Еще никогда, кажется, массовая музыкальная критика не выносила такого единодушнаго приговора, не высказывалась такъ опредѣленно отрицательно, какъ она

Стильные костюмы Леона Бакста.

Аталанта. Селена. Аглая.

сдѣлала это по поводу выступленія восьмилѣтняго Ферреро въ качествѣ дирижера симфоническаго концерта.

Кто знаетъ о существующемъ среди отдѣльныхъ членовъ московской критики различіи музык льныхъ взглядовъ и убѣжденій, тотъ не можетъ не признать единодушнаго сужденія ея о Ферреро въ высокой степени безпристрастнымъ, а потому и глубоко авторитетнымъ.

Вотъ это-то единодушное безпристрастное сужденіе лицъ компетентныхъ вызвало вдругъ, совершенно неожиданно, протестъ и негодованіе, какъ со стороны нѣкоторыхъ музыкантовъ, такъ и лицъ, къ музыкальному искусству ни съ какой стороны непричастныхъ.

Если бы протестъ этотъ исходилъ только отъ этой послѣдней группы лицъ, ни съ какого боку къ музыкѣ и музыкальному искусству не имѣющихъ касательства, то на него можно было бы совершенно не реагировать.

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если нѣкоторые не видятъ въ музыкальной критикѣ никакого авторитета, легкомысленно, чтобы не сказать болѣе, называя ее „Неуважай-Корытами", то поступаютъ весьма неосторожно, рискуя тѣмъ, что названіе это съ значительно большимъ правомъ можетъ быть примѣнено въ данномъ случаѣ къ нимъ самимъ, чѣмъ къ московской музыкальной критикѣ.

По мнѣнію г. Гнуста мудра московская критика, а Глазуновъ, Цезарь Кюи—(старикъ плакалъ на концертахъ Ферреро отъ восторга), Ауэръ, Никишъ, Рахманиновъ, Сафоновъ гр. Шереметевъ—всѣ петербургскіе критики одурачены бывшимъ клоуномъ—отцомъ Вилли.

Махать палочкой. по наслышкѣ, въ десятый, двадцатый разъ исполняя одно и то-же сочиненіе, еще не значитъ быть музыкантомъ, а тѣмъ болѣе геніальнымъ.

Несомнѣнно, Вилли Ферреро—одаренный отъ природы большой музыкальной памятью, слухомъ и ритмическимъ чутьемъ. Данныя эти были подмѣчены предпріимчивыми родителями и геніально ими использованы. Мальчика выдрессировали и повели на эстраду.

Всѣ его движенія явно заучены; всѣ они разсчитаны (конечно не имъ самимъ, а тѣми, кто дрессировалъ) на эффектъ у широкой публики; одно только упустили изъ виду: не слѣдуетъ биссировать одного и того-же музыкальнаго номера,—черезчуръ ужъ ясной дѣлается даже для всякаго не музыканта эта дрессировка. Непонятное становится до очевидности понятнымъ.

Самое размѣщеніе оркестра придумано тоже для достиженія наибольшаго внѣшняго эффекта подъ тѣмъ предлогомъ, якобы Ферреро такъ привыкъ.

Но спрашивается, когда-же и гдѣ онъ могъ привыкнуть къ такому размѣщенію?

Вѣдь такого примитивно грубаго распредѣленія оркестровыхъ группъ вообще не существуетъ; значитъ, оно придумано спеціально для Ферреро, а слѣдовательно—не онъ привыкъ, а его пріучили.

Все это приводитъ къ глубокому убѣжденію, что мы имѣемъ дѣло не съ геніальнымъ дирижеромъ а съ геніальными родителями дирижера, умѣющими ловко, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко, эксплоатировать природную музыкальность своего ребенка.

Совершенно такъ-же, какъ г. Гнустъ, думаетъ и клоунъ Дуровъ.

А по моему Вилли Ферреро это—чудо.

Это такое же чудо, какъ Ѳеодоръ Шаляпинъ.

Въ самомъ дѣлѣ какое изъ двухъ чудесъ чудеснѣе?

То ли чудо, когда восходитъ на сцену этотъ ребенокъ только что тянувшійся къ куклѣ, только что полный самой наивной дѣтской щебетни, и вдругъ выростаетъ на цѣлую голову, вдругъ переростаетъ весь этотъ взрослый, кичащійся своею музыкальностью, скептически настроенный залъ...

То ли чудо, когда выходитъ на сцену этотъ нелѣпый, нескладный, съ мужицкой рѣчью и повадкой дѣтина и сразу выростаетъ на голову, сразу переростаетъ всѣхъ и чаруетъ всѣхъ и голосомъ и повадкою, и осанкою, и тонкостью самыхъ аристократическихъ пониманій...

А сошелъ Вилли со сцены,—и опять ребенокъ, и весь міръ для него въ игрушкѣ и нѣтъ конца ребячествамъ его...

А сошелъ Шаляпинъ со сцены,—и опять черноземный мужиковатый парень съ мужицкими словами на устахъ, съ нескладными поступками, о которыхъ какъ о досадныхъ анекдотахъ твердятъ газеты,—тамъ подрался, тамъ поругался, тамъ...

И не поймешь которое изъ двухъ чудесъ чудеснѣе...

„Зима“. Энгр.

Буриме.

1.

Буриме—одна изъ очаровательныхъ головоломокъ, оставленныхъ намъ въ наслѣдіе отъ изящныхъ салоновъ XVII и XVIII вѣковъ.

Отцомъ ея считается французскій поэтъ XVII вѣка Дюло (Dulot).

Но на самомъ дѣлѣ онъ лишь воскреситель забавы, которая своимъ происхожденіемъ обязана, какъ и шахматы, едва ли не древнему востоку.

Сущность игры не сложна: участвующимъ предлагается нѣсколько (чаще всего восемь) риѳмъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. и къ нимъ къ этимъ риѳмованнымъ кончикамъ строкъ (bouts-rimés) требуется присочинить начало строкъ такъ, чтобы получить стихотвореніе.

Побѣдителемъ является тотъ, кто всего удачнѣе поборетъ техническія сложности версификаторской задачи и кромѣ того объединитъ единою мыслью по виду не имѣющія между собой никакой связи риѳмы.

Если въ шахматахъ игрокъ имѣетъ возможность выказать свой умъ, находчивость и темпераментъ, то въ буриме кромѣ достоинствъ ума игрокъ можетъ выказать и всѣ другія одаренности талантливой натуры.

И вдохновенность, и изящный вкусъ, и знаніе языка, и слухъ, и чуткость воображенія, которое на основаніи ассоціаціи идей, вспыхиваетъ и калейдоскопится.

2.

Буриме не только одна изъ остроумнѣйшихъ игръ ума,—это игра и психическихъ капиталовъ участниковъ.

Ею очень увлекались во времена Александра Дюма.

Этотъ знаменитый писатель впервые устроилъ публичныя состязанія въ буриме.

На конкурсѣ участвовало свыше 350 буримеровъ.

Результатъ состязанія былъ напечатанъ отдѣльной книгой.

3.

Въ Россіи честь воскрешенія этой забытой игры въ громадныхъ размѣрахъ выпала на долю распространеннѣйшаго художественнаго еженедѣльника «Солнце Россіи».

Мною въ этомъ журналѣ было устроено семь конкурсовъ, встрѣченныхъ публикой съ неожиданнымъ вниманіемъ.

Участіе въ нихъ приняло около 1500 стихотворцевъ.

Видно было, что участвуютъ не ради премій (картинъ) предложенныхъ редакціей за лучшее разрѣшеніе, а изъ любви къ искусству.

Совершенно неожиданно выявилось нѣсколько талантливѣйшихъ искусниковъ, которые разрѣшили трудную задачу съ легкостью необычайной.

Выяснилось также, что въ Россіи въ наше мирное время, притаилось по городамъ и весямъ невѣроятное количество стихотворцевъ—цѣлая армада, готовая выступить въ походъ по первому знаку полководца.

Старики, дѣти, мужчины, женщины, образованные, необразованые, аристократы мысли, и грубые мужланы, счастливые и несчастливые,—всѣ рвутся къ стиху.

Всѣ хотятъ писать стихи.

И—что особенно неожиданно—многіе прекрасно овладѣли версификаціей.

Въ еженедѣльникѣ „Солнце Россіи“ конечно нельзя было использовать тотъ богатѣйшій матеріалъ, который далъ конкурсъ.

Были использованы только лучшіе (по десятку) отвѣты.

Между тѣмъ поучительны не только лучшіе, но и средніе и даже худшіе.

4.

Поучительно и драгоцѣнно для филолога и психолога собраніе всѣхъ этихъ стихотвореній. во всей цѣлокупности.

Это богатѣйшій матеріалъ для ученаго изслѣдованія по вопросу объ ассоціаціи идей.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ одинаковыя слова, въ одинаковомъ порядкѣ падая на сознаніе различныхъ субъектовъ, вызываютъ совершенно различныя представленія и производятъ совершенно различныя впечатлѣнія.

Для ученаго, который желалъ бы серьезно воспользоваться собраннымъ у меня богатѣйшимъ количествомъ буриме, мой кабинетъ всегда къ услугамъ.

Для филолога чрезвычайно поучительна моя коллекція тѣмъ, что даетъ возможность оцѣнить гибкость русскаго языка вообще и тоническаго стиха въ частности.

Пишетъ въ большинствѣ случаевъ молодежь, которую обвиняютъ въ незнаніи русскаго языка.

Между тѣмъ на повѣрку оказывается, что большинство не только знаетъ русскій языкъ; но и чувствуетъ красоту его и умѣетъ жонглировать синонимами и въ строгихъ рамкахъ дозволенныхъ метромъ дѣлаетъ такъ, чтобы словамъ было тѣсно,—мысли—просторно.

5.

На страницахъ „Весны“ я хочу отвести много мѣста всякимъ играмъ ума—этому красивому спорту—и въ особенности буриме.

Аудиторія „Весны“ —почва еще болѣе удобная и угодная,—она молода, чутка, бодра, отзывчива и безкорыстна,

Въ видѣ преміи за лушее исполненіе стихотворныхъ задачъ „Весны“ будетъ предложено званіе *Король стихотворцевъ*.

Въ Парижѣ чуть-ли не каждая свободная профессія выбираетъ себѣ короля или королеву,

Есть король поэтовъ, есть король художниковъ, есть королева мидинетокъ и даже прачекъ.

Заслужить почетный титулъ короля стихотворцевъ—не легкая задача: надо сумѣть разрѣшить всѣ 12 стихотворныхъ головоломокъ, которыя будутъ послѣдовательно помѣщаться въ 12 книжкахъ “Весны“ за этотъ годъ начиная съ этого номера журнала,

6.

Но прежде чѣмъ перейти къ конкурсамъ „Весны“ я хочу похвастаться результатами, которыя добыты журналомъ „Солнце Россіи“.

Они говорятъ не только о необычайной популярности этого журнала, но и о невѣроятной

„Весна“. Энгръ.

„Лѣто". Энгръ.

отзывчивости русской аудиторіи на всякое литературное, изящное развлеченіе.

Размѣры „Солнца Россіи и исключительный характеръ темы не позволили-бы огласить эти итоги во всей содержательной полнотѣ на страницахъ еженедѣльника.

„Веснѣ" же это сподручно.

7.

Первый конкурсъ-буриме „Солнце Россіи" превзошелъ мои ожиданія.

Получено 257 отвѣтовъ.

Несмотря на умышленную безсвязность заданныхъ мною риѳмъ, (*ядомъ, платы, рядомъ, латы, баринъ, лапоть, янтаренъ, капать*), громадное больш..нство авторовъ сумѣло связать ихъ, осмыслить и воодушевить.

При этомъ разнымъ версификаторамъ представлялись разные пути разрѣшенія стихотворной задачи: есть и ямбы, и хореи, и дактили, и анапесты, и амфибрахій.

Со стороны содержанія отвѣтовъ—изумительный просторъ разнообразія: однимъ рисуется политическая картина, другимъ—жанровая сцена, третьимъ—любовный сюжетъ и т. д.

Однихъ риѳмы побуждаютъ къ веселой шуткѣ, другихъ—къ пессимистическому размышленію, третьихъ—къ жизнерадостной идилліи, четвертыхъ—къ самоубійственной драмѣ.

Нѣсколько авторовъ не удовольствовались однимъ рѣшеніемъ задачи и прислали по нѣсколько варіантовъ.

Чрезвычайное остроумное и блестящее по формѣ рѣшеніе прислалъ *Вл. Платоновъ*.

Но, къ сожалѣнію, оно, по цензурнымъ соображеніямъ, напечатано быть не можетъ. Великолѣпные по звучности и осмысленности стихи—отвѣты прислали г. *Олегъ Леонидовъ* (Москва) и г. *Александръ Бирюковъ* (Москва), но по тѣмъ же причинамъ стихи ихъ не могутъ быть напечатаны.

Изъ остальныхъ стихотвореній технически наиболѣе удачными, т. е. такими, гдѣ менѣе чувствуется притянутость содержанія къ заданнымъ рифмамъ, являются слѣдующія:

НЕПРЕКЛОННАЯ.

Стращалъ онъ не разъ ее ядомъ,
Сулилъ онъ ей щедрыя платы,
Манилъ и шикарнымъ нарядомъ,
Роскошны казалъ ей палаты.
— Соблазну-то сколько, мой баринъ,
Милѣй-же мнѣ дѣвичій лапоть!—
И слезы, ихъ блескъ такъ янтаренъ,
Съ глазъ дѣвушки начали капать...

В. В. Горшковъ.

ДЛЯ ВСѢХЪ И НИЧЬЯ.

Заласкала меня, привязала къ себѣ, одурманила ядомъ
Ты загадка всегда—не пойму: какъ за чувство ты требуешь платы..
И любовь, и торговля собой у тебя умѣщаются рядомъ?!
Ѣсть и жить ты должна, быть красивой всегда и невольно, какъ въ латы,
Запираешь ты чувство свое! Подходи и бери: будь хоть баринъ,
Хоть мужикъ, не страшны, вѣдь, тебѣ ни бараньи тулупы, ни лапоть...
Ты—«продажная тварь»... О, не слушай—вотъ кубокъ игристъ и янтаренъ,
Но въ разгулѣ при всѣхъ—плачь душой, а слезамъ не давай воли капать...

Н. Пасевьевъ. Ревель.

ПАСХАЛЬНОЕ.

Распятый злобы ядомъ,
За цѣну рабской платы,

Воскресъ нашъ Богъ, и рядомъ
Повергъ и смерть и латы...
И нынче въ храмѣ баринъ
И царь, посконь и лапоть...
И свѣтомъ храмъ янтаренъ
Слезами хочетъ капать...

А. Амолинъ.

ЯДЪ КУПИДОНА.

Я торгую чудеснѣйшимъ ядомъ.
За товаръ свой не требую платы,
Только сядь ты съ подружкою рядомъ.
Не помогутъ желѣзныя латы.
Будь ты знатный, разряженный баринъ,
Иль мужикъ, обувающій лапоть,
Со стрѣлы моей, чистъ и янтаренъ,
Ядъ на сердце твое станетъ капать..

Ольга Болкашинова.

ВЪ ЛАВКѢ ТОРГАША.

...Вамъ хлоралъ-гидрата? Не торгую ядомъ...
Въ долгъ, мадамъ, не вѣрю: не получишь платы...
Господинъ художникъ, здѣсь, въ чуланѣ рядомъ
Есть вамъ для модели рѣдкостныя латы...
Пріобрѣлъ случайно... Эй, ты, сивый баринъ,
Не курить мохорку, деревенскій лапоть!..
... Балычку?.. Извольте! Сочenъ онъ, янтаренъ!
... Вамъ, красотка, шипра?.. А на сколько капать?..

Леонидъ Мальцевъ.

ВИНО.

Вино зовемъ мы часто ядомъ,
Оно достойно лучшей платы!
Король подъ царственнымъ нарядомъ,
Боецъ, на время снявшій латы,
Простой мужикъ, богатый баринъ,—
Носи сапогъ иль даже лапоть,—
Въ бутылкѣ видя сокъ янтаренъ,
Стремись его въ стаканъ накапать.

М. Ярославцевъ.

АКТЕРЪ.

Безсолнечныхъ кулисъ пусть я отравленъ ядомъ,
За радости мои такой не жаль мнѣ платы!—
Всѣ души, жизни всѣ во мнѣ ужились рядомъ:
То юный рыцарь я—мои сіяютъ латы,—
То—безотвѣтный рабъ, то—безпощадный баринъ;
Котурны на ногахъ смѣняютъ грузный лапоть;
Бумажной дискъ луны въ глазахъ моихъ—янтаренъ,
И росы—вѣрю—съ травъ поддѣльныхъ могутъ капать!..

Михаилъ Пустынинъ.

ДОВОЛЬНО.

Довольно дышать омерзительнымъ ядомъ!
За зло мы поищемъ достойнѣйшей платы;
Пойдемъ на врага неколебимымъ рядомъ,
Отвага замѣнитъ намъ крѣпкія латы...
Бѣги, трепещи, захребетникъ и баринъ!
Сомнетъ твою гордость крестьянина-лапоть!
Закатъ твоей славы горячъ и янтаренъ,
Но близится туча; дождь началъ ужъ капать.

Александръ Бирюковъ.

FINIS.

Смертоноснымъ ядомъ.
Жизни кончу платы.
Яда нѣтъ?—Такъ рядомъ
Звякнетъ мечъ о латы.
Тотъ, кто жилъ, какъ баринъ,
Не одѣнетъ лапоть..
Пусть же сокъ янтаренъ
Въ кубокъ будетъ капать! .

Мих. Виноградовъ...

В. А. МАКЛАКОВУ.

Упоенъ звенящимъ ядомъ
Серебра, для рѣдкой платы
Съ Замысловскимъ ѣдешь рядомъ.
Тамъ, въ Баку, на совѣсть латы
Ты падѣнешь, бывшій баринъ
Промѣнявшій честь... на лапоть,
И въ карманъ къ тебѣ янтаренъ
Дождь червонцевъ будетъ капать...

Штабсъ-капитанъ Евгеній Д.

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

Здѣсь царство бѣлое. Бѣлѣетъ склянка съ ядомъ.
И свѣтелъ докторъ нашъ, не требующій платы.
И кротко-бѣлымъ кажется—со мною рядомъ—
Больной, закованный въ свои бинты, какъ въ латы.
Яснѣетъ подъ стекломъ сѣдой и добрый баринъ,

„Осень". Энгръ.

Въ богатствѣ помнившій худой отцовскій лапоть...
А воздухъ за окномъ прозраченъ и янтаренъ,
И въ полдень съ бѣлыхъ крышъ ужъ начинаетт капать
Ал. Вознесенскій.

НУ И РИѲМЫ!..

Стихотворства раненъ ядомъ,
Бьюсь надъ риѳмами (безъ платы!!!).
И не знаю—какъ-же рядомъ
Совмѣстить съ «лаптями» «латы»!
Диссонансомъ пахнетъ «баринъ»...
Брошу все на словѣ «лапоть»!
«Солнце» скажетъ, кто «янтаренъ»,
И откуда стало капать!
Вл. Чураевъ (Клопштоссъ).

КОНЕЦЪ СОДОМА.

Міръ пропитанъ ядомъ,
Нѣтъ суда безъ платы,
Ложь и правда рядомъ,
Совѣсть прячутъ въ латы.
Грабитъ сытый баринъ,
Лютъ ничтожный лапоть...
Неба сводъ янтаренъ—
Лава стала капать ..
Неразборчива подпись.

ФИНАЛЪ.

Твои слова упрека ядомъ
Терзаютъ умъ. Нѣтъ злѣе платы!
Давно-ль, сердечная, мы рядомъ
Борьбы за жизнь носили латы?
Иди-жъ, коль счастьемъ я не баринъ;
Мнѣ бѣдности пусть близокъ лапоть,
Пусть будетъ дней закатъ янтаренъ
Лишь для меня тоскою капать...
Владиславъ Скундицкій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Изъ аптеки склянку съ ядомъ
Я принесъ.—Нѣтъ лучшей платы
Для Марie, живущей рядомъ.
Точно кованныя латы
Давятъ мысли: Машинъ баринъ;
Онъ! купилъ ей брошку-лапоть,—
Ну она и... Ядъ янтаренъ
Я въ стаканчикъ началъ капать.
Неразборчива подпись

НА ПОЛѢ БРАНИ.

Вчера сердца сочились ядомъ,
Рука сжимала мечъ для платы...
Сегодня—спятъ обнявшись рядомъ—
Изсѣчены ихъ крѣпки латы.
Всѣхъ смерть равнитъ, мужикъ иль баринъ,
Сгніешь въ землѣ, какъ старый лапоть.
Закатъ надъ ними тихъ, янтаренъ,
Застыли слезы... имъ не капать!
Эми.

ЛЮБОВЬ БЛУДНИЦЫ.

Любви я отравилась сладкимъ ядомъ.
Я не хочу за поцѣлуи платы.
Хочу идти съ моимъ любимымъ рядомъ,
Нести любовь мою, какъ рыцарь латы.
И я не допущу, чтобъ пьяный баринъ.
Вновь въ ставилъ въ душу мнѣ свой грязный лапоть:
Любви моей напитокъ чистъ, янтаренъ
На грязный полъ его не буду капать.
Д. Пейсинъ.

КТО ОНЪ?

Былъ онъ весь пропитанъ ядомъ
За добро не зналъ онъ платы.
Крестъ съ мечомъ онъ вѣшалъ рядомъ;
Одѣвалъ нерѣдко латы...
Злой церковникъ, важный баринъ
Возлюбилъ душою „лапоть"...
Съ виду худъ, съ лица—янтаренъ,—
Ядомъ въ „лапоть" могъ онъ капать...
Акимъ Меттусъ.

АДАМЪ и ЕВА.

Адамъ упился ядомъ
Отъ Евы—и безъ платы...
И задомъ, съ Евой рядомъ,
Одѣвъ изъ листьевъ латы,
Когда то важный баринъ,
Теперь лишь бѣдный лапоть.
Пошелъ, лицомъ янтаренъ,
И сталъ слезами капать.
Николай Циммерманъ.

ВСТРѢЧА.

Глаза твои такъ полны ядомъ,
Мнѣ это нравится—отдамся я безъ платы.
Идемъ со мною рядомъ.
Я вижу на тебѣ сверкающія латы—
Ты важный баринъ!
Я такъ бѣдна—смотри порвался лапоть...
Но губы какъ цвѣтокъ, мой цвѣтъ лица янтаренъ.
Не покидай, не заставляй же слезы капать...
Петръ Карповъ.

СТРАННИКЪ.

Раздобылся странничекъ алкогольнымъ ядомъ,
Что ему до скудности заработной платы!
Легъ у перелѣсочка, картузишко—рядомъ,
А портки засалены и блестятъ какъ латы.
Развалясь подъ кустикомъ, нѣжится какъ баринъ,
И глядитъ насмѣшливо на дырявый лапоть,
И глядитъ задумчиво, какъ закатъ янтаренъ...
Сверху на мечтателя начинатъ капать...
Иванъ Шаховъ.

«БУРИМЕ».

Мой другъ промолвилъ: «Горше склянки съ ядомъ
«Турниры музъ, безъ славы и безъ платы!»
И въ позахъ мрачныхъ мы застыли рядомъ,
Какъ рыцари, закованные въ латы.
И я роптал: «Мой дѣдъ былъ важный баринъ!
«А я, поэтъ, презрѣнъ, какъ рваный лапоть!»
Унылый дождикъ, изгрязно-янтаренъ,
Намъ на носы сочувственно сталъ капать.
Андрей Чубаровъ.

ПОЭТЪ.

Какъ кубокъ съ медомъ—и склянка съ ядомъ
Какъ срочный вексель—и время платы
Какъ съ рваннымъ платьемъ—стоящій рядомъ
Въ музеѣ панцырь, и мечъ и латы,
Какъ грязный нищій—и важный баринъ
Сапогъ отъ Вейса—и старый лапоть,
Такъ чуждъ блескъ злата, что столь янтаренъ
Пѣвцу, что долженъ чернила капать.
Николай Рабиновичъ.

МОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Отравленъ я ужаснымъ ядомъ:
Жду за конкурсъ платы.
Фамиліи всѣ поставьте рядомъ,
Мою одѣньте въ латы.
Тогда я буду важный баринъ,
Заброшу я свой лапоть,
И Fine champagne янтаренъ
Въ уста мнѣ будетъ капать.
В. Рутковскій.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Отравленъ весь народъ сивушнымъ ядомъ.
Онъ пропилъ грошъ послѣдній скудной платы—
Недаромъ съ фабрикой казенка рядомъ.
Нѣтъ рыцарей, одѣтыхъ въ сталь и латы,
Но лишь понынѣ давній хищный баринъ,
Готовый отнимать послѣдній лапоть.
Отъ жадности онъ сохнетъ, желтъ, янтаренъ...
Заныло сердце, слезы стали капать...
Александръ Приговъ.

ОСУЖДЕННЫЕ.

Вкругъ чаши наполненной ядомъ,
Взыская заслуженной платы,
Стояли несчастные рядомъ:
Былъ рыцарь, закованный въ латы,
Былъ, нѣкогда важный, тамъ баринъ,
А также холопскій былъ лапоть,
На ядъ всѣ глядѣли янтаренъ,
И... слезы изъ глазъ стали капать.,.
Марія Якубовская.

ВОСЕМЬ РИѲМЪ.

Вотъ восемь риѳмъ... Отравленъ вашимъ ядомъ
И, хоть за трудъ не жду обычной платы
И хоть не мной поставлены вы рядомъ,—
Я мысль свою одѣну въ васъ, какъ въ латы!
Перо забывъ, живу давно. какъ баринъ,
Но сладко мнѣ за старый взяться лапотъ:
Въ стихахъ воспѣть, какъ небосводъ янтаренъ,
И на стихи заставить слезы капать!..
Михаилъ П.

ЯНТАРНЫЙ СТИХЪ.

Стиховъ упиться сладкимъ ядомъ
И ждать за нихъ достойной платы—

О два великихъ счастья рядомъ,
Для васъ надѣнетъ муза латы!
Поэтъ въ нуждѣ не важный баринъ,
За гонораръ сплететъ и лапоть,
Но стихъ его, какъ былъ янтаренъ,
Такъ янтаремъ и будетъ капать...
Степанъ Давыдовъ.

8.

Нѣкоторые буримеры въ своихъ отвѣтахъ уклонились отъ риѳмъ заданія, придавъ посредствомъ приставокъ заданнымъ словамъ иной смыслъ.

ВЕСНОЮ

Весна блеститъ своимъ нарядомъ...
Снѣга какъ бѣлыя заплаты,
Лежатъ на пашнѣ. Рядъ за рядомъ,
Встаютъ изъ облаковъ палаты.
Ворона, словно знатный баринъ,
Ступаетъ важно... Чей-то лапоть
Увязнулъ въ лужѣ... Чистъ, янтаренъ,
Весенній дождикъ началъ капать...
Василій Малиновъ.

Здѣсь первое слово посредствомъ прибавленія слога *нар* превратилось въ *нарядомъ*, *платы* превратились въ *заплаты*, и *латы* въ *палаты*. Такія замѣны не слѣдуетъ допускать. Нѣкоторые переставляютъ риѳмы, что тоже не допустимо:

ЮГЪ.

Съ моей страной суровой рядомъ
Есть край иной безцѣнной платы,—
Природа царственнымъ нарядомъ
Вѣнчаетъ сакли и палаты;
Вольной туда стремится баринъ,
Тамъ незнакомъ народу лапоть,
И пышныхъ гроздій сокъ янтаренъ
Спѣшитъ счастливой влагой капать...
М. Ярославцевъ.

ПОСЛАНІЕ.

Зачѣмъ медлительнымъ травить мнѣ сердце ядомъ,
Зачѣмъ все рвать въ куски, потомъ тачать заплаты?!
Зачѣмъ вмѣстились въ васъ два чувства разныхъ рядомъ
Въ душѣ—любовь и миръ, за поясомъ—булаты?!
По утру я—Вашъ царь, я повелитель, баринъ,
Но день прошелъ, и я для васъ «негодный лапоть»...
По утру веселъ я' и взоръ мой чистъ, янтаренъ,
А ввечеру удѣлъ: слезамъ немолчно капать...
І. М. Э—нъ.

9.

Нѣкоторые участники конкурса прислали по нѣсколько отвѣтовъ. Такъ три рѣшенія прислалъ изъ Москвы М. Браудэ. Они были бы весьма хороши, если бы авторъ избѣжалъ выше указанныхъ недостатковъ (перемѣна словъ):

РАБА.

Сверкая красочнымъ нарядомъ,
Въ часъ нѣжно трепетной расплаты,
Спѣши раба со мною рядомъ
Войти въ пурпурныя палаты.
Я для тебя уже не баринъ,
Забудь свой старый, жалкій лапоть...
Спѣшимъ!—пока разсвѣтъ янтаренъ
И крупный дождь не началъ капать...

МЕСТЬ.

И когда онъ выпилъ мрачный кубокъ съ ядомъ,
Чтобъ полнѣй закончить сладкій часъ расплаты,-
Угостилъ его я браунинга зарядомъ,—
Вылились на платьѣ красныя заплаты...
Плюнулъ ему въ очи... «Спи, постылый баринъ!»
И затѣмъ сталъ тыкать въ рожу грязный лапоть...
Взоръ очей стеклянныхъ странно былъ янтаренъ...
Капли крови на полъ громко стали капать...

НОЧЬ.

Всю ночь упивался я сладостнымъ ядомъ,
А утромъ услышалъ: «Я жду вашей платы!»...
Тогда лишь я понялъ, съ кѣмъ ночью былъ рядомъ.
Тревожить сталъ призракъ возможной расплаты.

. . . .

И докторъ, высокій и сумрачный баринъ,
Сурово сказалъ мнѣ: «Дѣла ваши—лапоть»...
Цвѣтъ стклянки съ лекарствомъ былъ желто янтаренъ,
Когда я въ стаканчикъ съ водою сталъ капать...
И. Браудэ. Москва.

Другое стихотвореніе, испорченное *взглядомъ* (вм. *ядомъ*) *заплатами* и *палатами*, прислалъ вундеркиндъ:

ОНА.

Поразила меня взглядомъ,
Оглядѣвъ мои заплаты,
Посадила меня рядомъ,
Пригласивъ въ свои палаты.
И сижу я здѣсь, какъ баринъ:
Лишь смущаетъ только лапоть!
Ну, да ладно,—медъ янтаренъ:
Остается въ ротъ лишь капать...
Борисъ Барышниковъ (13 лѣтъ).

Одинъ изъ участниковъ перваго конкурса удосужился написать цѣлыхъ 9 стихотвореній:

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Зима.

Воздухъ зимній бѣденъ ядомъ.
И даритъ людей безъ платы
Наслажденій чуднымъ рядомъ.
Ну, скорѣе! Шубу—латы
Надѣвай, солдатъ, иль баринъ.
Поживѣе! Эй—ты, лапоть,
Тройку, сани! Міръ янтаренъ.
Да и дождь не станетъ капать.

Весна.

Лугъ цвѣточнымъ дышетъ ядомъ
И пьянитъ людей безъ платы
Ароматомъ. Рѣчка—рядомъ
Ужъ она, разбивши латы
Льда, рокочетъ, точно баринъ,
А надъ нею—туча—лапоть,
И хотя весь міръ янтаренъ,
Дождь сквозь солнце началъ капать.

Лѣто.

Солнце смотритъ знойнымъ взглядомъ.
И потребуетъ расплаты
За порывъ блеснуть нарядомъ.
Броситъ душныя палаты
Даже самый истый баринъ,
Надѣвая часто лапоть,
Если солнца лучъ янтаренъ,
Чтобы потъ не вздумалъ капать.

Осень.

Въ кость проникла сырость ядомъ
И за грѣшность въ видѣ платы
Колетъ болей цѣлымъ рядомъ.
Лѣсъ стряхнулъ зелены латы
И не высится, какъ баринъ,
А обдерганъ, точно лапоть,
И коверъ—тоской янтаренъ,
Да и небо стало капать.

УКОРЪ.

Сердце исполнено скорбью и ядомъ
Презрѣнья: вѣдь, кажется, лишь изъ-за платы
Люди ничтожные селятся рядомъ,
Ихъ души въ стальныя закованы латы.
Съ дня ихъ рожденья. Къ примѣру,—вотъ баринъ,
Анъ глядь, а на дѣлѣ выходитъ лишь лапоть.
Вотъ, сколь ничтоженъ. И взоръ мой янтаренъ,
И слезы досады сбираются капать.

ВИНО И ЛЮБОВЬ.

Онъ вино не любитъ капать..
Пить—такъ пить, коль цвѣтъ янтаренъ,
Въ этомъ дѣлѣ онъ не лапоть,
Но онъ былъ бы прямо баринъ,
Если-бъ сбросила ты латы
И усѣлась съ нимъ-бы рядомъ.
Вы-бъ въ любви безъ пошлой платы
Отравились страсти ядомъ.

ЯДЪ.

Страсти ядомъ
И безъ платы.
Всѣ пьянятся сплошь да рядомъ.
И подъ рыцарскія латы
Страсть проникнетъ. Что ужъ баринъ.
Коль мужикъ обутый въ лапоть,
Пьянъ любовью. Ядъ—янтаренъ,
И Амуръ имъ будетъ капать.

БЕРЕГИСЬ.

Взоръ насыщенъ женскимъ ядомъ
И угрозой адской платы
—Жизнь прожить всю съ нею рядомъ.
Не крѣпки броня и латы
У того, кто, родомъ баринъ,
Превратится въ женинъ лапоть
Хоть у ней и взоръ янтаренъ,
И слеза умѣетъ капать.

БУРИМЕ.

Буриме я сгубленъ ядомъ
И не жду построчной платы
За игру лишь строчекъ. Рядомъ
Гдѣ угодно вставить латы
Мнѣ не трудно: въ томъ я—баринъ,
Лишь профанъ плететъ вѣдь лапоть,
Только мало стихъ янтаренъ,
Если съ этимъ подлымъ «капать».

В. Таціевскій

Г. Таціевскій обнаружилъ недюжинныя версификаторскія способности.

10.

Большинство присланныхъ отвѣтовъ, конечно неудовлетворительно.

Эти произведенія неудачниковъ могли-бы составить прекрасный музей—„буриме“.

Отъ колыбели до могилы ихъ жизнь отравлена вся ядомъ
И это-же такъ ясно—злосчастье—горе вѣдь (не требуетъ платы).
Всегда шагаетъ съ ними рядомъ.
Другое дѣло во власть—латы
Весь забронированный баринъ,
Который съ первыми суть міра два различны.—Одинъ, обутый въ лапоть,
Нарядному другому приготовляетъ изстари обильный столъ янтаренъ,
И продолжаютъ оба міра пока такъ—другой шумливою рѣкой катится, а первый монотонно капать.

Студентъ Политехникума М. Плаксинъ

11.

Второй конкурсъ буриме вышелъ еще удачнѣе перваго какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи:

Были заданы риѳмы: *анатомъ—зеркало—гранатомъ — коверкало — замокъ—вашею—самокъ — простоквашею.*

Было получено 1174 стихотворенія.

Изъ нихъ неудовлетворительныхъ рѣшеній буриме оказалось 980, удовлетворительныхъ 156 и хорошихъ 38.

Авторы чрезвычайно пестры по темамъ: нѣкоторые желаютъ быть злободневными, другіе въ стихахъ вышучиваютъ самыя риѳмы, третьи впадаютъ въ мрачный тонъ и придаютъ „простоквашѣ“ символическій характеръ, остальные—лирики чистой воды.

Насколько разнообразны темы, можно судить по перечню вотъ хоть этихъ наудачу выхваченныхъ заглавій: „Ленская гекатомба“ (Левъ Фольварковъ, Петербургъ), „Депутатъ Пуришкевичъ и его шишка“ (С. Цуриновъ, Тифлисъ), „Абдулъ Гамидъ“ (Андреевъ, Петербургъ), „Въ альбомъ увядающей красавицѣ“ (Петръ Званцовъ, Н.-Новгородъ), „Къ событіямъ на Ленскихъ пріискахъ“ (Ив. Ерошинъ, Москва), „Наполеону“ (Ѳ. Лещенко, Каменка), „Тагіеву и его сообщникамъ“ (Н. И. Котлярова, Кутаисъ), „Мечниковъ и Анатомъ“ (Лео - Леони - Пуссе), „Публицисту Дорчу“ (Ц. Катинъ, Расторгуево, Ряз. губ.), „Памяти А. И. Герцена“ (В. Щербаненко, Юзовка), „Академику В. И. Зарубину“ (Н. Н Степановъ, Таганрогъ), „Гимнъ Кулаку“ (Д. Золотниковъ, Лодзь), „Совѣты дѣтямъ“ (Б. К. Булгаковъ, Симферополь) и т. д., и т. д.

Большая часть изъ 980 забракованныхъ стихотвореній погибла, конечно въ „простоквашѣ“,—не въ силахъ было вогнать въ стиль, осмыслить и опоэтизировать это пошлое слово.

Свыше 25% авторовъ падаютъ, сраженные „гранатомъ“, который они принимаютъ за „гранату“.

Многіе анатома смѣшиваютъ съ хирургомъ. Многіе опять таки, какъ и въ первое буриме, измѣняютъ слово риѳмы посредствомъ прибавленія буквъ, вм. анатомъ—канатомъ, вм. коверкало — исковеркало, вм. вашей — чувашей (sic) и т. д.

Подробное изученіе этого богатѣйшаго и любопытнѣйшаго буриме откладываю до слѣдущей книги „Весны“.

Укажу только что въ „Солнцѣ Россіи“ были напечатаны лишь слѣдующія далеко не лучшія рѣшенія:

МЫСЛИ НѢКОЕГО АНАТЕМА о КОНКУРСѢ-БУРИМЕ.

Молча надъ моремъ стоялъ знаменитый и мудрый анатомъ,
Взоръ устремляя въ бездонной пучины лазурное зеркало...
Берегъ украшенъ былъ миртомъ, цвѣтущимъ лимономъ, гранатомъ.
Солнце потоки лучей своихъ въ зыби дрожащей коверкало
И озаряло весь берегъ и старый, разрушенный замокъ—
(Право, некстати совсѣмъ приплетенный редакціей вашею)..
... Думалъ анатомъ: «Ахъ, сколько поэтовъ-самцовъ, сколько самокъ
„Солнце Россіи“ зальютъ своихъ блѣдныхъ стиховъ простоквашею!..“

П. Рутковъ (Бѣлостокъ).

ВСКРЫТІЕ.

Тѣло женщины прекрасной оперировалъ анатомъ,—
Онъ безстрастнѣе ланцета, что блеститъ въ рукахъ, какъ зеркало.
Мраморъ плитъ стола холодный кровь окрасила гранатомъ.
Лезвіе впиваясь жадно, все крошило, все коверкало...
Люди, люди! Ваше тѣло—для души прекрасный замокъ—
Вы стараетесь разрушить вашей жизнью смертью вашею
И трагически окончитъ ваша жизнь самцовъ и самокъ
Этой красной, безобразной и зловонной простоквашею.

Оскаръ Давыдовъ (Спб.).

ЛЮБОВЬ—ТЛѢНЪ.

Я въ сердце милой, какъ анатомъ,
Гляжу нечально, точно въ зеркало:
Мы съ нею—какъ лопухъ съ гранатомъ
И въ жизни—все нашъ бракъ коверкало.
О, если-бы укрыться въ замокъ.
Отъ васъ, о люди съ ложью вашею,
Не видѣть ни самцовъ, ни самокъ
И жить тоской и.. простоквашею!..

Л. М. Василевскій.

ХУДОЖНИКУ.

О, современныхъ душъ безжалостный анатомъ!
Твоихъ портретовъ рядъ, какъ выгнутое зеркало,
Смерть придавалъ устамъ, пылающимъ гранатомъ,
Въ немъ образы людей кривило и коверкало.
И, совершивъ свой трудъ, ушелъ ты въ гордый замокъ;
Оттуда намъ сказалъ: «Не жить мнѣ жизнью вашею!
Я жажду ангеловъ, а вамъ—вамъ надо самокъ,
Я нектарь пью, а вы блаженны простоквашею!»

В. Бакулинъ. (Москва).

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Я ждалъ... Она, души моей анатомъ,
Задумчиво глядѣла долго въ зеркало,
Спокойная, а я краснѣлъ гранатомъ:
Ея молчанье душу мнѣ коверкало!..
И вдругъ—о, мой воздушный замокъ!—
Я услыхалъ: «Извольте, буду вашею:
«Ужъ лучше стать въ полчища самокъ,
«Чѣмъ скиснуть въ дѣвахъ простоквашею».

О. Б—ва. (г. Рига).

ИЗЪ «СЛОВА О СТАѢ ИГОРЕВОЙ».

(Quasi una stichosa).
(Пародія на поэтовъ-футуристовъ).
Оттрупился въ клиникѣ мрачный анатомъ,
Въ альковѣ гетера вкроватила зеркало
И втучилось солнце закатнымъ гранатомъ,—
Когда меня трудной стихозой коверкало...
Я пѣлъ: «на онколя куплю древній замокъ,
Тамъ, люди, заржу я надъ глупостью вашею,
Надрамлю я драмъ, зароманю всѣхъ самокъ,
Искусство футурной залью простоквашею»!

Леонидъ Мальцевъ (Спб.).

КОГДА СОЛНЦЕ ЕЩЕ НЕ ВСТАЛО.

Буршъ (философъ), я (анатомъ),
Хохоча, разбили зеркало...
Я кормилъ «мамзель» гранатомъ...
«Чудо-Piano» вальсъ коверкало...
— Отдаемъ сей дивный замокъ
„Primae nocti, лэди, вашей!..
Пьяный хохотъ... Крикъ... визгъ самокъ...
Пиво... Дыня съ простоквашей...

Ю. Цетъ (Спб.).

ПРИЗНАНЬЕ.

Онъ глядѣлъ въ ея душу, какъ тонкій анатомъ,
Онъ сказалъ ей: «Душа ваша—чистое зеркало
«И блеститъ она яркимъ, нетлѣннымъ гранатомъ,
„Хотя горе немало ее и коверкало!“
Онъ сказалъ ей: „Душа ваша—сказочный замокъ
„И съ красою небесной чарующей вашею
„Далеки вы, какъ небо, отъ всѣхъ этихъ самокъ,
„Замѣнившихъ порывы души—простоквашею!“

С. О. Ланге (Одесса).

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО.

Какъ на мертвое тѣло, анатомъ,
Я глядѣлъ на разбитое зеркало.
И блистая въ осколкахъ гранатомъ,
Оно душу мнѣ жгло и коверкало.
И не такъ ли, лазурный нашъ замокъ?..
Вы разбили измѣною вашею
И я проклялъ всѣхъ женщинъ, какъ самокъ.
Называя любовь,—простоквашею.

С. Иремъ. (Владикавказъ).

А. Р. КУГЕЛЮ.

Я далеко не анатомъ,
Но люблю „Кривое зеркало“:
Въ немъ блеститъ огнемъ-гранатомъ.
Все, что нашу жизнь коверкало.
Это—смѣха дивный замокъ,
Станетъ онъ усладой вашею,
Тѣшитъ онъ самцовъ и самокъ
Развеселой простоквашею!

Анонимъ изъ Моршанска.

12.

Третій конкурсъ буриме отличался отъ первыхъ двухъ тѣмъ, что предназначался для версификаторовъ болѣе искуссныхъ: недостаточно было написать на заданныя рифмы (*лопухъ-игръ-опухъ-тигръ-колѣнъ-везло, плѣнъ-зло*), требовалось еще написать стихотвореніе такъ, чтобы въ немъ не было ни одной буквы *а*. Тѣмъ не менѣе, получено 596 отвѣтовъ. Изъ нихъ неудовлетворительныхъ 377, удовлетворительныхъ 126, хорошихъ 93. Процентъ хорошихъ рѣшеній въ этомъ конкурсѣ выше, чѣмъ въ прошлыхъ двухъ. Это объясняется тѣмъ, что лишь болѣе искусные версификаторы отважились прислать отвѣты на этотъ трудный конкурсъ. Разнообразіе темъ по-прежнему большое: „Возвращеніе на родину“ (Д. Овчаренко) „Игрокъ“ (Н. Арго), „Пуришкевичъ“ (И. Никитина), „Босякъ“ (Вик. Снѣжинъ), „Сибирь“ (О. Хабаевъ), „Голодный годъ“ (П. Слѣпцовъ), „Въ дѣтской“ (Н. Зернъ), „Иліодоръ“ (Аэсъ), „Наполеонъ“ (Гавриловъ-Лебедевъ), „Къ ней“ (И. Рюмина), „Басня“ (Э. Базилевскій), „Въ больницѣ“ (Василій Колосюкъ), „Война“ (М. Разсудовъ), „Тигръ“ (Аксюкъ), „Пуришкевичъ“ (А. Суди-Палъ) и т. д., и т. д.

Очень трудно было согласовать истинно-русское понятіе „лопухъ“ съ экзотическимъ звѣремъ „тигромъ“, поэтому три четверти неудачниковъ находятъ свою погибель въ первомъ куплетѣ.

Во второмъ куплетѣ игривое, разговорное слово „везло“ трудно входитъ въ стиль и тоже губитъ не мало авторовъ.

Отсутствіе буквы *а*, какъ видно, не особенно затруднило конкуррентовъ. Вотъ образчики рѣшеній:

КОЛИЗЕЙ.

Что нынѣ Колизей! Руины—и лопухъ...
То-ль было?
...Полонъ циркъ. Римъ ждетъ безумныхъ игръ.
Неронъ уже возсѣлъ. Онъ отъ пировъ опухъ
И блѣденъ... Слышенъ ревъ—то жертву чуетъ тигръ.
Преступникъ молится. Потомъ вскочилъ съ колѣнъ...
Въ мгновенья первыя борьбы ему везло,
Но новый ревъ—и стонъ... и смерти вѣчный плѣнъ.
И Колизей гремитъ, и торжествуетъ зло.

Коловратъ (Спб.).

ПЬЯНЫЙ.

Я для жизни постылой—ненужный лопухъ,
Лишь объектъ для жестокихъ, безсмысленныхъ игръ...
Я отъ пьяныхъ ночей одряхлѣлъ и опухъ
Озлобленъ и свирѣпъ.. но не тигръ.
Не унять мнѣ мучительной дрожи колѣнъ...
Мозгъ въ огнѣ... Почему мнѣ во всемъ не везло!..
Жизнь—проклятье мое и мучительный плѣнъ
Въ жизни жизнь—это первое зло!..

Георгій Казаровъ (Спб.).

ШПІОНЪ.

Онъ—сорный средь людей лопухъ.
Онъ—дирижеръ филерскихъ игръ.
Труcливъ, былъ битъ: весь ликъ опухъ,
Но въ сыскѣ темномъ—лютый тигръ...
Дуэль... Съ дрожаніемъ колѣнъ
Стрѣлялъ... Но все жъ ему везло:
Не угодилъ къ чертямъ онъ въ плѣнъ,
Нѣтъ, живъ шпіонъ... Не гибнетъ зло.

Ки.

MEMENTO MORI.

Мой другъ. покроетъ всѣхъ лопухъ!
Кто кончилъ дни отъ рѣзвыхъ игръ,
Кто просто съ голоду опухъ;
Кто хилъ былъ, кто—сильнѣй, чѣмъ тигръ;
Жилось-ли—море до колѣнъ,
Иль горемыкѣ не везло,—
Всѣхъ ждетъ одинъ и тотъ-же плѣнъ,
Гдѣ тѣнь, гдѣ вѣчно зло!

Самуэль.

МЕНЬШИКОВЪ.

Не въ поляхъ—межъ людей выросъ сорный лопухъ,
Предводитель кощунственныхъ игръ;
Пошлый мозгъ его ѣдкою злобой опухъ,
Для финляндцевъ онъ истинный тигръ
Не склоняетъ предъ честью покорно колѣнъ,

По кривой ему вѣчно везло,
Чтитъ превыше всего угнетенье и плѣнъ
И творитъ безпрепятственно зло.
А. Высотинъ (Спб.).

У ДОРОГОЙ МОГИЛЫ.

Вокругъ могилы твоей все пышнѣе лопухъ,
Что ни годъ, милый другъ дѣтскихъ игръ.
Я-жъ подъ ношею лѣтъ одряхлѣлъ и опухъ
И душой очерствѣлъ словно тигръ.
Лишь порою къ тебѣ съ преклоненьемъ колѣнъ
Прихожу. (въ жизни мнѣ не везло!..),
Чтобъ слезою омыть горя тягостный плѣнъ,
Грустной жизни ошибки и зло!..
Н. Адсонъ (псевд.) (Бѣлостокъ).

ИЗВѢСТНОМУ МРАКОБѢСУ.

Для мысли свободной—тлетворный лопухъ
Ты евнухъ безумныхъ, безсмысленыхъ игръ.
Отъ скерны блуд твой языкъ твой опухъ.
Отчизнѣ родимой ты коршунъ и тигръ.
Но мы не преклонимъ трусливо колѣнъ...
Пусть тѣмъ, что погибли, въ бою не везло
Мы вѣримъ, что скоро окончится плѣнъ
И солнце пронзитъ вѣковѣчное зло...
Анатолій Зиміонко (Минскъ).

ДУМЫ ПЬЯНИЦЫ.—БОБЫЛЯ

Живъ—не нуженъ... Умрешь—только пыль и лопухъ...
Гдѣ ты, времячко вольныхъ ребяческихъ игръ!?..
Что ни день, то съ похмѣлья... Обрюзгъ и опухъ...
Утромъ золъ, точно голодомъ мучимый тигръ.
Ишь, не бритъ, не умытъ и въ грязи до колѣнъ...
Ни по службѣ, ни въ чемъ то всю жизнь не везло...
Эхъ, вы, думы мои! Черной совѣсти плѣнъ!..
Хоть-бы рюмочку... Денегъ нѣтъ... Экое зло!..
Андрей Чубаровъ (Ярославль).

ВЪ ДУМѢ.

Въ итогѣ выросъ лишь лопухъ,
Плодъ думскихъ преній, думскихъ игръ,
Иксъ отъ бездѣлія опухъ,
М. былъ свирѣпымъ, словно тигръ,
П. много выкинулъ колѣнъ.
Т. въ остроумьи не везло..
Могучъ во тьмѣ гнетущій плѣнъ
И торжествуетъ все-же зло...
Н. Я. Г. (Симферополь).

ОТЦВѢТШЕЕ.

Нѣтъ лилій, нѣтъ и розъ, торчитъ одинъ лопухъ.
Ушло веселье прежнихъ дѣтскихъ игръ.
Отъ пошлой болтовни языкъ ея опухъ
И сердце злобою трепещетъ, словно тигръ.
Предъ ней поклонники не гнутъ уже колѣнъ!
Въ игрѣ любви не долго ей везло.
Унылой дряхлости грозитъ ей тяжкій плѣнъ
И неизбѣжное уже къ ней близко зло
Ду-жанъ.

ПОЭТЪ, ПОТЕРПѢВШІЙ НЕУДАЧУ НА КОНКУРСѢ БУРИМЕ.

Не побѣдный вѣнокъ—получилъ я—лопухъ?
Нѣтъ теперь для меня ни веселья, ни игръ.
Но отъ горя не пью, не обрюзгъ, не опухъ—
Нѣтъ, весь местью горю и мечусь словно тигръ.
Пусть я въ конкурсѣ прошломъ увязъ до колѣнъ
Въ тинѣ рифмъ непослушныхъ, и мнѣ не везло,
Но теперь рифмы я безусловно взялъ въ плѣнъ.
Долгъ жюри—возмѣстить причиненное зло.
Левъ Фольварковъ (Спб.).

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести „внѣ конкурса" слѣдующее курьезное рѣшеніе:

ЧЕЛОВѢКЪ И ЛОПУХЪ

Близъ опушки ясиновыхъ кустовъ, въ зеленой долинкѣ выросъ роскоснѣйшій, высокій лопухъ.
Подъ сѣнью его дородныхъ листовъ пріютилися рѣзвыя птички для своихъ невинныхъ игръ.
Тутъ, и рдодъ съ пестрымъ хохломъ, и зябликъ, и голубь-воркунъ, свой зобъ игриво онъ вздулъ словно опухъ;
Весело, привольно подъ лопухомъ имъ живется, не узрятъ ихъ ни зоркій ястребъ, ни лютый тигръ.
Будь-же добръ, лопухъ, прикрой и меня, гонимъ я судьбой, взгляни, я босой и нѣтъ чѣмъ прикрыть колѣнъ
Не пилъ я, игры-рулетки не любилъ, но и обезпечить себя не сумѣлъ—въ жизни не везло.
Птицъ я укрою отъ тигровъ и ястребовъ и не допущу никому изъ хищниковъ взять ихъ въ плѣнъ.
Ты-же, человѣкъ, стыдись лѣсть подъ лопухъ. Возьми свой умъ ты въ руки—и прогонишь всякое зло.

13.

Четвертый конкурсъ буриме вводилъ еще новое осложненіе: требовалось, чтобы стихотвореніе непремѣнно было тріолетомъ.

Риѳмы были даны такія: *лѣтомъ—травъ—тріолетомъ—отравъ—правъ—лѣтомъ—травъ.*
летомъ—отравъ—травъ—лѣтомъ—травъ.

И все-же было прислано удовлетворительныхъ рѣшеній 127, неудовлетворительныхъ 714

Вотъ лучшее—тройное рѣшеніе задачи:

ТРИ МОМЕНТА.

1
Это было давно,—это было задумчивымъ лѣтомъ,—
И довѣрчиво—нѣжно со мною ты шла между травъ..
О любви моей пѣсни тебѣ я слагалъ тріолетомъ—
Это было давно,—это было задумчивымъ лѣтомъ...
Мы съ тобой не боялись волненья и страсти отравъ,
Упоенные дѣвственной радостью дружескихъ правъ..
Это было давно,—это было задумчивымъ лѣтомъ.
И довѣрчиво—нѣжно со мною ты шла между травъ...

2
Это было потомъ,—душно-знойнымъ, томительнымъ лѣтомъ.
И съ другою я шелъ межъ высокихъ желтѣющихъ травъ...
И о страстномъ безумьи тревожномъ я пѣлъ тріолетомъ—
Это было потомъ,—душно-знойнымъ, томительнымъ лѣтомъ...
Мы искали лишь страсти зовущихъ, пьянящихъ отравъ,
Ни любви мы не ждали, ни вѣчнаго счастья, ни правъ...
Это было потомъ,—душно-знойнымъ, томительнымъ лѣтомъ,
И съ другою я шелъ межъ высокихъ желтѣющихъ травъ...

3
Это было тогда, когда снова мы встрѣтились лѣтомъ.
И головку ты скорбно склонила, скользя среди травъ...
Я, тоскуя, молилъ о прощеньи своимъ тріолетомъ—
Это было тогда, когда снова мы встрѣтились лѣтомъ,
И я понялъ любовь, и я проклялъ безумье отравъ,
И молилъ нѣжно-чистыхъ и ласковыхъ дружескихъ правъ...
Это было тогда, когда снова мы встрѣтились лѣтомъ..
И головку ты скорбно склонила, скользя среди травъ...
Альмаръ.

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.
Подъ вечеръ, знойнымъ, яснымъ лѣтомъ,
Въ душистомъ морѣ сочныхъ травъ
Плѣнилъ я дѣву тріолетомъ...
Подъ вечеръ, знойнымъ, яснымъ лѣтомъ
Но, ахъ не горшель всѣхъ отравъ—
Вобще алколь любовныхъ правъ
Подъ вечеръ, знойнымъ, яснымъ лѣтомъ,
Въ душистомъ морѣ сочныхъ травъ!..
Андрей Чубаровъ.

ВЕСНА ПРОШЛА.
Весна прошла, склонившись передъ лѣтомъ,
И путь украсила ему ковромъ изъ травъ;
Поэтъ воспѣлъ весну октавой, тріолетомъ—
Весна прошла, склонившись передъ лѣтомъ,
И мысли о зимѣ вливали ядъ отравъ..
«Все суета суетъ»—Экклезіастъ былъ правъ.
Весна прошла, склонившись передъ лѣтомъ,
И путь украсила ему ковромъ изъ травъ.
Павелъ Зильберголь.

14.

Я надѣюсь, что читатели „Весны" заинтересовались прекрасною гимнастикой ума, какую представляетъ изъ себя буриме, вошли въ духъ и смыслъ этой забавы и пожелаютъ принять участіе въ *первомъ конкурсѣ буриме Весны*, объявленномъ въ этой книгѣ.

НЕГАТИВЫ

1.

Выпускаю первую книгу „Весны". Доволенъ ли я ею? И да, и нѣтъ. Меня очень радуютъ четыре дебютанта—Вѣра Инберъ, Василій Пахомовъ, Г. Сеферовъ и К. Гликманъ. Имъ всѣмъ „Весна" дала возможность показать себя во весь ростъ своего таланта. У Вѣры Инберъ такъ красива манерность ея излома. Мнѣ рисуется она съ кодакомъ въ рукѣ въ платьѣ travesti, одна безъ фрейлейнъ Доры тамъ на югѣ, гдѣ отъ этой „весны не весной" вянутъ „ломкія вѣтки березы"... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ея душа—въ платьѣ travesti и въ самомъ дѣлѣ у нея кодакъ, который немного мѣшаетъ ея вдохновенію...

2.

Раньше философъ и поэтъ искали красоту съ фонаремъ. Теперь съ кодакомъ. Раньше поэты горѣли, какъ факелы. Теперь—какъ электрическія лампочки. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній Валерій Брюсовъ красиво заявляетъ объ этомъ:

Мы—электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой;
Ей—наши рдяные привѣты,
И ей—нашъ отсвѣтъ голубой!
Качаясь на стебляхъ высокихъ,
Горя въ преддверьяхъ синема
И искрясь изъ витринъ глубокихъ,
Мы—дрожь, мы—блескъ, мы—жизнь сама!
Что было красочнымъ и пестрымъ,
Мѣняя властнымъ волшебствомъ,
Мы дѣлаемъ безцвѣтно—острымъ,
Живѣй и призрачнѣй, чѣмъ днемъ.
И женщинъ, съ ртомъ, какъ рана, алымъ
И юношей, съ тоской въ зрачкахъ,
Мы озаряемъ небывалымъ
Вѣнцомъ, что обольщаетъ въ снахъ.
Даемъ соблазнъ любви продажной,
Случайнымъ встрѣчамъ—тайный смыслъ;
Угрюмый домъ многоэтажный
Мы превращаемъ въ символъ числъ.
Изъ быстрыхъ уличныхъ мельканій
Лишь мы поэзію творимъ,
И съ нами—каждый на экранѣ,
И, на экранѣ кто,—мы съ нимъ!
Заливъ сіяньемъ современность,
Ее впитали мы въ себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю бренность
Преобразили мы, любя,—
Мы, электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой,
Мы, современные поэты,
Вѣкамъ зажженные Судьбой!

3.

Типическимъ электрическимъ свѣтомъ горитъ Игорь Сѣверянинъ. Я открываю книгу стиховъ его „Предгрозей", присланной имъ еще для еженедѣльной Весны. Въ этомъ стихотвореніи есть свѣжесть. И та же кодачность, которая у Вѣры Имберъ. „Старый граммофонъ"... „То то вотъ и есть"... „И ищи потомъ гребенки цѣлыхъ два часа"... Это очень кодачно и очень талантливо. Какъ талантливъ „сахаръ", который „прячетъ для коня" Вѣра Инберъ. Въ „Предгрозѣ" нѣтъ той филологической эквилибристики, которая подчасъ дѣлаетъ смѣшнымъ безспорно талантливѣйшаго изъ молодыхъ современныхъ поэтовъ.

4.

Много кодачности въ эффектной статьѣ Н. Евреинова „Мой любимый театръ". И на базарѣ въ Морокко и въ гостяхъ въ Петербургѣ ему въ этой кодачности чуется театральность. Весь міръ—декораціи. И самые люди лишь декораціи. Въ особенности женщины—эта красивая бутафорія театра жизни. И единый режиссеръ въ этомъ театрѣ—Я.

5.

Бальмонтъ написалъ—„Зовы древности", но правильнѣе было бы написать—„Зовы экзотики". Потому что и его, какъ и большинство поэтовъ больше влечетъ къ экзотикѣ. Вотъ почему никто не посѣтуетъ на меня за статью А. И. Кохановскаго „Искусство Абиссиніи", изобилующую интересными бытовыми подробностями. Сквозь многія изъ экзотическихъ деталей быта и души быта—искусства—слышатся подлинные зовы древности. Я надѣюсь что нѣсколькими новыми мотивами и новыми словами подаритъ весеннихъ читателей трудолюбивое изслѣдованіе молодого путешественника... „Зовы древности"...

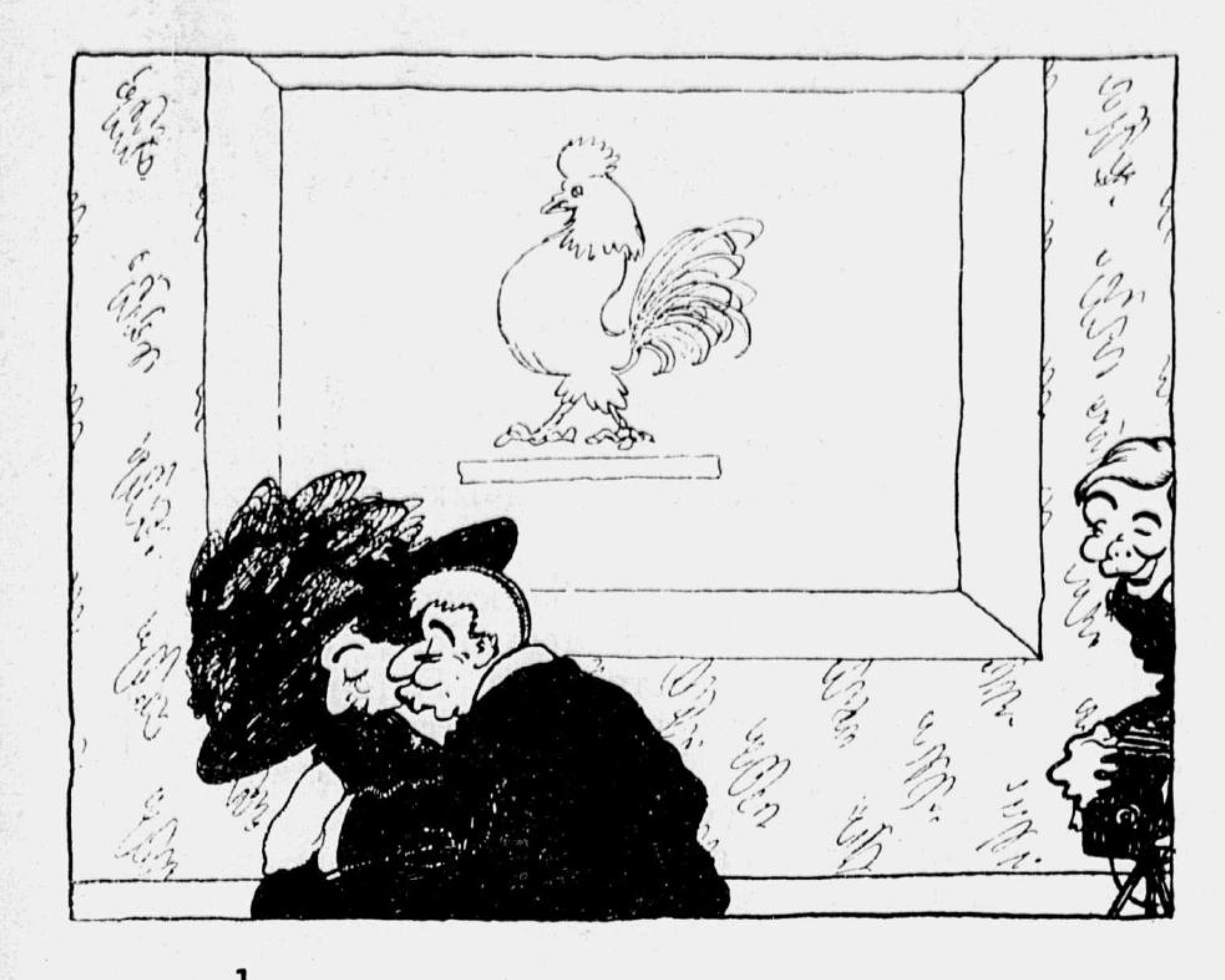
6.

Зововъ глубокой древности лично я не слышу. Но зовы давности, зовы старинности неутѣшно поютъ въ моей душѣ. Такъ мечтается порой скрыть подъ напудреннымъ парикомъ досадную докучливую безпощадно увеличивающуюся лысину... Грезятся изящные менуэты, задорно лукавятъ мушки фарфоровыхъ маркизъ, пахнетъ пачулями и какими то позабытыми куреніями. Такъ много очаровательнаго легкомыслія въ этихъ галантныхъ красавицахъ... Какъ много изящнаго паѳоса въ стихахъ... Какъ трогательна мелодрама на сценѣ... Какъ милъ наивенъ водевиль. Какъ элегантны экспромпты и находчивы буримэ. Какъ величаво просты картины на стѣнахъ... Какъ много сказки вокругъ... Въ противовѣсъ вечерамъ футуристовъ, хотѣлось бы устроить вечеръ напудренныхъ париковъ. Хотѣлось бы основать клубъ напудренныхъ париковъ... Вѣрится, что стоитъ только скрыть парикомъ проклятую лысину, какъ сказка сѣдыхъ временъ станетъ былью... И вы сбросите ваше траурное черное платье и, облачитесь въ цвѣтные камзолы и жилеты и душа ваша расцвѣтится и расцвѣтетъ.

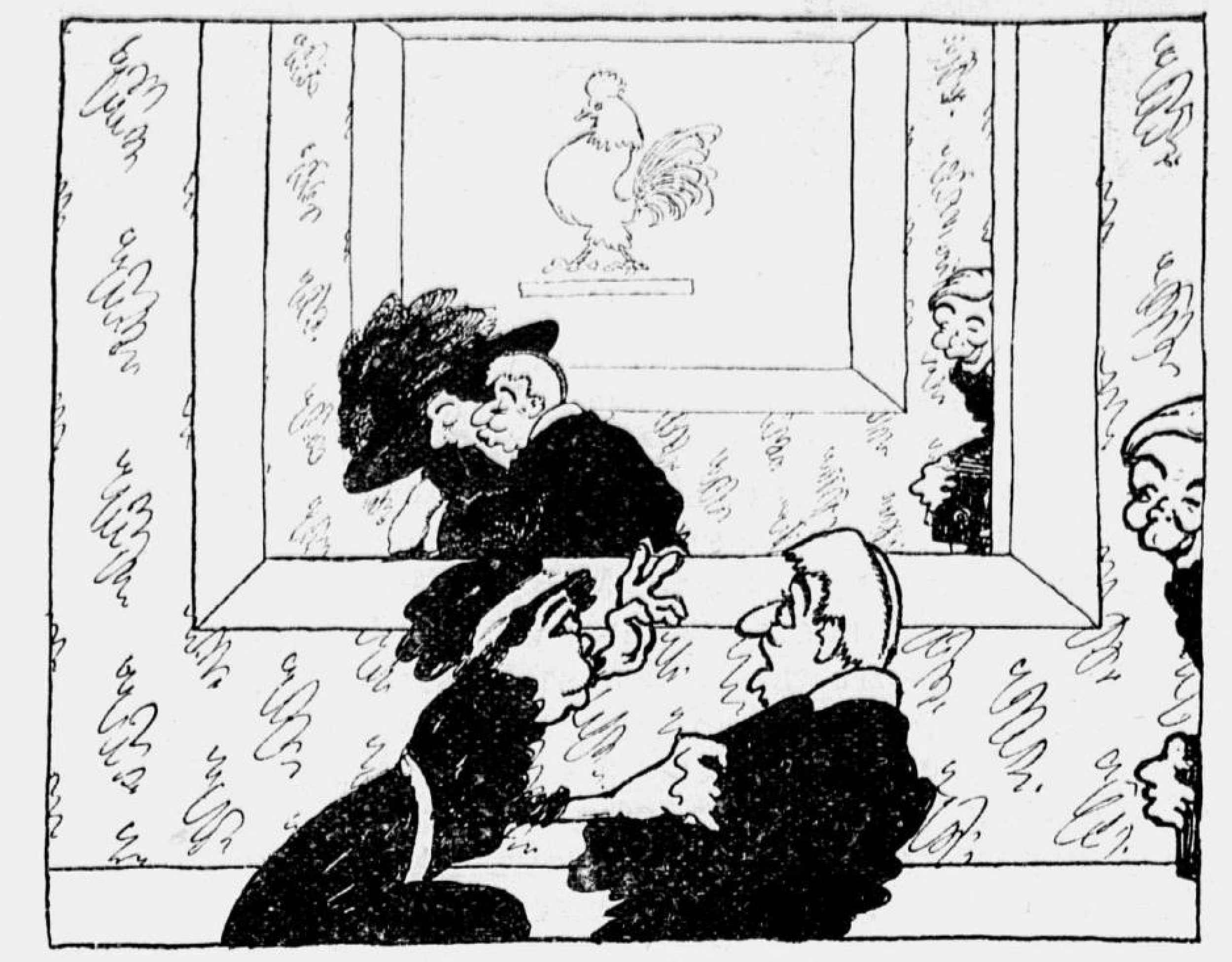
Н. Шебуевъ.

Вниманію участниковъ конкурса „Саломея". По цензурнымъ условіямъ „Саломея" должна быть изображена *безъ главы Іоанна.*

„Наказанный ловеласъ“ или „Приключеніе Глупышкина въ Кинематографѣ“. Рис. Д. И. Мельникова.

1

2

3

4

Почтовый ящикъ.

Въ виду того, что я получаю еженедѣльно до трехсотъ рукописей, а заниматься ихъ чтеніемъ приходится по ночамъ, обращаюсь къ авторамъ со слѣдующими словами:

1) Переписывайте четко, не сокращая словъ.

2) Подписывайте каждую изъ присланныхъ вещицъ, хотя бы въ одномъ конвертѣ было нѣсколько стиховъ.

3) Пишите на одной сторонѣ листа.

4) Не торопите съ отвѣтомъ,—всѣмъ безъ исключенія будетъ данъ отвѣтъ, потому что просматриваю я рѣшительно каждую рукопись.

5) Не забудьте на каждой рукописи проставить свой адресъ.

6) Вступая въ переписку по поводу уже прочитанныхъ мною рукописей, помѣчайте номеръ почтоваго ящика, за которымъ вамъ данъ отвѣтъ. Иначе нѣтъ возможности разобраться въ массѣ писемъ.

7) Во избѣжаніе затери въ конторѣ редакціи рукописи адресуйте лично мнѣ: Николаю Георгіевичу Шебуеву, Старорусская, 16.

8) На конкурсныхъ рукописяхъ, какъ и на конвертахъ четко указывайте «конкурсъ № такой-то» или: «журналъ № такой-то».

Рукописи безъ указанія автора на нежеланіе печатать даромъ, конкурсные разсказы, рисунки и ноты печаются даромъ.

Мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются.

1) **Евгеній Потуловъ (Минскъ).**—Вашъ драматическій этюдъ «Къ жизни» непригоденъ главнымъ образомъ изъ-за того, что въ немъ нѣтъ жизни. Весь актъ Ида жалуется на безпричинную тоску, то матери, то другу. И вдругъ—умираетъ.

Мать.—Она такъ устала...

Старый другъ.—Устала, да... отъ проклятаго чудовища, чье имя жизнь (плачетъ).

Боюсь, что и публика устанетъ и умретъ отъ тоски доглядѣвъ до конца эту пьеску. Написана она литературно. Но—бодрости, жизни, весны ждетъ «Весна».

2) **А. В. Буткевичъ. (Петербургъ).** — «Паденіе» могло бы быть недурненькимъ и психологическимъ этюдомъ, если бы вы его сократили разъ въ десять. Вѣдь, въ сущности говоря вотъ въ этой сценѣ весь разсказъ.

— Я опять къ Вамъ съ книгой,—входя въ комнату Шуры, началъ студентъ.—Не наскучилъ я еще Вамъ?

— Нѣтъ. Наоборотъ, я очень рада,—привѣтливо улыбаясь, говоритъ дѣвушка, вся вспыхивая подъ яркимъ взглядомъ.

— Что же намъ сегодня почитать?—продолжаетъ тотъ, занимая свое мѣсто.—Не хотите ли Андреевскую «Бездну?

— Нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ! — быстро отвѣчаетъ дѣвушка.

—Почему?

—Я раньше читала «Бездну».

—Но, кажется, мы все это время съ Вами читали уже знакомое.

— Да... Но «Бездну» не надо! Это что-то такое дикое, грязное, кошмарное.

— Я готовъ держать пари, что Вы даже не поняли этого разсказа.

— Можетъ быть! Но я не хочу его слушать во второй разъ.

— Сознайтесь, Александра Георгіевна, что Вы просто не хотите со мной читать этого разсказа, въ которомъ чувствуете для себя что-то незнакомое, загадочное? Вы хорошенько даже и не представляете себѣ, что это такое и уже заранѣе пугаетесь и бѣжите. Вы боитесь неизвѣстнаго такъ же, какъ ребенокъ боится темноты. Но вѣдь вся жизнь неизвѣстность... Человѣкъ—это настолько сложное существо и настолько разнообразное въ проявленіяхъ своихъ чувствъ, что дѣлать какое-либо заключеніе о томъ или иномъ его поступкѣ, оцѣнивая этотъ поступокъ, и то невозможно.. Страсть такое всепоглощающее чувство, что охваченный ею человѣкъ не можетъ уже разсуждать...

Что либо возражать на это Шура не имѣла возможности, главное не имѣла данныхъ. Она молча сидѣла и выжидала, когда тотъ кончитъ и начнетъ читать. Но онъ не кончалъ. Отложивъ книгу, Шрамченко всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Комната была такъ мала, что сдѣлавъ 3—4 шага студенту приходилось наталкиваться на предметы. Это ему повидимому наскучило и онъ остановился сзади стула дѣвушки. Шурѣ было крайне неловко: она слышала сзади его дыханіе; онъ стоялъ такъ близко, что она чувствовала его прикосновеніе. Сердце у нея перестало биться. Она чего-то ждала

Но вотъ ея голову берутъ большія сильныя руки, запрокидываютъ навзничъ, губы обжигаются прикосновеніемъ горячихъ губъ, которыя прижимаются съ такой силой, съ такой болью. Она чувствуетъ на себѣ его большія властныя руки, онѣ прижимаютъ ее къ себѣ, видитъ помутившіеся острые глаза и слышитъ прерывистое: «люблю, безумно, страстно люблю!»

Совершенно забывъ прежнее презрѣніе, она охвачена какимъ-то новымъ, неяснымъ чувствомъ къ этому большому человѣку. Она такъ хорошо, по-новому, чувствуетъ себя въ его крѣпкихъ объятіяхъ и довѣрчиво, впервые на его страстный поцѣлуй откѣчаетъ поцѣлуемъ.

Думалъ ли Леонидъ Андреевъ на что пригодится его „Бездна“.

3) **С. Аголъ. (Вильно).** — Вы перелагаете въ стихи «Рѣчь на могилѣ Сегала». Но или рѣчь очень слаба по содержанію, или стихи ваши слабы для рѣчи. Въ обоихъ случахъ не слѣдовало писать:

(Изъ рѣчи Х*** на могилѣ Сегала).
Я цвѣтокъ погубилъ...
Онъ сегодня вѣдь былъ
Полонъ жизни еще...
Погубилъ для того,
Чтобъ тебѣ, мой дружокъ,
На могилу цвѣтокъ
Возложить непростой
Моей слабой рукой!

«Погубилъ» и «былъ»—плохія риѳмы. «Еще» и «того»—еще хуже.

«Дружокъ»—врядъ ли умѣстное обращеніе къ покойнику. Почему ваша рука «непроста?» Видно, что и остальные стихи написаны «не простой, но очень слабою рукой». Займитесь гимнастикой.

4) **Е. Аркадину. (Петербургъ).** — Бодрости, бодрости! Не настраивайте себя на «настроенія». Старо это, изжито и очень дешево.

5) **Константину Богданову. (Кирсановъ).** — «Подъ игомъ мрака» написано довольно живо, но не оригинально, тѣ же самые ужасы революціи описывались другими ярче и жарче. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ въ «Веснѣ» нѣтъ никакого направленства и политикой она совсѣмъ не интересуется. Вообще въ Россіи нѣтъ политики. Есть «политическій», но нѣтъ политиковъ. Есть Пуришкевичъ, Милюковъ, Замысловскій, Марковъ, Гучковъ, но нѣтъ политики. Ей Богу интереснѣе даже эгофутуристы, чѣмъ они.

6) **Е. Богдановичъ. (Екатеринбургъ).**—«И плыветъ золотая лодочка»... — длинно, попробуйте покороче. Вы подумайте о томъ, сколько дебютантовъ вы лишили бы въ «Веснѣ» мѣста если бы я помѣстилъ вашу лодочку.

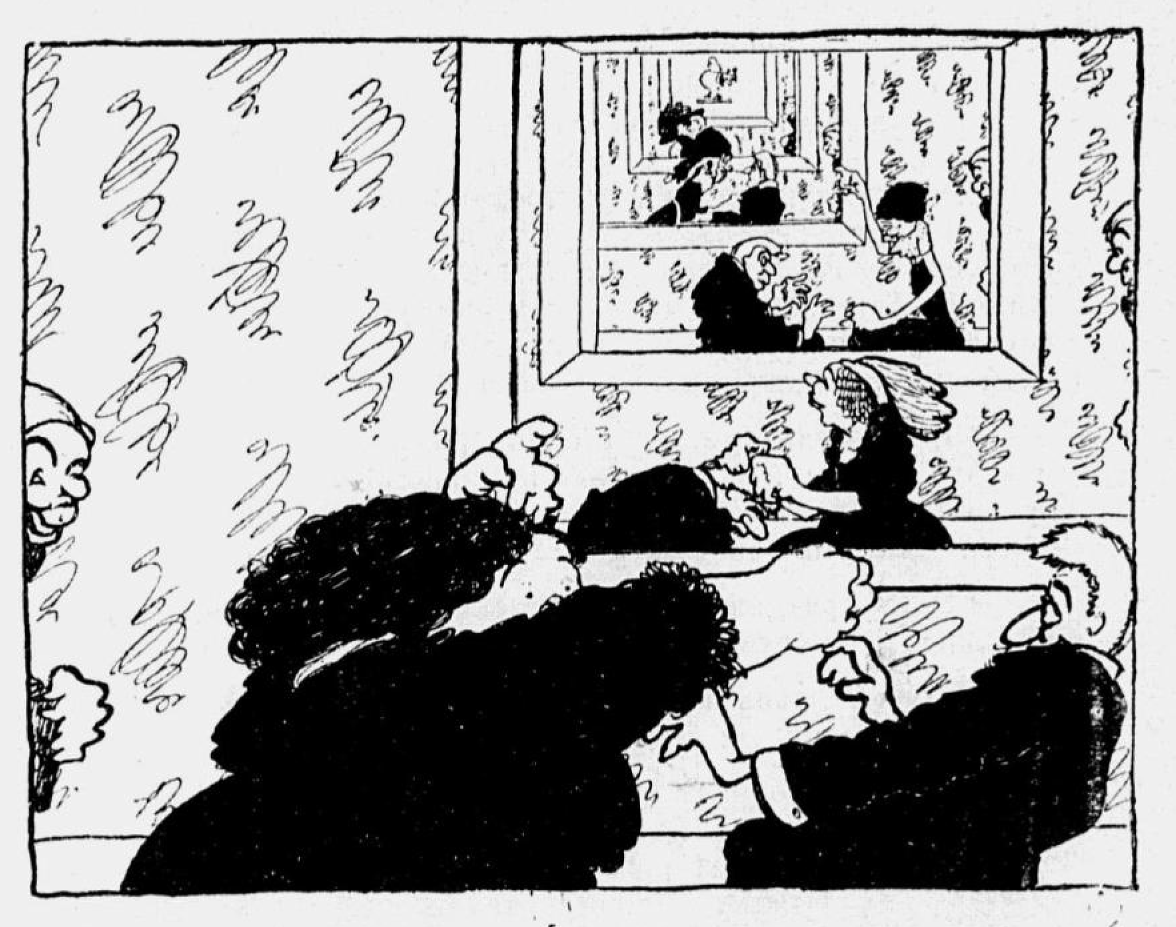
7) **В. Васильева. (Петербургъ).** — Вполнѣ. Смотрите на ежемѣсячную «Весну» какъ на продолженіе еженедѣльной. Ежемѣсячная «Весна» унаслѣдовала отъ еженедѣльной и ея портфель. Въ немъ оказались стихи Игоря Сѣверянина Грааль-Арельскаго, поэма Мейстера и пр., и пр. Часть того, что было приготовлено для № 33 еженедѣльника идетъ въ № 1 ежемѣсячника.

8) **Н. Негоринъ. (Москва).**—Что сказать вамъ о «Цвѣтникѣ». О немъ вамъ подробно разскажетъ пом. пр. повѣр. Венгеровъ (Казачій, 6). У него исполнительный листъ на меня. По нему онъ получаетъ съ меня до сихъ поръ то, чего не доставили «соиздатели» по „Цвѣтнику“ въ типографію Березина. Я не только потерялъ свои труды и взялся на редактированіе сборника, но потерялъ и порядочное количество денегъ. А книги... на складѣ въ типографіи. Въ нужную минуту помощники мои по «Цвѣтнику» скрылись кто куда.

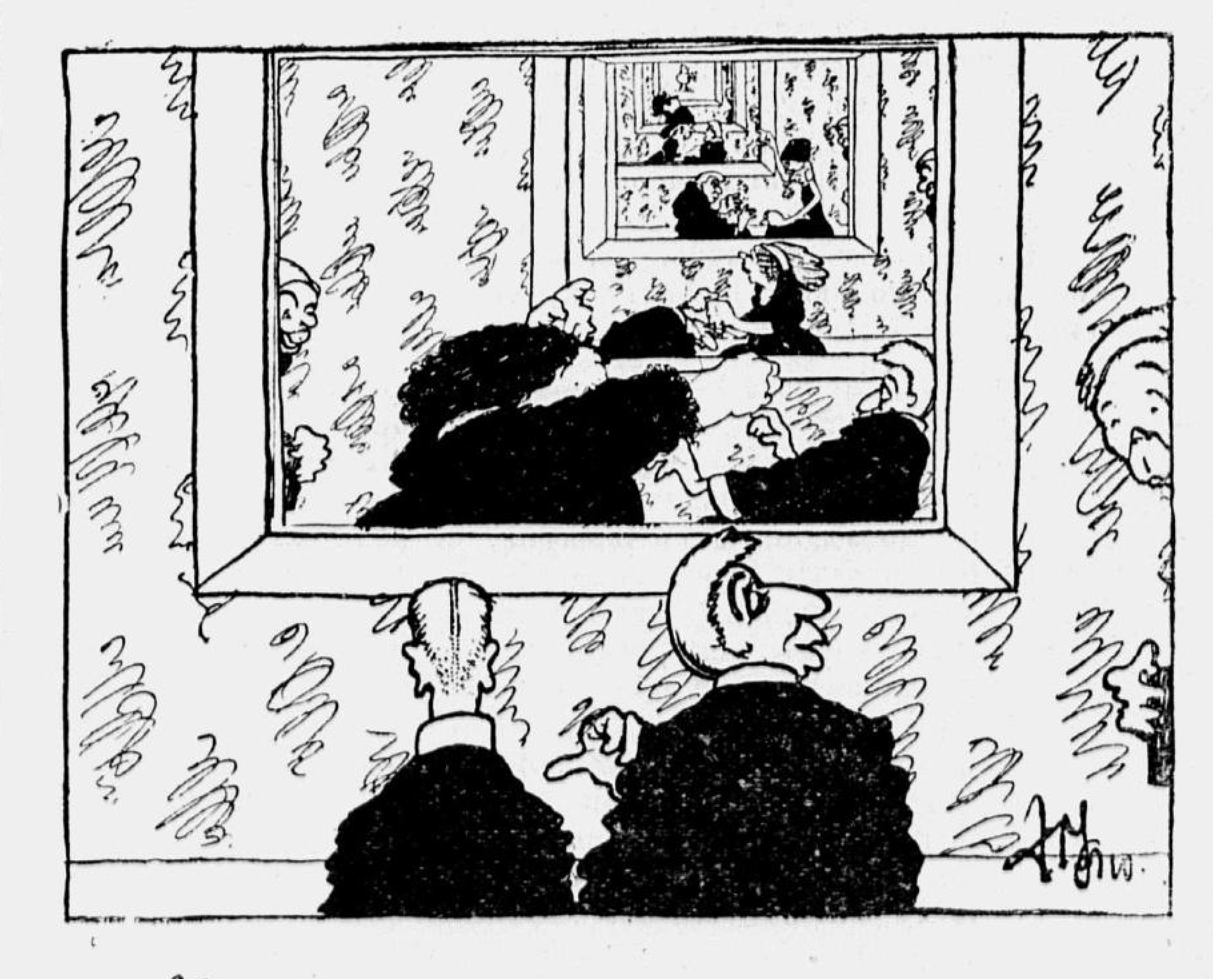
9) **Яковъ Глахенгаузъ. (Баку).**— Вы пишите: «Со скорбью я прочиталъ въ послѣднемъ № «Весны» о пріостановкѣ этого симпатичнаго и единственнаго въ своемъ родѣ журнала. И въ самомъ дѣлѣ, теперь только становится ясной та прямо таки несуразность, что каждый изъ насъ, любя «Весну», находилъ почему-то нужнымъ пріобрѣтать ее у разносчиковъ, а не прямой подпиской. Но объ этомъ, какъ о дѣлѣ совершившимся, говорить не приходится.

Я могу только выразить сердечное пожеланіе, чтобы этотъ симпатичный журналъ въ своемъ новомъ обликѣ имѣлъ большій успѣхъ».

Спасибо за пожеланіе. Но ничего несуразнаго въ томъ, что молодежь не подписывается на журналы нѣтъ. Молодежь наша очень бѣдна. И чѣмъ талантливѣе, тѣмъ бѣднѣе. Я и теперь расчитываю не на подписку молодежи, а главнымъ образомъ на библіотеки. Если хоть половина всѣхъ библіотекъ выпишетъ «Весну», дѣло ея обезпечено. Требуйте «Весну», въ библіотекахъ — этимъ вы поможете дѣлу «Весны». Это о «Веснѣ». А вотъ это, о вашихъ стихахъ: въ «Лиліи» у васъ

5

6

КОНКУРСЪ ЮМОРИСТОВЪ.

Требуется сочинить подписи къ каждому изъ этихъ шести рисунковъ Д. И. Мельникова. Тотъ кто сочинитъ наиболѣе лаконическую и остроумную подпись получитъ даромъ «Весну» за 1914 г.

«болотистый» вм. «болотистой». Въ переводѣ изъ Д. Аннгорна у васъ «вербá» вм. вéрба»,—«видя» вм. «видя». Вообще по части русскаго языка у васъ не все въ порядкѣ. И версификація хромаетъ,—размѣры сбиваются, двухдольные и трехдольные перепутываются.

10) **А. Голубеву. (Москва).** — Совершенства вообще нѣтъ. Я помѣщаю въ «Веснѣ» лучшее изъ присланнаго, изъ того, что имѣется въ портфелѣ. Игоря Сѣверянинина я считаю талантливымъ, но незнающимъ мѣры въ своихъ новословообразованіяхъ. Каждый вѣкъ имѣетъ свои слова. Языкъ долженъ поспѣвать за вѣкомъ. Теперь культура двигается впередъ не въ ариѳметической, а въ геометрической прогрессіи. И языкъ долженъ развиваться въ геометрической прогрессіи. Но это развитіе не должно опередить потребность. Иначе отравиться неологизмами. Въ «Веснѣ» на стр. 145 хорошенькій шаржъ на слово любовь.

11) **Конкурренту. (Петербургъ).** — Ну конечно, признанныя достойными произведенія присланные на конкурсъ будутъ безплатно помѣщены въ «Веснѣ». Лучше подписывайтесь подъ всѣми конкурсами одинаково, — только такимъ образомъ вы сможете обратить на себя вниманія. А это — главная цѣль конкурса.

12) **С. С. Семенову.** Я уже предлагалъ на обсужденіе молодежи этотъ вопросъ. Теперь послѣ того, какъ послѣдній съѣздъ народныхъ учителей такъ энергично высказался противъ буквы ѣ мнѣ самому хотѣлось ввести упрощенную орѳографію въ „Веснѣ". Но къ сожалѣнію типографскія условія мѣшаютъ. Барышни работающія на наборныхъ машинахъ, наборщики и корректора не хотятъ ради одной «Весны» переучиваться и отвыкать отъ опальныхъ буквъ. И они правы: какая цѣна будетъ корректору, который въ „Веснѣ" пріучится презирать букву ѣ и попадетъ въ типографію гдѣ этой буквѣ воздаютъ большія почести! У барышень и наборщиковъ рука сама привыкла тянуться къ буквѣ ѣ Да и касса наборщика должна быть передѣлана съ упраздненіемъ долженствующихъ умереть буквъ.

13) **Б. Фельзеръ.** — Я очень радъ всякимъ письмамъ по поводу „Весны". Я смотрю на подписчиковъ „Весны" какъ на сотрудниковъ и прислушиваюсь къ ихъ совѣтамъ. Вообще обмѣнъ мнѣній очень желателенъ.

14) **Е. Аркадинъ.** — Мы стосковались о фабулѣ. А ваша «Долина Цвѣтовъ», дышетъ настроеніями и запахами тлѣнія.

15) **Мих. Леберманъ.** — У васъ перепѣты всѣ мотивы Оригинальнѣе другихъ:

Кто надъ моею головкой
Тихія пѣсни пѣвалъ,
Кто мнѣ разсказывалъ сказки
Сладкую кашку давалъ...
Съ кѣмъ я рѣзвился на полѣ,
Бабочекъ часто ловилъ;
Съ кѣмъ я катался на лодкѣ
Рыбку златую удилъ.
Съ кѣмъ отправлялся я въ школу.
Кто насъ училъ почитать
Старшихъ и няню родную,
Это все ты моя мать.

Но и это, согласитесь, скорѣе манная каша, чѣмъ стихи изъ вашей головки. Грѣховъ противъ основныхъ правилъ версификаціи—масса.

16) **А. Я. Пэльвэ.** — Вы прислали, вѣроятно, полное собраніе своихъ стихотвореній, Но достаточно перваго же стихатворенія вашего, чтобы охарактеризовать васъ какъ пѣвца.

Храню я хризантему—риликвію святую
Въ послѣдній мигъ разлуки, ее дала мнѣ та—
Кто счастіе свое, любовь и жизнь младую
Забывъ весь міръ поэту отдала...
Цвѣтокъ засохшій, въ минуту грусти ты
Когда вкрадется въ сердце мука, боль,
Мнѣ нѣжно шепчешь сказки о любви
И исчезаетъ жизни скорбная юдоль...
Когда умру пусть хризантему мнѣ,
Какъ даръ пѣвцу скорбей народа
На гробъ опустятъ, какъ другу всѣ
Кому близка—жизнь, любовь. свобода.

Не дождаться вамъ хризантемы, хотя бы и взятой на прокатъ изъ цыганскаго романса. И всѣ образы вашихъ стиховъ взяты на прокатъ. Свои только скверныя риѳмы (та—отдала, ты—любви, мнѣ—всѣ) и ухабы вмѣсто ямбовъ.

17) **Борисъ Рубинштейнъ.** — Вы укоряете меня за то что я назвалъ ваши стихи скучными и возражаете: „Какъ будто въ скукѣ ничего хорошаго быть не можетъ. И почему Вы не допускаете въ моихъ стихахъ немножко «вуальности», «полумаски» и нѣкотораго «тумана»? Не ужели обязательно нужно писать такъ ясно, чтобы можно было, не подумавъ, не прожовывая, свободно проглатывать".

Великій поэтъ сказалъ: „всѣ виды искусства хороши кромѣ скучнаго". У васъ на этотъ взглядъ особое мнѣніе. Что же касается вуаля... Я не противъ вуал , если сквозь его сѣтку просвѣчиваетъ хорошенькое личико. Но турецкій вуаль, сквозь который не просвѣчиваетъ ничего—скученъ.

18) **Г. М. Лиханскій. (Бирючъ).** — Бросьте писать стихи. Для этого надо имѣть вкусъ, слухъ и хоть немного знать грамматику того языка, на которомъ пишешь.

О будь ты проклята отчизна мать
Пославшая своихъ сыновъ далеко умирать
Въ невѣдомыхъ поляхъ страны далекой
И кровію сыновъ родимыхъ поливать
И цѣп грязныя безумцевъ пошлыхъ.

Вы риѳмуете „далекой" и „пошлыхъ", „птицъ" и „высь", „тебя" и „палача". И паѳосъ вашъ изъ листковъ 1905 года. Послѣ стиховъ вдетъ такая приписка:

„Не знаю кажется ничего, впрочемъ я самъ судить не могу (свое всегда хорошее)".

19) **Х. Курицкій. (Вильно).** — Въ жизни фармацевтовъ несомнѣнно много такого надъ чѣмъ можно пофилософствовать, Но вы рсзсказываетъ только репортерское происшествіе,— не больше.

20) **Анонимъ.** — Въ «Ст. сов. Секундъ Сакердоновичъ Сосипатровъ» явное юдофобство. Какъ не стыдно автору думать, что „Весна" можетъ принять подобный разсказъ.

21) **К. Рубахину** (Одесса). Съ удовольствіемъ согласенъ на ваши условія: за 10 годовыхъ подписчиковъ собранныхъ вами вы получите безплатный годовой экземпляръ «Весны».

22) **Н. Штейну** (Казань). Не судите по настоящимъ строкамъ «временъ упадка». Въ прошломъ у него тысячи заслугъ. Въ его фельетонахъ—токъ большого напряженія. Они убивали тѣхъ, кто прикоснется.

23) **И. Любимовъ.** Увы, въ вашихъ «Тайнахъ» слишкомъ явная порнографія.

24) **Абр. Мендельсонъ** (Варшава). Пришлите другое.

25) **Вѣрѣ Мочаловой.** Для личныхъ объясненій съ авторами меня нѣтъ дома. Объясненія только въ Почтовомъ ящикѣ «Весны». Иначе я рисковалъ бы быть растерзаннымъ.

26) **С. Гликману** (Харьковъ).

Гдѣ цвѣтовъ для милой пукъ?.. Нѣтъ!
Его съ собой весна принесетъ,
Когда на яблони почкой пукнетъ
И запахнетъ, какъ липовый медъ ..
. . . .

Ждите.

27) **И. Заикину** (Ясная Поляна). Извольте, печатаю:

У насъ въ деревнѣ чертополосица
Э-э-эхъ...
Такъ вотъ въ винопольку душа и на будняхъ даже просится...
Грѣхъ...
У насъ въ деревнѣ не могутъ кабака закрыть приговора.
Э-э-э эхъ!..
Значитъ за одно съ мошенниками и ворами
Грѣхъ...
У насъ весь деготь ушелъ не на колеса (телѣги) а на ворота
гдѣ избы съ дѣвками...
Э-э-э-э-эхъ...
А между прочимъ онѣ же надъ нами съ издѣвками
Смѣхъ...

Ваши стихи, дѣйствительно, и смѣхъ, и грѣхъ.

28) **Алковіадъ.** — Нѣтъ. Попробуйте прозу.

29) **А. Б. В. Г.** — По одному стихотворенію не видно.

30) **Мерн Вейсъ.** — Вы не имѣете понятія о ритмѣ.

31) **Ивану Помнящему родство.** — Для первыхъ шаговъ не дурно. Но хотѣлъ бы, чтобы вы начали не съ такой маловавѣтной вещицы. Жду еще.

32) **Сверчку.** — Юмористическія вещицы очень желательны. Но въ вашемъ «Петролѣ» мнѣ понравилась только одна аксіома: «Тише ѣшь дольше проѣшь». Глубоко и блестяще.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ.**

Издательница **Н. К. Дмитріева.**

Владимірская Типо-Литографія, Николаевская ул., д. № 42.